РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ САТИРА XVII ВЕКА

РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ САТИРА XVII ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

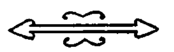
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ САТИРА XVII ВЕКА

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА
АН СССР
В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1954

ТЕКСТЫ



ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

I

[1] *[В мори перед болшими рыбами сказание о Ерше о Ершове сыне, о щетине о ябеднике, о воре о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тягалися рыбы Лещ да Головль, крестьяня Ростовского уезду]* [1]

Лета 7105 *(1596)* декабря в день было в болшом озере Ростовском сьеждялися судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских предел, судные мужики[а] Судок да Щука-трепетуха.

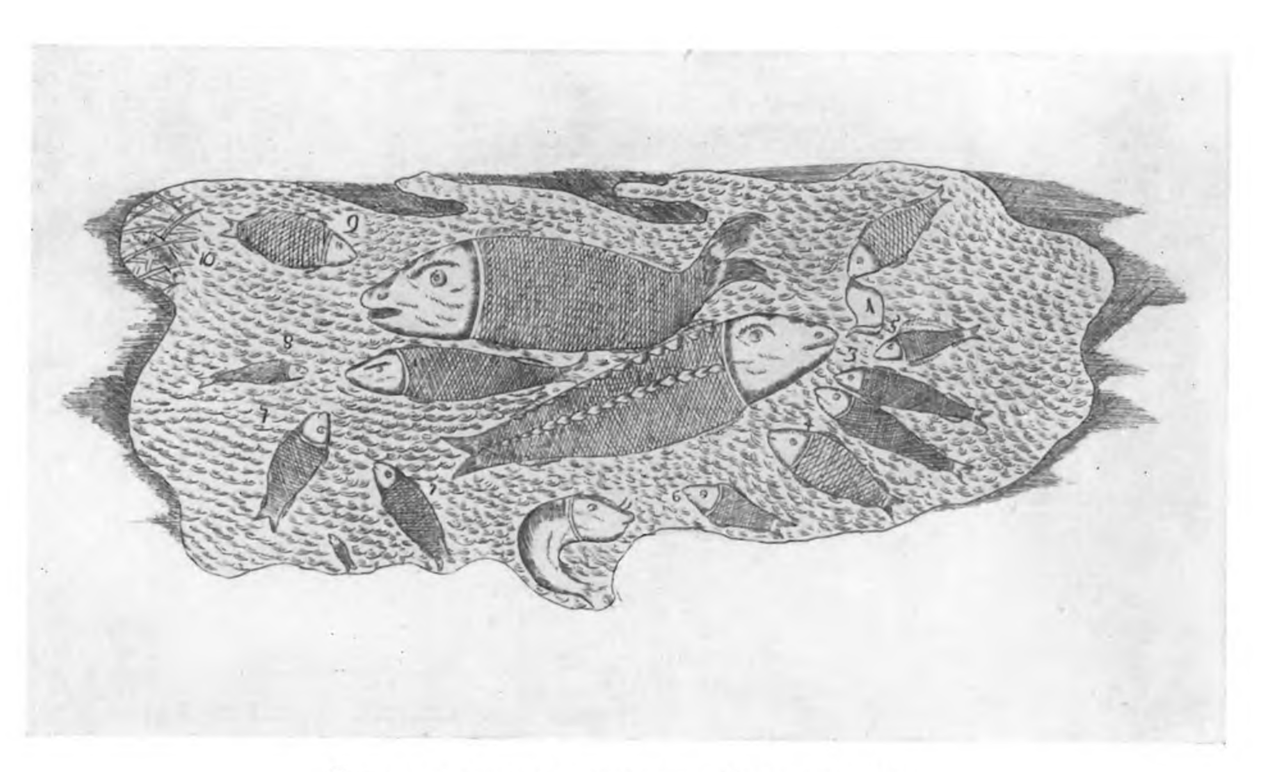
Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головль, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: „Бьют челом и плачутца сироты божии и ваши крестьянишька, Ростовскаго озера жильцы, Лещ да Головль. Жалоба, господа, нам на Ерша[б] на Ершова сына, на щетинника на ябедника, на вора на разбойника, на ябедника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на вострые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих, а тот Ерш щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги из Ветлужскаго поместья из Кузьмодемянскаго стану, Которостью-рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими, приволокся в зимную пору на ивовых санишках и загрязнился и зечернился, что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке,

что пала она в Оку-реку, против Дудина монастыря. И как пришел в Ростовское озеро и впросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестиянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками. А пожив, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке. И тот воришько Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере, да подале нас жил и з детьми расплодился, да и дочь свою выдал за Вандышева сына и росплодился с племянем своим, а нас, крестиян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вон выбили, и озером завладели насильством з женишком своим и з детишьками, а нас хощет поморить голодною смертию. Смилуйтеся, господа, дайте нам на него суд и управу".[в]

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд пошел, и на суде спрашивали Ерша:

„Ершь щетина, отвечай, бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?".

И ответчик Ершь перед судиями говорил: „Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не грабливал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушьку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истаринший человек, детишка боярские, мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы. А те люди, Лещ да Головль, были у отца моего в холопях. Да после, господа, яз батюшка своего, не хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишьками, а на воле им жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость и голод велик, и тот Лещь да Головль сами сволоклися на Волгу-реку и по затонам розлилися. А ныне меня, бедново, отнють продают напрасно. И коли оне жили в Ростовскомь озере, и оне мне никогда и свету не



Судьи, челобитчики и свидетели в Ростовском озере.

Лубочная картинка XVIII в.

дали, ходят поверх воды. А я, господа, божиею милостию и отцовымь благословениемь и материною молитвою не чмуть, ни вор, ни тать и ни разбойник, а полишнаго у меня никакова не вынимывали,[г] живу я своею силою и правдою отеческою, а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцемь и шавфраномь, и с уксусомь, и во всяких узорочиях, а поставляють меня перед собою чесно на блюдах, и многие люди с похмеля мною оправливаютца".

И судии спрашивали Леща с товарищи: „Что Ерша еще уличаите ли чем?". И Лещь говорил: „Уличаем божиею правдою[д] да кресным целованием[е] и вами, праведными судиями". „Да сверх кресново целования есть ли у нево,[ж] Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие даные или крепости какие не буть?". И Лещь сказал: „Пути-де у нас и даные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево. И как он, Ершь, тем озером завладел сильно, и всем то ведамо,[з] что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством".

И Лещь с товарищем слалися: „Сшлемся, господа, из виноватых,[и] на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге, а зовут его рыба Лодуга, да на другово доброво человека, а живет он под Новымгородом в реке, зовут его Сигом. Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро изстарины наше, а не Ершово".

И судии спрошали Ерша щетинника: „Ершь щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?".[к] И Ершь им говорил: „Господа праведные судии, Лещь с товарищи своими люди прожиточные, а я человек небогатой, а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в далнем разстоянии, шлюся на них в послушество,[л] что оне люди богатые, а живут на дороге. И оне хлеб и соль с теми людми водят меж собою".

И Лещь с товарищем: „Шлемся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут его Селдь рыба“.

И Ершь так говорил: „Господа мои судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди во племяни, промеж собою ссужаютьца, и они по Леще покроют“.

И судии спрашивали Ерша: „Ершь щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги, а живешь ты от них подалеку?“. И Ершь говорил так: „Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем,[м] а се Лещь он с ними во племяни“.

И судии спрашивали и приговорили Окуню приставу сьездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их пред судиями.[н] И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых[о] Мня. И Мень ему отказал: „Что ты, братец, меня хощешь взять, а я тебе не пригожуся в понятые — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею“.

И пристав Окунь отпустил Мня на волю да взял в понятые Язя да Саблю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига:[п] „Скажите, что ведаете промеж Леща да Ерша, чье изстарины то Ростовское озеро было?“. И правду сказали третие: „То-де озеро изстарины Лещево да Головлево“.[п] И их оправили. „Господа, люди добрые, а крестияня они божии, а кормятся своею силою, а тот Ершь щетина лихой человек, поклепщик бедо, обманщик, воришько, воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бываеть, он таков, что змия ис-под куста глядить. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам и вывернетца он, аки бес. А где он впроситца начевать, и он хочет и хозяина-то выжить. И как та беда разплодился, и он хочеть и вотчинника-то посесть, да многих лю-

дей ябедничеством своим изпродал и по дворам пустил, а иных людей пересморкал; а Ростовское озеро Лещево, а не Ершово".

И судии спрашивали у Ерша: „Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и даные и какие крепости?". И Ершь так говорил: „Господа, скажу я вам, были у меня пути и даные и всякие крепости на то Ростовское озеро. И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатьца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и даные згорели".[p]

И судии спрашивали: „Скажите вы про тово Ерша, назвался он добрым человеком, да знают-де ево князья и бояря, и дворяня и дети боярские, и дьяки и подьячие, и гости и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых, Переславцы". „А мы, господа, стороны, про нево скажем вправду. Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добрые рыбы, и он купит ершев на полденьги, возмет много есть, а более того хлеба разплюеть, а досталь собакам за окно вымечють или на кровлю выкинуть. А изстарины словут Вандышевы, Переславцы, а промыслу у них никаково нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик и обаищик и ведомой воришко".

И судии спрашивали Осетра: „Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про нево ведаешь?". И Осетр, стоячи, молвил: „Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду. Знают Ерша на Москве князи и бояря и всяких чинов люди. Толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которости [2][к Ростовскому озеру, и тот Ерш встретил меня на устье, пустил до озера да назвал меня братом. И яз начался ево добрым человеком да назвал ево противу братом. И он меня спросил: «Брате Осетр,

далеча ль ты идеш?». И яз ему спроста сказал, что иду в Ростовское озеро жировать. И Ерш рече: «У меня перешиб, брате мои милый Осетр, жаль мне тебя, не погинь ты напрасно, а ныне ты мне стал не в чужих. Коли яз пошел из вотчины своей, из Волги-реки, Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвоя тобя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера, а глава моя была что пивной котел, а очи — что пивные чаши, а нос мой был карабля заморскаго, вдол меня было сем сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был что лодейной парус. И яз бока свои о берег отер и нос переломал, а ныне ты, брате, видиш и сам, каков яз стал: и менши тобя и дороства моего ничего нет». И яз ему, вору, поверил и от него][2] б... с... назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал".

А Сом воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: „Право, он прямой человек, ведомой вор мне он не одно зло учинил — брата моево, болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся, а когда брат мой, болшей Сом, вверх по Волге-реке шел, и тот Ершь щетина, ябедник и бездушник, встретил ево, брата моево, и почал с ним говорить. А в тое время брата моего неводом обкидали и из детьми, а тот Ершь стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?». И брат мой спроста молвил: «Я-де вижу Волгу с вершины и до устия». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моево и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор Ершь щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли да обухами и з детми прибили, и Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак-де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор".

И судии в правду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою.[c]

Беда от бед, а Ершь не ушел от Леща и повернулса к Лещу

хвостом, а сам почал говорить: „Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста“.

И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером попрежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестиянех. Взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от нево впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омутом рыбным бить ево кнутом нещадно.[т]

[3]А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з болшим усом, да Щука-трепетуха, да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за ево вину — рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Мен Чернышев да другой Терской, а понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да целовальник переписывал животы и статки пять или шесть Подузов Красноперых, да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником — Треска Жеребцов, Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали.

И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерлеть с носом, а подьячей у записки в печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремный сторож — Жук Дудин.[3, у]

II

Ехал Ершишко на осин[овы]х дровишках, и прошался Ершишко в славное Ростовское озерышко у всех рыб у святой братьи одну ночь начевать. И собиралися они в кучу и думали думу ве[ли]кую и совет советовали.

Первые рыбы говорят, [насто]ящую правду творят: „Просится Ершь, старой[1] мох на главе, в Ростовское озеро одну ночь начевать. Как ево не пустить, не... бой ему наслег носити“.

Другие рыбы говорят, на[с]тоящую правду творят: „Как Ерша пустить в... озером сомустить“.

А третьи рыбы говорят, настоящую правду творят: „Попаметуйте потом, что будет содом, как Ерша пустити, дак Ерша не выжити“.

И думали думу великую и совет советовали, и пустили Ерша одну ночь начевать. Ершь ночь начевал, две начевал, от двух ночей три ночи, от трех ночей четыре ночи, от четырех ночей жил четыре недели безо дни, мало не месяц. И стал п[о] Ростову озеру ходити и детей плодити, всяки[х] рыб теснити, всех [рыб] прибил, всех прико[лол], в конец пригонил: ко[ю] рыбу ткнет, та не од[дох]нет, жива быть не может. Как у царя вострая сабля, то у Ерша щетина не от болшой полтины. Коя под пень, коя под колоду, по заводям, по запескам, по заостровам присталища не стало, и было Ростово озеро в кулигу.

И собиралися рыбы в кучу, думали думу великую, со[ве]т советовали. Первые рыбы говорят, настоящую правду творят: „Как-де тово прежде сего в Ростове озере[2] тихо и смирно, все благодарно, дело давно, а нынечи ерши стали болшие, откудь взялись, откудь поднялись, ис какой реки, ис какой протоки?“.

И думали думу велику, и совет советовали, велили посланному писати посылную грамоту на Ерша в суд праведной, просят и ныне не бросят.

И садится Рак, печатной дьяк, на ременчатой стул, чтобы чорт не здул. И содится Щука Калуга, Семга Печерска, Селдь Переяславская. И садится в судках секретарь Осетр, головой тресет: „Сукин сын, плут, бражник, Ершь, вековой ябедник, тот ли, не тот ли, как бы в руки попал, головой бы пропал. Над родом нашим натрубил,[3] брата Осетра на Волге погубил, баял да баял, да в невод завел“.

И думали все судьи с вопча посланного послати по Ерша Ельца стрелца, удалова молотца, с вершыны до конца, где Ерша сыскати, по щекам свистати, под г... пинати, в х[р]ебет толкати, перед суд посылати, никаких басен и отговорок не слушать.

Тут и пошел Елец ст[р]елец, удалой молодец, с вершины на конец, до первых рыб дошел и стал спрашивать: „Где видали, где слыхали плута, бражника Ерша, вора, ябедника?“.

Первые рыбы говорят, настоящую правду творят: „Мы ево в вид не видали, а слыхом слыхали. Нынечи ерши стали большие, проходу не стало“.

Посланной от первых рыб пошел, до других рыб дошел: „Где видали, где слыхали плута, бражника Ерша, вора, ябедника?“.

Другие рыбы говорят, настоящую правду творят: „Мы от ево бежим, плачем да дрожжим“.

Посланной от других рыб пошел, до третьих рыб дошел: „Где видали, где слыхали плута, бражника Ерша, вора, ябедника?“.

Третьие рыбы говорят, настоящую правду творят: „Ищи Ерша по заводям, по запескам, по заост[р]овам, ищи в кулиге“.

Посланной по боду, по счастию и по божескому изволению, как на скоре в кулигу пришел, так Ерша и нашел и говорит ему: „Сукин сын, плут, бражник Ершь, вековой ябедник, живешь ты дико, поступаеш велико. Есть челобитье немало — много ли ты бридишь, далеко ли видишь, всяких рыб обидишь, всех рыб приби[л], всех рыб приколол, в конец пригонил, кою рыбу ткнеш, та не одъдохнет, жива не будет. А нынечи извол перед сут стати, отъвет дати, полно матати, добра не видати“.

Ерш говорит, настоящую правду творит: „На пример скажут: посла не куют, не вяжут. Ты бы не так пришел, не то слово нашел: батюшко Ершь, здорово ли живешь, много ты бридишь, далеко ли видишь? Сами веть оне бридят, век нас ненавидят, в рот нас хватают, всегда матают. Челобитна ли на меня подана или словесно доносят?“.

Посланной говорит, настоящую правду творит: „Челобитные нет, а бьют челом век. Извол, Ерш, пред сут стати, ответ дати, полно матати, добра не видати“.

Ерш говорит, настоящую правду творит: „Я не то шо потом, и теперво готов перед суд стати, ответ дати. А ти б, посланной, полно надо мной летати, самому добра не видати“. И пошел Ерш с посланным с [е]лцом, удалым молотцом.

Идет Ерш блиско, кланяется[4] ниско. И садитца Рак, печатной дьяк, на стул, чтобы чорт не здул. И садитца Щука Калуга, Семга Печерская, Селдь Переяславская. И садитца в сутках секретарь Осетр, головой тресет, весма на Ерша несет: „Сукин сын, плут, бражник Ерш, вековой ябедник, живеш ты дико, поступаеш велико. Есть челобитье немало, много ли ты бридишь, далеко ли видиш, всяких рыб обидиш, всех рыб прибил, всех рыб приколол, в конец пригонил, кою рыбу ткнет, та не отдохнет, жива не будет. Смотри ты над родом нашим натрубил,[5] брата у меня, Осетра, на Волге погубил, баял да баял, да в невод завел“.

Ерш говорит, настоящую правду творит: „Молчи-тко ты, судья, кому будет дивья, роскажу дело я твое. Ты, брат, брат, давно тому и рат. А вы, судьи, от бога созданы, от царя посажены, ей-ей судите в правду, в крестное челованье, в еванг[е]лскую заповет: как жить умереть, вперет себя не потереть. Мы з братом с твоим, с Осетром, сошлись на матушке-Волге, полюбовно побратались, крестами поменелись. Он [6]болшой брат,[6] я ему и рад, он пошел попереди, а я пошел позади, я и говорю: «Как тебя, брат Осетр, скоро бог несет, вода житко, а ты идеш шипко». Я и спросил у него: «Брат Осетр, много ли ты бридиш, далеко ли видишь?». Он говорит: «Я вижу матку-Волгу с корени и до вершины, в ширину и глубину исповедал, на дворе вечер, а не обедал». У меня, у меншова брата, у Ерша, спросил: «Ты много бридиш, далеко ли видиш?». Я вижу от носу с пят, да подвинуся опять, на дворе вечерается, а мне, Ершу, опочеватца, на меле объночеватца. Я говорил: «Брат Осетр, ти б с мили на глуб итти, доброво не натти». Как он слово то сказал, сам себя и связал. Руской бог похвалнова слова не любит. Как он с мили на глубь сошел, со слепых-то в невод зашел. А у нас, у ершей, какова не миня, по делу дидя. У мужиков у неводов матицы ретки, а у нас, ершов, думы крепки. Я в матице не заживусь и ечеей прошибусь. Мужики стоят на берегу, разговор говорят, ехать [7]за реку хотят:[7] воно, ребята, рыба мечется, не от нас ли прячется? Взяли лотку, здернули, неводом обьехали и к берегу приехали. Пришел Скокъдан, Осетра бог и дал. Взяли полено, а голову ту сломили о коленко.

„Пришол Богдан, ерша бог дал“.
Лубочная картинка XVIII в.

„Пришол Филип, стал ерша пилить“.

Рукописная копия в красках с лубочного издания, по рукописи XVIII в. собрания В. Ф. Груздева.

Ерш на другую сторону, — воно, ребята, прозора бьют, видял матку-Волгу с корени и до вершины, а со слепых-то в невод зашел".

Судьи на месте сидили, правду судили: „Што ты, Ерш, хоробро живеш, благо баеш, лиш судей матаеш? Прав не бываеш, ничего не знаеш, как ты в Ростово озеро вселился, з детми росплодился, по озеру росходился. Есть ли у тебя на то свидетели?".

Ерш говорит, настоящую правду творит: „Есть на то у меня свидетели, есть Сорога — послать далеко дорога, есть Окунь — и ныне охат, есть Подьязок — безо всяких подвязок, есть Налим — неловко нам и обим, по Налима по свидетеля послать, долго не дождать: брюхо велико, глазам дико, шевелится тихо, губы толсты, под щеками не просто, язык худ, нелзя [8]привести пред суд[8] да слушати тут. Как мы в Ростово озеро вселились, з детками росплодились, по озеру росходились, жили наши деды, прадеды, отцы наши, состарились и представились. И было в Ростове озере дворишко худое, соломой крыто, во дворишке клитишко, в клитишке коробьишко, в коробьишке пути и грамоты, деревенские крепости. Ето по богу и по несчастию, и по божескому изволению и по божию прогневанью было на Ростовское озеро пожарной случай, и ныне скучим, принялось за солому, много было реву и содому. И горело Ростовское озеро четыре годы".

Судьи на месте сидили, правду судили и велили Ершу итти на прежнее жилище на свое пепелище, где было дворище. Челобитшики затужили, как с Ершем быти, как пособити, как Ерша добыти.

Бежал бес, заплел ез; пришел Антоний, затинул колик; пришол Перша, заложил вершу; пришол Скокъдан, Ерша бога дал; пришол Кузя, положил Ерша в кузов; пришол Денис, звалил Ерша на санки да поволок на низ; пришол Онисим, котел нависил; пришол Данил, Ерша сварил; пришол Прон, уху пролил; пришол Онкуша, Ерша-то наткушал; пришол Спиря, стал стырить: Ерш свеш, один не сьешь. Пришол Кирило, ударил Спирю по рылу: зачем о чюжем Ерше стыриш? Пришол Елизар, со всех блюд полизал, некому не сказал.

Конец.

III

Еще третья сказания о том ерше

Шол Перша, заложил вершу;
пришол Богдан да ерша бог дал;
пришол Иван, ерша поимал;
пришол Устин да ерша упустил;
пришол Спиря да на Устина стырил;
пришол Иван да опять ерша поимал;
пришол Давид, почел ерша давить;
пришол Андрей да ерша внузна агрел;
пришол Потап, почел ерша топтать;
ехал Алешка на колесах да взвалил ерша на колеса;
пришол Акины, ерша в клеть[1] кинул;
пришол сусет да кинул ерша в сусек;
пришол Антроп да повесил ерша пат строп;
пришол Лазарь да на ерша слазил;
пришол Назар, павел ерша на бозар;
пришол Фома борадат, почел ерша продавать;
пришол Костентин, дает за ерша алтын;
пришол Мартин, дает за ерша Кастентину барыша алтын;
пришол Анос да и дарам у них ерша унес.[2]
Почели ерша опрятовать, вся маладешь хотят ужинать.
Пришол Силиван, почел в кател вады наливать;
пришол Мещеря, паставил кател в пещеру;
пришол Абросим да ерша в кател бросил:
пусть-ди попреить да к ужину поспеет.
Пришол Ерема, принес дров беремя;
пришол Клим, подлажил под кател клин:
видите, братцы, стаит кател крив.
Пришол Павел да котла поправил;[3]
[4][пришла Акулина, агонь закурила;
пришла Арина да ерша сварила];[4]
пришол Ефим, чеснаку налупил;
пришол Лучка, покрашил лучку;

пришол Перша, потсыпал перцу;
[5][пришол малай да парень да ерша перепарил;
пришла Ульяна да ерша перемяла];[5]
пришол Сава да вынул из ерша полтара пуда сала;
пришол Савин, ерша пасалил;[6]
пришол Антон: збирайте, маладеш, на стол;[7]
пришол Хлеб, принес хлеб;[8]
пришол Иуда, разлажил ерша на четыре блюда;
пришол Пахом и хлеба упахал;
пришол Раман да ерша разламал;
пришол Алешка, разлажил и лошки;
пришол Демид, хочет ерша делить;
пришол Самсон да Демида савком;
пришол Терех, стал с шелепом во дверех:
Не очень-де, братцы, шумка шумитя, ешьтя смирненька.
Пришол Ульян: да еще, маладеш, я не пьян, а чом деретесь?
Пришол Яков да адин ерша смякал, а сам и ушол.
Пришол Конон: сустигайте ево, маладеш, на конех.
Пришол Елизар, лиш катла пализал, а ерша и в глас не видал.
Пришол Барис, по ерше павис;
пришол Данила да сестра ево Ненила да по ерше павыла
и конец ершу совершила.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

I

Суд Шемякин[a]

В некоих местех живяше два брата земледелцы, един богат, други убог. Богаты же ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чемь ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошеди и глагола ему: „Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог". И егда даде ему лошадь, он же веземь нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: „И того у тебя нет, что своего хомута". И не даде ему хомута.

Поиде убогои от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошедь же изо всеи мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошеди ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бить челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити, ино будет езд приставом платить.[б]

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатыи прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогии же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатыи нача погибель сказывать своеи лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогии же нача с полатеи смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатеи на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, идеже живяше судия. Убогии же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедныи же веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастеи избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую[в] в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: „Отвещаи". Убогии же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверчены камень, показа судии и поклонися. Судия же начаялся, что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: „Коли он лошади твоеи оторвал хвост, и ты у него лошади своеи не замай до тех мест, у лошеди выростет хвост. А как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми".

И потом нача другии суд быти. Поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки тои же заверчены плат и показа судие. Судиа же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: „Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдаи ему свою жену попадью до тех мест, покамест у пападьи твоеи он добудет ребенка тебе. В то время возми у него пападью и с ребенком".

И потом нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогии же, выняв заверчены из шапки тои же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начаяся яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убит отец: „Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на него, такожде убии его, яко же он отца твоего".

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу.[г] Нача богаты у убогова просити своеи лошади, он же ему глагола: „По судейскому указу как-де у ней хвост выростеть, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам". Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублев, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублев и лошадь его отда.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: „По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего". Он же размишляя себе: „Бросится мне — и ево-де не ушибить, а себя разшибьти". Нача и той с ним мирится, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя. Судиа шь высла человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять. Человек же судиин нача у него показанныя три узла просить: „Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взяти". Он же, выняв из шапки завязаны камень, и показа. И человек ему нача говорить: „Что-де ты кажеш камень?". Ответчик же рече: „То судии и казал". Человек ему [нача его вопрошати: „Что то за камень кажешь?". Он же рече: „Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти". И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: „Благодарю и хвалю бога моего, что я по нем судил: ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб".

Потом убогий отыде в дом свой, радуяся и хваля бога. Аминь].

II

Суд Шемякин

Негде во граде судья Шемяка таков был,
что весма приятно посулы любил,
потому так он и судил.
Что в неких местех два брата живяше,
един богаты, а другой убогий бяше.
Богаты убогова многия лета всем доволно ссуждаше,
потом стал богаты разсуждать:
„Долго ли мне брата своего суждати?“.
И не в кое время приде убоги к богатому лошади просити,
на чем бы из лесу дрова ему возити.
Богаты ж, не хотя ему лошади дать,
думает, как бы нибуть ему отказать,
и рече: „Брате, уж и так доволно ссуждал я тебя,
а хотя и не люба, впредь не погневайся на меня.
Изволь топерь хотя лошадь у меня и возки,
токмо впредь ничего не проси,
понеже доволно ты меня утруждаешь,
что часто всячины прошаешь“.
Убоги же у богатаго лошадь взял,
а потом и хомута у него просить стал.
Богаты же брат о том оскорбился
и весма немилостивно на него воззрился,
и нача его поносити,
что он стал у него и хомута просити.
И рече ему: „Какой ты крестьянин живешь,
естолко хоть не спрашивай лошади, а хомута у тебя нет“.
Потом богаты милости не показал,
что убогому от хомута отказал.

Видя убогой, что никакой милости не обрел,
токмо одну лошадь домой к себе привел
и, взяв свои дровни, за хвост лошадь привязал,
осердясь, на них сел и сена с собой не взял,
и поехал он в лес далече по дрова,
а думает, чтобы обратно быть в тот же день до двора.
И насекши дров, много на дровни наклал
и немилостивно лошадь ко двору погнал.
Та скоро поспешает,
что и ко двору уж приезжает.
И ворота смело отворил,
а подворотню выставить позабыл.
И ткнул он лошадь в бок,
лошадь бросилась со всех нок,
рад, что такую тягость довезла до двора,
а того не ведает, что оставила за вороты хвост
з дровами.
Убоги же весма о том печален стал,
беременем дрова на двор к себе вытаскал,
дивился, что такое несчастье обрел,
заплакал и без хвоста лошадь к брату повел.
Брат же на лошадь взирает
и убогому тако отвещает:
„Я теперь лошади не приму у тебя,
увидишь утре, приду я куда".
Лишь утра богатой дождался,
как надлежит, к суду он собрался
и поиде к Шемяке, бьет челом на брата в лошади.
Брат же к ответу пешей поиде позади,
ведает свою винность.
Думает зделать некую дивность,
а паче всего, что будет по него присылка,
то сам пошел к суду без всякого убытка.
И приидоша они до некоего села
и стукаютца оба у попова двора,

Убогий падает с полатей на ребенка.

Лубочная картинка XVIII в.

Богатый и убогий перед судьей Шемякою.

Лубочная картинка XVIII в.

Богатый откупается от приговора судьи.

Рукописная копия в красках с лубочной картинки XVIII в., по рукописи собрания В. Ф. Груздева.

кланяютца попу, чтоб их начевать пустил
и от темной ночи по знакомству укрыл.
Поп вороты отворяет
и начевать их пущает.
Потом поп богатова стал привечать,
а убогова стал от себя отлучать.
И нача поп ужинать на стол збирати,
убоги же в то время полез на полати.
И ста богаты с попом кушанье хлебати,
убоги же с полатей стал на них взирати
и тягостно весма вздыхати,
дабы могли ево ужинать позвати.
Поп стал про убогова вопрошати,
богаты же все подробно ста ему вещати.
Убоги же якобы нечаянно с полатей упал
да под полатми в зыбку децку попал.
И в том он попу немалу обиду учинил,
понеже сына попова в зыбке до смерти задавил.
Поп же, видя сына своего мертва,
того много на убогова сетова
и говорил: „Что ты, непотребны, так учинил,
понеже сына моего до смерти задавил?
Полно бы тебе и тово,
что ты обидел брата своего,
а теперь ты затеел другую беду.
Посмотри же, явися утре в суду".
Поутру поп встал, з богатым в суд стал собиратца,
и убоги с полатей на печь слес, стал обуватца.
И как поп з богатым поехали из села во град,
убоги за ними же к суду идет, хотя и не рад.
И как им во град прибудучи,
прилучитца по некоему мосту едучи,
и убогому за ними же в то время последуючи.
А оной мост во граде том
построен над глубоким рвом.

И во рву том прилучилося то быть,
что вез сын отца хворова в торговую баню мыть.
Тогда убоги, по мосту идучи, думает, как бы нибудь
суда отбыть,
что не принять от судьи истязания, хотя себя умертвить.
И, якобы пошатясь, он с мосту упал
и на тово хворова, не видаючи, попал.
Себя убоги не умертвил,
а оного старика до смерти задавил.
Стариков сын тако ему говорил:
„Что ты мне сие сотворил?
Понеже отца моего умертвил“.
И, ухватя, говорит: „Что ты, брат, за шут,
как потащу тебя во гражданской суд,
ты бы таким шутом не шутил“.
И потом немилостивно ево к суду потащил.
И как убогово к суду привели,
то судья и подьячи по местам своим сели.
Тогда богаты подал на убогова челобитну в лошади.
Убоги же в то время стал всех позади,
имел при себе в шапке в платке камень заверчен,
выдумал, как бы ни есть от суда отбыть чем.
Потом судья Шемяка начал суд производить
и убогому стал про ево обиды говорить:
„Чего-де ради ты обидил своего брата?
Надлежит взять с тебя немалая за то́ плата“.
Убоги же, позади стоя, ничево не говорил,
токмо вынял из шапки в плате камень, тихо обьявил.
Судья, на убогова взирающи, то чает:
знатно-де за дело он столко денег обещает.
Потом судья стал богатому говорить:
„Полно тебе брата своего торить,
видишь, что весма убог, нечем заплатить,
разве отдай ему ту лошадь до тех мест,
когда у нее выростет хвост весь,

и ты у него возми свою лошадь тогда,
той убогой будет благодарить тебя завсегда".
Богаты же рече: „Благодарствую за сие, господин судья,
а где теперь у моей лошади вырасти хвосту когда,
лутче мне ту лошадь к себе взять,
а нежели брату своему в работу отдать".
Потом он судье поклонился,
отошед, у дверей остановился.
Тогда и поп смело пред судью стал
и челобитну ему в руки дал.
Судья стал ту челобитну читать,
а на тово убогова прилежно взирать.
Также и убоги на судью взирает,
тот же ему в плату камень объявляет.
Судья же в разуме своем то примечает:
„Конечно-де, он за сие дело столко ж дать обещает".
И говорит отцу-священнику: „Не погневайся на меня,
судью,
а надлежит тебе оному убогому отдать свою попадью.
Когда он ребенка зделает у нее,
тогда и с робенком возми в дом к себе ее,
а опять отнюдь сего не твори,
без ребенка попадьи у него не бери".
Поп судье говорит: „Я хоть что-нибудь ему дам,
а на такой срам своей попадьи ему не отдам".
И потом також судье поп поклонился,
отошед подле богатова становился.
Потом и третей истец к судье приступил,
исковую челобитну честно вручил.
Судья ж, приняв челобитну, стал читать
и попрежнему на убогова стал взирать.
Убоги же, на судью глядя, ничего не говорил,
так же попрежнему плат с камнем обьявил.
Потом и тре[те]й суд стал производить,
и потому истцу судья тако говорил:

„Ежели оны убоги с такова виду
показал тебе такую обиду,
то и ты ему такожде отомсти,
на тот же мост взойди
и вели ему на том же месте под мостом стоять,
где ты вез отца своего в торговую баню обмывать.
И ты резво скочи с мосту того,
как можно, до смерти задави ево“.
Истец судье тако говорит:
„Как мне сие сотворить,
что с такова мосту скочить,
его не задавить, а себе умертвить“.
Судья говорит: „Ну, господа, теперь на меня гневу не держите,
как вам можно, против сего суда отомстите“.
Исцы же, собравшись у дверей, меж себя тихо стали говорить:
где, петь, нам ему за сие так смело отомстить.
Конечно, судья сей суд так производил,
знатно он что ни есть ему посулил.
И потом они, отдавши судье поклон,
и пошли все троя ис приказу вон.
И убоги за ними ж ис приказу вон выходит,
у брата своего без хвоста лошади просит:
„Отдай ты, брат, сию лошадь нам,
а когда у нея хвост выростет, отда́м обратно вам“.
Богаты говорит: „Нет, братец, не отдам тебе ея,
хотя и без хвоста, однако будь она у меня,
а я тебя теперь во всем прощу
и никакого в том изьяну на тебе не ищу“.
Убоги говорит: „Ты, брат, меня в том не прощай,
а лошадь тою ко мне в дом отпущай“.
Богаты говорит: „Хоть пять рублев тебе дам,
а лошадь свою хотя и без хвоста в работу тебе не отдам“.

Убоги говорит: „Ну, брат, я беру у тебя денги,
не стыдясь,
а ты и [в]предь живи со мной братски, в любви,
не судясь".

И так они на пяти рублях помирилися,
уходя друг от друга, весело простилися.
Потом убоги учал и к попу приступать
и стал у него попадью к себе отнимать,
и говорит: „Когда я добуду робенка у попадьи,
тогда ты ея от меня назад к себе возми".
Поп говорит: „Нет, чада, не погневайся на меня,
как ни стану, а не отдам я тебе ея.
И сам ты, чада, писание слыхал,
кто б ис простых с поповой женой пребывал.
Ежели ты станешь с моей женой пребывать,
то как мне детей духовных благословлять?".
Убоги говорит: „Как ты, батюшка, весма глуп,
ведаешь ты, от кого так разсудил градской суд".

Конец.

(Текст явно обрывается, так как не закончена сделка с попом и отсутствует третий эпизод — переговоры с сыном убитого, а также последний разговор слуги судьи с бедняком, объясняющим, почему он показывал судье камень).

АЗБУКА О ГОЛОМ И НЕБОГАТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

I

История о голом по алфабету

а. Аз есмь голоден и холоден, и наг и бос, и всем своим богатеством недостаточен.

б. Бог животы мои ведает, что у меня нет ни полушки.

в. Ведает весь мир, что мне ни пить, ни есть нечево и взять негде.

г. Говорил было мне доброй человек, посулил было он мне взаймы денег, и я по приказу ево к нему пришел, и он мне изволил отказать.

д. Доброй бы он был человек, ежели бы он слово свое не переменил, когда бы дал мне денег взаймы, а толко лиш он мне насмеялся, на что было ему и сулить, коли самому негде взять.

е. Есть у людей всево много, денег и платья, толко мне не дают.

ж. Живу я на Москве, поесть мне нечево и купить не на што, а даром не дают.

ѕ. Зевается у меня ротом, весь день не етчи, и губы у меня помертвели.

з. Земля моя пуста и травою вся обросла, полоть мне нечим и сеять нечево, притом же и хлеба нет.

и. И так с недостатку стало у меня брюхо расти.

і. І хочетца мне жить, как и добрыя люди живут, только меня

нагота и босота очень одолела, что и с ног долой свалило, и живот мой весь истощился, ходя по чужим сторонам.

к. Как мне во своей скудости жить, а в руках у меня ничево нет.

л. Люди, вижу, что богато живут, а нам, голым, ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што денги берегут.

м. Мыслю бы я своею всего у себя много видил, да лих мне того взять негде.

н. На што живот мой меня позорит, не лутче ль живота смерть мне принять.

о. Ох мне бедному, ох окаянному, куды мне детца от лихих людей?

п. Покою себе не обретаю, лапти и сапаги завсегда розбиваю, а добра себе не наживаю.

р. Разум мой ничего не осяжет, и сердце мое никогда не обрящет.

с. Стыдно мне з богатыми людми в пиру сидеть, на них платье цветное и хорошее, а на мне худое и то чужое.

т. Тверд был ум мой, да лих на сердце у меня много всякой мысли.

у. Икнетца мне, богатому мужику, то я ево всегда поминаю, а он тово не знает.

ф. Феризы были у меня хорошия рагоженныя, а завяски были долгия мачалныя, и те лихия люди за долг стащили, а меня совсем обнажили.

х. Хоронился была я от должников да лих не ухоронился, долгу с меня просят, а мне взять негде.

от. Отец мой оставил мне имение свое, я и то всио пропил и промотал.

ц. Целой был дом мой, да не велел бог мне жить за скудостию моею.

ч. Чужова было мне не хотелось, а своего не случилось, теперича не знаю, как промышлять, не лутче ли итти воровать, так скорея меня повесят.

ш. Шел бы я в город и купил бы себе сукна и сшил бы шубу с королки, да тем лиш што животы та у меня коротки.

щ. Щеголять бы я стал хорошенко и ходил бы я щепетненько, да лих нечим.

ъ. Ерзнул бы за волком с сабаками, да не на чем, а бежать не смогу.

ы. Ерыщетца у меня по брюху, потому что не ел, да и насила хожу.

ь. Ехал бы в гости, да не на чем, да никуды не зовут.

ѣ. Ел бы я мясо, да лих в зубах вязнет, а притом же и негде взять.

ѱ. Псы на милова не лают, а постылова давно уже и кусают да из двора ево волокут.

ѳ. Ѳома поп глу̑п, он сам грехов не знает, а добрым людем не скажет, да еще ему и спасиба, что он менше знает да болше молчит.

ѵ. Ѵ тако сим словам конец.

II

[Скорописная азбука XVII в.]

Люди богатые живут славно, а голенких не ссужают, на беду себе денги копят.

Мыслью бы я, молодец, всего у себя видел, да денег нет.

На что я, молодец, на свет родился, что по чужим странам волочился.

Один я, молодец, после отца и матери своей остался млад, а сродичи животы отца моего рознесли.

Покоя себе, молодец, на чуждей стране не обретаю, лапти розбиваю, а добра не обретаю.

Разум меня, молодца, не осяжет, а живот мой не обрящет.

Страмно мне, молодцу, в пиру з богатыми в пиру седеть, на них платье цветное, а на мне лохонишко в полденежки.

Тверд у меня, молодца, живот мой, да сердце кручинно.

Ѹчетца мне, молодцу, на хлеб глядя, не етчи, а нихто мне не даст.

Увы мне, молодцу безродному, что меня свои не видят, а чужие не любят.

Ферези у меня, молодца, были добрые на водяной цвет, а на рогожаной тож, да лихие люди и то и то с меня сняли.

Хотелося мне, молодцу, с богатыми поводится, да мочь моя мала.

Отец мой и мати моя оставили мне дом и имение свое; от сродников зависть, от богатых насильство, от сосед ненависть, от ябедников продажа, от лстивых наговор, хотят меня з ног свесть.

Цел бы был дом мой, да богатые зглотали, а родственники розграбили.

Честь мне, молодцу, при отце сродницы воздавали, а все меня из ума выводили, а ныне мне насмешно сродници и друзи насмеялись.

Шатаюсь я, молодец, на чуждой стране меж двор, а никто меня не призрит.

Щеголял бы да играл, да боялся бою и людей ся стыжу.

Ерзнул бы по лавке в старой однарядке, старых бы утешил, молодых россмешил.

Ерычется по брюху с кисельных обьедков, на хлеб глядя.

Ел бы я, молодец, свежее мясо лосинное, да в зубах вязнет.

Един я, молодец, скуден.

Ючится мне, молодцу, на сопостат своих глядя.

Охнул бы у меня мужик, как бы я ево дубиною по спине ожог, чтоб впредь бы на меня зла не мыслил.

Ял бы я, молодец, рыбу осетрину свежую, да мыт меня изоимет.

К Симану ходил, к санем облука просил, к Суровску городу ехать хотел по товары; саней не зделал, а коня не купил, за денгами роздумал.

Пси на меня, молодца, не лают, постылого кусают и з двора волокут.

Фома поп глуп, тот греха не знает, а людей не спрашивает, на пропой денги с прихожен берет, в карман себе кладет, а о церковном строении не радит и ослабу людем творит, и на том ему, попу батку, священнику, спасибо.

Ижица.

[*Под буквой* „С“ *между строками азбуки вписаны три слова:* „Страсть, смерть, сердце“; *под буквой* „Х“ — „Христос, Христов, Християнин“]

III

Сказание о голом и небогатом

А. Аз есмь наг и бос, холоден и голоден, всем недостаточен.

Б. Бог мою душу видит, что взять мне негде, а люди не дают.

В. Видел я в Новеграде доброго человека, да постыдился просить.

Г. Говорил мне на Москве доброй человек, посулил мне денег взаем, да не дал.

Д. Доброй он человек был, он бы слова своего не переминил, а правду он творил; на что б сулить, коли нечево дать.

Е. Есть в людех всего много, да мне не дают.

Ж. Живу я, человек доброй и славной, а покушать мне нечево и никто не дает.

Ѕ. Зевается мне с великих недоедков, и губы мои пересмягли.

З. Земля моя пуста, лесом поросла, посееть нечего, пахать стало не на чем, клячи нет.

И. И живот мой истощал по чужим сторонам.

I. I хочетца мне так же пожить, как добрые люди живут, да виликие мои недостатки, а нагота и босота с ног свалила, а взять негде.

К. Как мне в своих недостатках жить будет.

Л. Люди богаты живут, а нас, голенких, не слушают.

М. Мыслию бы своею все б у себя видел, да негде взять нечего.

Н. На что же живот мой позорен бысть, лутче бы смерть принял, нежели уродом ходил.

О. О горе мне, убогому, люди пьют и едят, а мне не дают.

П. Покою себе не обретаю, а лабтишка розбиваю, а добра себе не залезу.

Р. Разум мой не осяжет и живот мой не обрящет, все на меня востают, хотят меня вдруг погрузити; бог меня не выдасть, то и человек не погубит.

С. Страмно мне, убогому, з богатыми в пиру сидеть, на них платья цветная, а на мне балахонишко и то в полденги.

Т. Тверд живот мой с великие кручины и бедности, а хожу я не етчи, спать ложуся не кушавши, а никто не подаеть.

Оу. Уныл я пред богом своим.

Ѵ. Увы мне, бедному и беспомощному, где мне ото многих лихих людей деватися.

Ф. Феризи были у меня самые добрые рогозиные, а завяски мочалные, да и то люди за долг взяли.

Х. Хоронился я от должников своих, да не ухоронился.

Ѿ. Отец мой и мати моя оставили мне имение свое, да лихие люди завладели.

Ц. Цел был дом мой, да не велел бог жить в нем.

Ч. Чюжево не хотелося, а своего не лучилося, как будет прошать.

Ш. Шел бы я в гости, да никто меня не зовет.

Щ. Щеголил частенко да нарядился б хорошенко, да не во что.

Ъ. Ерзнул бы по лавки в старой однорятки.

Ы. Ерыкается мне по брюху с великих недоетков, и губы пересмягли, и ноги мои подгибаются.

Ь. Ехал бы в город да украл бы суконца, да денех нет, а так не верят.

Ѣ. Ехал бы на пир, да не примолвят, не поднесут.

Ю. Юрил бы да играл, да не етчи не хочется, а жилы мои потресаются.

Ѡ. Обмылся бы я беленко, нарядился хорошенко, да не во что.

Ѧ. Я коли был богат, и тогда голенких ворами нарекал, а до сего дни и сам в ту славу попал.

Ѯ. К сей бедности не умеют добрые люди пристать.

Ѱ. Пси немилостиво лают на нас, на голенких, а постылого кусают, из дверей волокут.

Ѳ. Ѳома поп глуп, сам грехов не знает, а людем не роскажет.

V. И жил я с женою своею Соломидою любезно и советно, и она по такой любви просилась у меня ко всем святым на Кулишки богу молится, и я по такому совету и любви ея отпустил богу молится, и она от меня пошла, с моего двора сошла, а туда не дошла, а домой не пришла, и я по такому совету и любви ея пошел искать, ей не нашел, а сам и двора отстал, по чюжей стороне волочусь. Конец и венец и радоницы тут.

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛЬНОЕ НЕДРУГУ

Господину имя рек имя рек челом бьет.
И еще тебе, господине, добро доспею, ехати к тебе не смею.
Живеш ты, господине, вкупе, а толчеш в ступе.
И то завернется у тобя в пупе, потому что ты добре опалчив вкруте.
И яз твоего величества не боюс и впред тебе пригожус.
Да велел ты, господине, взяти ржа, и ты, господине, не учини в ней лжи.
Чтобы, господине, мне очи твои радостно видеть, а тебе б пожаловати та моя рожь отдати.
Добро тебе надо мною подворить, и в такой старости з голоду не уморити.
И тебе, господину моему, недостаток своих, что проел, животишек не забыл.
И я на тебя к богу плачюся, что проел я останошною свою клячю.
И ты, господине, на благочестие уклонися, а нам смилуйся, поплатис.
Милость покажи, моей бедности конец укажи.
А докуду твоего платежу ждат, и я а том не тужу и сам себе не разсужу.
А тебя не ведаю, как положити и чем тебя одети:
шубою тебя одети — и тебе опрети,
а портным одети — и ты здрожиш, у нас убежиш,

и людей насмешиш, а себя надсадиш.
А челом бы тебе ударил гостинцы — да нечим,
потому что много к тебе послати не смею:
и ты все обрееш, чести не знаеш.
А мало послати к тебе не смею:
боюс тебя, сердца, ушибешся и гостинец не приимеш.
И ты нам дай сроку ненадолго, и мы, как здумаем, и тебе что-нибуд пошлем.
Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
а мы тебя не ждем и ворота запираем.
А хлеб да соль у нас про тобя на воротах гвоздием прибита.
И писат было к тебе не мало, да разуму не стало.
И ты, пожалуй, на нас не пеняй.

СКАЗАНИЕ О РОСКОШНОМ ЖИТИИ И ВЕСЕЛИИ

Не в коем государстве добры и честны дворянин вновь пожалован поместицом малым.

И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов и рощей избраных, езерь сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных. Там по полам пажити видети скотопитательных пшениц и жит различных; изобилны по лугам травы зеленящия, и разноцветущи цветов сличных прекрасных и благовонных несказанно. По лесам древес — кедров, кипарисов, виноградов, яблонь и груш и вишень и всякого плодного масличья — зело много; и толико премного и плодовито, что яко само древесие человеческому нраву самохотне служит, преклоняя свои вершины и розвевая свои ветви, пресладкия свои плоды обьявляя.

В садех же и дубровах птиц преисполнено и украшено — пернатых и краснопеснивых сиринов и попугаев, и струфокамилов, и иных птах, служащих на снедь человеческому роду. На голос кличещему человеку прилетают, на двор и в домы, и в окны и в двери приходят. И кому какая птица годна, тот ту себе, избрав, взмет, а остаточных прочь отгоняет.

А по мори пристанищ корабелных и портов утешных и утишах добрых без числа много там. Насадов и кораблей, шкун, каторг, бус и лодей, стругов и лоток, паюсков, кояков и карбусов неисчетныи тьме тысящи, со всякими драгоценными заморскими товары, безпрестанно приходят: з бархоты и отласы, со златоглавы и окса-

миты, и с олтабасы и с коберцами, и с камками. И отходят и торгуют без пошлин.

А по краям и берегам морским драгоценных камней — акинфов, алмазов, яхонтов, изумрудов драгоценных, бисеру и жемчугу — добре много. А по дну морскому песков руд златых и сребреных, и медных и оловяных, мосяровых и железных, и всяких кружцов несказанно много.

А по рекам там рыбы — белугов, осетров и семги, и белых рыбиц и севрюг, стерледи, селди, лещи и щуки, окуни и караси, и иных рыб — много. И толико достаточно, яко сами под дворы великими стадами подходят, и тамошние господари, из домов не исходя, но из дверей и из окон и руками, и удами, и снастями, и баграми ловят.

А по домам коней стоялых — аргамаков, бахматов, иноходцев, — кур и овец, и лисиц и куниц, буйволов и еленей, лосей и соболей, и бобров, зайцев и песцов, и иных, одевающих плоть человеческую во время ветров, безчисленно много.

А за таким великим приходом той земли не бывает снегов, не знают дождя, грозы не видеть, и что зима — отнюдь не слыхать. И таких зверей и шубы людем непотребны.

Да там же есть едина горка не добре велика, а около ея будеть 90 миль полских. А около тоя горки испоставлено преукрашенных столов множество, со скатертми и с убрусами и с ручниками, и на них ключи и мисы златыя и сребреныя, хрустальныя и стеклянныя, и различных яств с мясными и с рыбными, с посными и скоромными, ставцы, и сковороды, и сквородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясныя части и кисель, рыбныя звены и ухи, гуси жареныя и журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и цыплята, хлебы ситныя и пирошки, и сосуды с разными напитками. Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя делвы ренскова и рамонеи, балсамов и тентинов, и иных заморских драгоценных питий множество много; и браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется.

А кто либо охотник и пьян напьется, ино ему спать довольно нихто не помешает; там усланы постели многия, перины мяхкия пуховыя, изголовья, подушки и одеяла. А похмельным людям также готово похмельных ядей соленых, капусты великия чаны, огурцов и рыжиков, и грушей, и редки, чесноку, луку и всякия похмелныя яствы.

Да там же есть озеро недобре велико, исполненно вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту всяк пришед пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и нихто не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно: всяк там пей и ежь в свою волю, и спи доволно, и прохлаждайся любовно.

А около гор и по полям, по путем и по дорогам, перцу валяется, что сорю, а корицы, инбирю — что дубовова коренья; а онис и гвоздика, шаврань и кардамон, и изюмныя и винные ягоды, и виноград на все стороны лопатами мечут, дороги прочищают, чтобы ходить куды глаже. А нихто тово не подбирает, потому что всего там много.

А жены там ни прядут, ни ткут, ни платья моют, ни кроят, ни шьют, и потому что всякова платья готоваго много: сорочек и порт мужеских и женских шесты повешены полны, а верхнева платья цветнова коробьи и сундуки накладены до кровель, а перстней златых и сребреных, зарукавей, цепочек и монистов без ларцев валяется много — любое выбирай да надевай, а нихто не оговорит, не попретит ни в чем.

И кроме там радостей и веселья, песень, танцованья и всяких игр, плясанья, никакия печали не бывает. Тамошняя музыка за сто миль слышать. Аще кому про тамошней покой и веселье сказывать начнешь, никако ничто тому веры не пойме, покамест сам увидит и услышит.

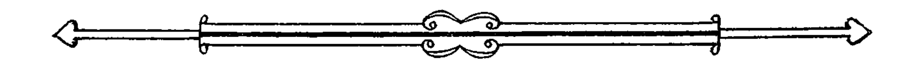
И кто изволит до таких тамошних утех и прохладов, радостей и веселья ехать, и повез бы с собою чаны с чанички и с чянцы,

бочки и бочерочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюда и блюдички, торелки и торелочки, ложки и ложечки, рюмки и рюмочки, чашки, ножики, ножи и вилочки, ослопы и дубины, палки, жерди и колы, дреколие, роженье, оглобли и каменья, броски и уломки, сабли и мечи и хорзы, луки, сайдаки и стрелы, бердыши, пищали и пистолеты, самопалы, винтовки и метлы, — было бы чем от мух пообмахнутися.

А прямая дорога́ до тово веселья от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколню и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Бресги, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкаской, в Чигирин и Кафимской. А кого перевезут Дунай, тот домой не думай.

А там берут пошлины неболшия: за мыты, за мосты и за перевозы — з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям.

А там хто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает.



ПОВЕСТЬ О ФОМЕ И ЕРЕМЕ

В некоем было месте жили были два брата Фома да Ерема, за един человек, лицем они единаки, а приметами разны:

Ерема был крив, а Фома з бельмом,
Ерема был плешив, а Фома шелудив.

После отца их было за ними помесье, незнамо в коем уезде:

У Еремы деревня, у Фомы сельцо,

деревня пуста, а сельцо без людей. Свой у них был покой и просторен —

у Еремы клеть, у Фомы изба.

Клеть пуста, а в ызбе никово. Ерема с Фомою торговые люди, стали они за товаром сидеть:

Ерема за реткой, Фома за капустой.

Славно они живут, слатко пьют и едят, не п... Захотелось им, двум братом, позавтракати, вышли они на базар погулять.

Ерема сел в лавку, а Фома на прилавок.

Долго они сидят, ничего не едят; люди ядят, а они, аки оглядни, глядят, зевают да вздыхают, да усы потирают. И вставши они друг другу челом, я не ведомо о чом.

На Ереме зипун, на Фоме кафтан,
На Ереме шапка, на Фоме колпак,
Ерема в лаптях, Фома в поршнях,
у Еремы мошна, у Фомы калита.

Захотелось им, двум братом, к обедне итти:

Ерема вшел в церковь, Фома в олтарь,

Ерема крестится, Фома кланяется,
Ерема стал на крылос, Фома на другой,
Ерема запел, а Фома завопил.
И вышел к ним лихой понамарь, стал у них на молебен просить:
Ерема в мошну, Фома в калиту,
у Еремы в мошне пусто, у Фомы ничего.
И тот понамарь осердился на них:
Ерему в шею, Фому в толчки,
Ерема в двери, Фома в окно,
Ерема ушел, а Фома убежал.
Отбегши они да оглянутся и сами они друг другу говорят:
„Чево нам бояться, заодно мы бежим“.
У Еремы были гусли, у Фомы орган.
Разгладя они усы да на пир пошли. Стали они пивцо попивать:
Ерема наливает и Фома подает,
сколько пьют, а болше на землю льют, чужаго добра не берегут.
Ерема играет, а Фома напевает,
на Ерему да на Фому осердилися в пиру.
Ерему дубиной, Фому рычагом,
Ерему бьют в плешь, а Фому в е...
Ерема кричит, а Фома верещит:
„Государи соседи, не выдайте“.
Ерема ушел, а Фома убежал,
Ерема в овин, а Фома под овин.
Захотелось им, двум братом, за охотою походить:
Ерема с сетми, а Фома с теняты.
Ерема за зайцы, Фома за лисицы,
Ерема кричит, а Фома болше зычит,
Ерема хватает, Фома перенимает,
сами они друг другу говорят: „Брате Фома, много ли поймал?“.
Фома говорит: „Чево поймать, коли нет ничево“.
Ерема стал, а Фома устал,
Ерема не видал, а Фома не усмотрил.
И видили их лихие мужики. Ерема с Фомою испугалися их —
Ерема ушел в рожь, а Фома в ячмень,

Повесть о Фоме и Ереме. Парамошка бьет братьев.

Лубочная картинка XVIII в.

Ерема припал, а Фома пригорнул,
Ерему сыскали, Фому нашли,
Ерему кнутом, Фому батогом,
Ерему бьют по спине, а Фому по бокам,
Ерема ушел, а Фома убежал.

Встречу им трои сани бегут:

Ерема задел, а Фома зацепил,
Ерему бьют по ушам, Фому по глазам.
Ерема ушел к реке, а Фома на реку.

Захотелось им, двум братом, уточок побить, взяли они себе по палочке:

Ерема броском, а Фома шибком,
Ерема не попал, а Фома не ушиб.

Сами они друг другу говорят: „Брате Фома, не добре тереби“. Фома говорит: „Чево теребить, коли нет ничево“.

Захотелось им, двум братом, рыбки половить:

Ерема сел в лодку, Фома в ботник.

Лодка утла, а ботник безо дна:

Ерема поплыл, а Фома не отстал.

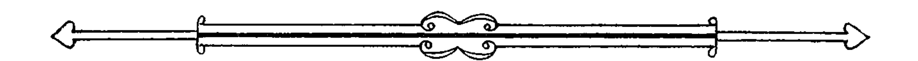
И как будут они среди быстрыя реки, наехали на них лихие бурлаки:

Ерему толкнули, Фому выбросили,
Ерема упал в воду, Фома на дно —

оба упрямы, со дна не бывали. И как будут им третины, выплыли они на крутой бережок, сходились их смотреть многие люди:

Ерема был крив, а Фома з бельмом,
Ерема был плешив, а Фома шелудив,

брюхаты, пузаты, велми бородаты, лицем оба ровны, некто их б... с... един добывал.



СЛУЖБА КАБАКУ

Месяца китовраса в нелепый день, иже в неподобных кабака шалнаго, нареченнаго во иноческом чину Курехи и иже с ним страдавших три еже высокоумных самобратных по плоти хупавых Гомзина, Омельяна и Алафии, буявых губителей [1][христианских. Празднество в неподобных местех на кабаках, где когда кто с верою изволит праздновати трех слепителей вина и пива и меда, христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцев].[1]

[Ia]На малей вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведришки пивишка,[2] таже стихиры в меншей заклад в перстни, и в ногавицы и в рукавицы, и в штаны и в портки.[Ia]

Глас пустошний подобен вседневному обнажению.

Запев: [б]Да уповает пропойца на корчме испити лохом, а иное и своему достанетца.[б]

[в]В три дня очистился еси до нага, яко же есть написано:[в] пьяницы царьствия божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человече, на руке мешают, ногавицы тяжело носить, портки на пиво меняеш; пьешь з басы, а проспишся с позоры, воротишь в густую, всякому велишь пити, а на завтреи и самому будет просити, проспишся — хватишся.

Стих: [г]И той избавит тя до нага от всего платья, пропил на кабаке с увечьем.[г]

Три дни испил еси, безо всего [3][имения стал еси],[3] доспе мя еси похмельныя болезни и похмелья. На три дни купил еси, руко-

делие заложил еси и около кабака часто ходити извыкл еси, и гледети прилежно ис чужих рук извыкл еси. Гледение лихое пуще прошенья бывает.

Стих: Хвалят пропойцу, как у него в руках видят.

Бубенная стукота созывает пьющих на шалное дуровство, велит нам нищеты ярем восприяти, глаголет винопиицам: приидете, возвеселимся, вмале сотворим с плечь возношение платью нашему, на вине пропивание, се бо нам свет приносит наготы, а гладу время приближается.

Стих: Яко утвердися на кабаке пьючи, голым г... сажу с полатей мести во веки.

Кто ли, пропився до нага, не помянет тебя, кабаче непотребне? Како ли кто не воздохнет: во многия времена собираемо богатство, а во един час все погибе? Каеты много, а воротить нелзе. Кто ли про тебя не молвит, кабаче непотребне, да лишитца не мотчи?

Слава и ныне сипавая с позоры.

[д]Приидете, вси искуснии человеци и благонарочитии в разуме,[д] почюдимся таковаго пития науке. Исперва неволею нудими бывают от родителей своих или от другов своих ближних, сегодни и позавтрее от болезни похмелныя нудят неволею пити, и мало по малу и сами гораздни [4]станем пити[4] и людей станем учити, а как научимся пива пити, и не мотчи ся и лишити. В прежние времена, как мы не умели пива пити, всяк зовет и на дом ходят, и мы не ходим, и в том гнев живет от другов своих. А ныне где и не зовут, и мы идем своим напрасньством. Хош и оговорят, и мы терпим, глухой клобук на себя наложим. Се довлеет нам, братие, отбегати, яко ото лва, снедающа человека. Тому почудимся, в мале часе, како изчезе мудрость, иступи же нагота, и безумием наполнихся, видящим на смех, а себе с пропою на великую срамоту. Тем же злословим тя, кабаче непотребне, бесованию наставниче.

[е]На стиховне стихиры, подобен: Дом пустеет.[е]

Дом потешен, голодом изнавешан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся.

[ж]Стих: Многи скорби с похмелья живучи бывают.[ж]

Полати кабацкие, приимете пропойцу! Нагие, веселитеся, се бо вам подражатель явися, голоду терпитель.

Стих: [3]Пьяница, яко теля наго, процвете убожеством.[3]

Днесь пьян бывает и богат вельми, а как проспитца — перекусить нечего, с сорому чужую сторону спознавает.

Слава и ныне. Отецкому сыну суровому. Отецкой сын суровой роспотешил еси, с ярыжными спознался и на полатях в саже поваляся, взявши кошел, и под окны пошел.

И протчее всеобычное пьем по добыткам, во што верят. Таже нагота или босота [и]и отпуст по обычаю ж и многое падение бывает, ронянию шапкам.[и]

На вели[цеи] вечерни позвоним во все платье, пред обедом изопьем ковша по три вина, таже глаголем пустошную кафизму, что прибрело. Таже на ризы пропивание, понесем ис погреба болшии ведра вина. Таже стихиры на все платье вина до нага, вседневно скорби воздыханием.

Глас шестопятой, подобен: Не радуйся пити на людех, да своего не потеряешь.

Запев: [к]изведи из непотребнаго пьянства душу мою.[к]

[л]Приидете всяк град и страна, торжествуем[л] мерских смутотворцев память мрачно, сверчков[5] запечных возвеселим голодом, воспоем торговыми казни, иже от своего неразумия страждущих, непослушливых, отцем и матерем непокоривых укорим. Не бога ради мраз и глад и наготу терпящих битьем и похвалами воспоем, глаголюще: радуйтеся, яко мзда ваша многа на полатях в саже.

Стих: Вземлюще заклад, что мне пропити.

[м]Приидете, безумнии, и воспойте песни нелепые пропойцам, яко[м] из добрыя воли избраша себе убыток. Приидете, пропойцы, срадуйтеся, с печи бросайтеся [6][голодом, воскликните убожеством, процветите, яко собачьи губы, кои в скаредных местех растут.

Стих: Глухие, потешно слушайте; нагие, веселитеся, ремением секитеся, дурость к вам приближается. Безрукие, взыграйте в гусли; буявые, воскликните бражником песни безумия; безногие, возскочите, нелепаго сего торжества злы диадиму украсите праздник сей.

Запев: Яко желает всяк человек с похмелья оправитися.

Дурныя и бесныя, стецытеся, самохотныя вам дары предгрядут; носяще своя кропивныя венцы терпения своего. С конца бо горят, а з другова говорят. Безголовыя и слепыя, последуйте ми на печь в Пропасную улицу и видите, каково се приятие в земли пропойцы, отлучение своего живота. Взяша бо себе корень тоски, цвет охания, ветви срамоты. З голодом звонят, с босотою припевают, глядят из запечья],[6] что живые родители, что жуки ис калу выползли, пищат, что щенята, просят денешки на чарку, а иной на хлеб подает. Белые руки — что ожоги, рожи — что котелные дна, зубы светлеют, глазы пиликают, горлы рыкают, аки псы грызут. Как дал тот боголюбец денешку, а иний глаголет: меня пожаловал. Кто тех жития не похулит, яко вместо добра злые дни себе возлюбиша, кражею и ложью и татбою величают и своея жизни нерадящих.

Стих: от всего блага пьянства ради лишихся.

Приидете, вси искуснии и благонарочитии в разуме, отбежим таковаго рва самохотнаго, впадающих[7] в него и влекущих нас другов в сие. Вси отревайтеся, яко не добре нам, смышляющим и влекущим нас в ров погибели. Невинно бо есть [8][нам вино],[8] но проклято есть пьянство с неудержанием. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель. Яко бог прославится в разумном человеце, свет бо ему разум, им же ся озаряет разсуждение, таковых [зол][9] отлучаетца, тех достойно ублажаем.

Стих: Егда зазвоним во все животы, слава всякому человеку по делом его.

"Егда славнии человецы, в животех искуснии, в разуме за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда егда во многия дни се творимо, питьем омрачаху свой сущий разум, в нощ неразумия претворяху, до нага пропивахуся." Егда же просыпахуся, срамотою уязвляхуся. Егда же от даема пития с похмелья на первый свой чин возвращаху, на свой живот пагубно оболгахуся, яко ни единоя ризы в дому оставити. Пространныя пропасти возлюби, на ветр живот свой розвеяша. Потащи, понеси, наливай! Егда же напившеся, тогда же веселием, дуростию и шумом наполняшеся, рытье во все

горло во отлучение своего живота. Егда же просыпашеся, тогда болезнию озаряшеся и частым оханьем согубяшеся. Егда же в меру трезваго разума достигаше, тогда печалию болезнено уязвляшеся, яко много пропито, неведомо, что конец житию моему будет, не вем, откуду и как почати жити, и обеты и каеты на себя и клятву налагаше, яко и впред [10] не пити. Егда же долго не пиваше, тогда же похотию, яко стрелою, уязвляшеся, как бы мощно испити в славу божию. Егда же чрез клятву дерзаше, на питие простирашеся и испиваше, и [на] [11] пугвицы изливаше, и семо и овамо, яко болван, бездушен [валяхуся], [12] сам себе душегубец и убийца являшеся, и в горшая напасти впадаше горчае перваго, и тайная наша вся си являше в позор человеком. Чего и не творим, ино добрые люди втрое прибавят. Всяк ся ублюет, толко не всяк на собя скажет. Под лесом видят, а под носом не слышат. Безместно житие возлюбихом, по глаголющему: злато выше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша, а пьяницы же и пропоицы злату ржавчину протираху и своему житию веятели являхуся. Наг обявляшеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол. Когда сором, ты закройся перстом. Слава тебе господи, было да сплыло, не о чем думати, лише спи, не стой, одно лише оборону от клопов держи, а то жити весело, а ести нечего. Руки к сердцу прижавше да кыш на печь, лутче черта в углу не стукаешь. Того ради вси от бездилия вопием ти: веселися, радуйся, уляпался, и двожды наймуйся, денешку добудь, алтынец съеж, а половиною прикуп твори, а иногда и не етчи спи.

[Слава] [13] и ныне, таков же голос.

Одиннатцать семь и платье с плечь, стремка не стала, одиннатцать солгала, в бороду скочила, радость сказала. Радуйся, уляпался, не один вас у матки, много вас, смутотворцев, да не в одном месте, оголи г..., скачут, белые руки в роте греют. Родила вас мама, да не приняла вас яма. В лете не потеете, [14] а в зиме не зябете, за щеками руки греете, [14] живете, что грязь месите. Увы нам, куды нам, где ни поживем, везде загрезим, где ни станем, тут в..., людей от себя разгоняем, за дурость ума нашего и сущии родители нас отлучишася и глаголют, яко не

родивше нас. Житием своим процвели есте, яко голики, чем баню метут, тако и вами, пропойцы, что чортом, диру затыкают. Тем достойно злословим и ублажаем вас.

Святыя славы кабацкия.

Несвятыя славы на кабак залесть [желают],[15] но недобрые поминаем отцем и матерно наказание, да мы их не слушаем, таково нам се и збываетца. Поминают сына [на][16] воровстве, и отцу не пособил, бьют по хребту, а сторонные люди глаголют: [о]достойно и праведно вора смиряти и всяк, [17]смотря на то, добру накажется.[17] Сыне, добро слышати отца, жизнь твоя пробавитца, тем же тя мир хвалит.[о]

Таже выход ис погреба с пивом. Прокимен и ермес на печи глаголет: [п]Пьяница, пропився, в раздранныя рубища[18] облечется.[п]

Стих: А буде[19] что найдеш или украдеш, то понеси на кабак.

Стих: Хошь и любое платно, да пропити не мотчи ся удержати.

[р]Таже паремьи. От мирскаго жития чтение.

Пьяниц безвоздержанных и непослушливых душа в руках бесовских, и прикоснется им мука. Непщевани быша во очию мудрых и мрети без покаяния, и еже от пития сокрушение костем и отпадения плоти его, ибо пред лицем человеческим непостыдни суть. Аще и наготу приимут, упование их на пьянство с напрасньством. Аще и биени от вина, докуки не отлагают, яко бес искуси их и обрете их, [20]подобных себе,[20] яко смолу на них приготових и яко всеплодну жертву огненному родству подав. И до время воровства их наги[21] по торгу [биени][22] будут, и, яко река, ото очию их слезы потекут. Преидет судят своему невоздержаннию[23] и обладаеми хмелем, и вкоренитца в них пьянство, и в нищете пребудут о нем, яко благодать на полатях и запечная улица на гольянских, и попечение в костарне их.[р]

[с]От мирскаго жития чтение.

Пьяницы на кабаке[24] живут и попечение имут о приезжих людех, [25][како бы их облупити и на кабаке пропити, и того ради приимут раны и болезни и скорби много].[25] Сего ради приношение Христа ради приимут от рук их денешку и две денешки [26]и,

взявши питья, попотчюют его, и егда хмель приезжаго человека преможет, и разопьется,[26] и ведром пива голянских напоят,[27] и приимет оружие пьянства и ревностию драки, и наложит [28][шлем дурости и приимет щит][28] наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой, поидут стрелы ис полинниц, яко от пружна лука, и каменьем бывает бьем пьяница. Вознегодует и на них целовальник и ярыжные напрасливы з батоги проводит; яко вихор, развиет пьяных и, очистя их до нага, да на них же утре бесчестие правят и отпустит их во свою землю безо всего. Слышите, благочестия млады, и внушите приезние гости, а даеться вам сия напасть за глупость, и сила ваша в немощь претворяется.[с]

[т]От мирскаго жития чтение.

Правдивый человек аще пьет и по корчмам водится, в позор будет. Старость его не честна, ни многолетна, и [29]в силе[29] воровство его лишит, седины же его срам ему приносят, старость бо жития его с позоры. Изволив житие скверно, благоугоден пьяницам быв, живый посреде трезвых преставлен бысть жалством, восхищен бысть и [с][30] ярыжными на воровстве [31][уловлен бысть],[31] да злоба покрыет разум его и лесть пьянства превратит душу его. Рачение[32] бо злое губит добрая, и желание похоти прелагает его в ров погибели. Скончавшуся ему от воровства никто по нем не потужит, исполнит лета своя в питии, и угодна бы бесу душа его. Сего ради подщався от среды лукавствия, где что выманити да пропити, у всякаго человека просити пива и вина и отнимати насилством. Людие же видевше, у кого имаеть, бити ему сотвориша, а иные человецы бога ради[33] его пустиша и не положиша в кручину сего, яко бити его некого и сняти с него нечего.[т]

Таже: [у]Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напитися нам. Лягу спати, благ еси нам, хмелю ищущим и пьющим и пьяни обретошася. Тобою хвално и прославлено имя твое во веки нами. Буди, хмелю, сила твоя на нас, яко же уповахом пьюще на тя.[у]

На литии стихиры: Во отлучение досталных крох и прибыток чюжаго имения.

Глас иный, 18, подобен: О болезненое шествие.

Вооружился на пьющих крепко, яко гороховое полохало, по образу яко человек, по разуму же яко нетопыр, в день не летает, а в ноче летает, тако и ты, пропойца, в день за печью лежишь, свернувся, яко пес, голодом мрешь, а в ноче, яко глуп подважник, у пьяных мошни холостиш, а за труд свой почесть — прутье терпишь, но дурнаго обычая не отлучаешся, на преднее свое дуровство простираешся, яко ворона по полатям летает, тако и ты на полатях смышляеш, как бы кого облупити. Сего ради почесть прием трудов своих, кропивным венцем увязе главу свою, кручиною изнаполнил еси сердце свое, дектем помазал еси лице свое, процвел еси, яко кропива, кто ея ни возмет, тот руки ожжет, тако и с тобою, с пропойцем, хто ни подружитца, тот охнет. Житием своим всех удивил еси, светяся, яко запечная звезда, или, яко бисер, в нелепе месте являяся, кои свини берут. Разумом своим во глубину пропасти понырнул еси и от трудов сниде[34] во три ады.

Посреди напасти скочил еси, в тюрму вселился еси и тамо сущую мзду трудов своих прием, ожерелье в три молоты стегано и перстен бур[мит]ской на обе руки, и нозе свои во кладе утверди, и тамо не мятежно и не смутно житие имея, поминай чтущих дурость твою, славословие к миру о милостыни принеси, чтоб тебе было чем чрево свое наполнити. Тем вас, непослушливых, в песнех поносных уляпаем.

Слава хватливому по щокам. Глас остатошной: *В терпении своем стяжал еси мзду свою, почесть [35][по щекам][35] трудов своих приемля, скорби, соломянным венцем главу свою увязе, лице свое для ковша поушники пьяным, главу свою попелом изнаполнил, лице свое сажею удручив, постнически жизнь свою скончав.* Люди в рот, а ты глот.

Послушлив быв пьяницам и игумна наредят, а ты, что бес, скочил. Иному на полати на имя ковш подали, а ты с полатей и скочил, бросился, мало головы не сломил, прискоча, что идол, хватился за ковш, ковша не выпил, а поушник схватил, спасибо сказал: яз виноват. Б. . . сына вырвал, а ты, пропойца, не впреки глаголеш: бог тебе платит на добром слове. Блажен еси, яко

никакова тебе скорбь не может от пития разлучити, ни побои, ни поушники, ни глад, ни срам, ни родивших тя журбы; непостыдно лице имея, что бес пред заутренею, лстиш, тако и ты, пропоица, для ковша душу свою топиш, пьющему потакаеш, льстиш, вежлив ся твориш пред ним, огонь у ярыжних из рук рвеш, его осужаеш: не гораздо светиш. Руку со огнем вверх протягаеш, на место [36] пропойцу садиш и место ему одуваеш,[36] чтоб ему сесть, седалища не изгрязнити. Избу метеш, как и всегда добрый послушник; а как его опьеш, так ты, что бес, на старые полати скакнеш, а сам молвиш: коли, брате, денег нет ничево, а в старые заклады не верят, поди к нам на полати и приставай к нашему стаду, садися с нами на печь голым г... сажи мести. Поедем с полатей, оголи г..., на печь, привыкай к побоям, поститися научись, заглядывай из запечья с нами, что живой родитель, жив п..., глаза пиликают, зубы светлеют, с радением бажите, что вам бог пошлет [37] на голыя зубы.[37] Стряпайте около ево, что чорт у слуды. Стояния много, а воздаяния мало. Тем вас побоями почитаем и напраснство ваше похуляем, терпению вашему дивимся, не бога ради страждущих, но з дурносопы непослушливыми хулными глаголы воспеваем вас, страждущих от своей совести.

И ныне. Глас той же: Отецкому сыну суровому.

Отецкой сын роспотешился, с ярыжными спознался, сажу и руду на полатех претерпел еси, взявши кошел да под окны пошел, Христа помянул, а собак подразнил.

Таже на стиховне стихиры, подобен: Дом пустеет.

Радуйся, кабаче непотребный, несытая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная нищета, чужая сторона от тебе неволею познавается. Тебе [38] ради, кабаче непотребне, люди меня ненавидят, взаймы мне не дадут. С похмелья еси велика стонота, очам еси отемнение, уму омрачение, рукам трясание. Старость есть человеком недобрая, не християнскою смертию мнози человеци от тебе умирают.

Стих: [39] Умел запити до пьянства и во срамную облещися наготу.[39]

Радуйся, корчмо несытая, людем обнажение велие в мале часе, а на опосле печали умножение. Во всю землю слава идет про тебя неблагодарная, мнишескому чину поругание велие. Кто к тебе ни приидет, тот даром не отоидет, всякому человеку не постыден еси чистоха. Хто с тобою ни знаетца, тот от тебя охнет, а на опосле много и слез бывает.

Стих: Яко на корчме всякое воровство бывает.

Радуйся, кабаче веселый, яко мнози тобою хвалятся и хвастают, по мале же и нищетою болят, проповедают чюдеса твоя великая. Днесь есми был пьян, не помню, как с кабака свели, в мошне было денег алтын десять, то все вычистили и сказывают, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню всего. А ин проповедует: яз тебя пьяние был, весь п... и в калу перевалялся, дошед до проходу, тут и спал, пробудился, шед в полночь на реку, умылся, кому ни сказать,[40] тому и з... Ин же чюдеса и того дурнее вопиет: яз вас всех пьяние был, пришед домов, жену свою перебил, детей своих розгонял, суды все притоптал, не ис чего стало пити, ни ести, и купити нечем.

Стих: Хвалят всякаго человека, как у него в руках видят.

Радуйся, кабаче веселый, с плачем людский губителю, приезжим гостем досада великая! Хто на тебе побывает, тот всего повидает, учителю молодым и старым и безумным, жалованье ярыгам городским и деревенским даеш по всему хрепту плети, и крепко шиты, да кафтаны даеш, часто стеж, вековая память. Иным даеш ожерелья нашего в три молоты сажено, комуждо различныя дары даеш. А иному даеш зарукавья железные, а крылошан и старцев жалуеш темною темницею и кормиш их с похмелья сущьем с гряд или их дариш осетриною вязовою по всему хрепту. Раздирай платье, не стой, потчивай по-манастырски, не робей. Хлеб, господине, по силам, а полога по плечам, а на прихлебку не диви, плетей не лучилось. Тем ти, господине, по спине челом бьем, не часто тое вологу кушают, а во веки отрыгается.

Слава и ныне недобрая непослушливым.

Глас высокопятой: Кто доволен дурости твоя исчести и труды кабацкия понести.

[х]Кто бо слыша безмерное твое воровство, и терпению и наготе не удивит ли ся, иже слыша от людей корчмы беретчися. Како убо не усумневся нимало в трезвене разуме, егда видя нагих пред собою ходящих; да ми с пропою такову же ми быти и по запечью с ярыжными валятися и нагому пред всеми людми ходити и насмеяну быти. Оле дурости кабацкие и воровства, человеческия разумы омрачающи![х] О безделие, брате, кто с пропою не научился лгати, или бражника вором назовут крепким, не бога ради, но наготы ради не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати, глаголюще: пождем до вечера да мужика ограбим и упование меду на ведро возложим, и иного рукового нечто бог выдаст и грабим и узрим всего пред собою много, пива и меду, а почести[11] нечего.

По сем: [ц]Ныне отпущаеши с печи мене, раба своего, еще на кабак по вино и по мед и по пиво, по глаголу вашему с миром, яко видеста очи мои тамо много пьющих и пьяных. Спасайте их и не опивайте их, светло тамо открыти окна и двери приходящим людям.[ц]

[ч]Свяже хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас, голянских.[ч] Трижды.

[ш]Слава отцу и матере их и сыну, что родили такова сына. Охоч до пьяна пити вчера и ныне с нами и во веки аминь.[ш] Хмель обовладе им гораздо, помилуй нас, гольянских, хотящих пити. Трижды.

Слава и ныне. Таже: [щ]Отче наш, иже еси седиш ныне дома, да славитца имя твое нами, да прииди ныне и ты к нам, да будет воля твоя яко на дому, тако и на кабаке, на пече хлеб наш будет. Дай же тебя, господи, и сего дни, и оставите должники долги наша, яко же и мы оставляем животы свои на кабаке, и не ведите нас на правеж, нечего нам дати, но избавите нас от тюрмы.[щ]

Таже тропарь кабаку. Глас 11: Иже манием содержа и глупостию и безумием без меры привлачая множество народа на бе-

зумное торжество, созывая множество искусных в разуме, во тму прелагая, в не же множество, принырая во глубину пьянства, износят безумныя класы, рубахам и порткам и верхним одежам пременение, и пиву и меду истощание, и с похмелья оханью наставниче, кабаче неподобне, очистил до нага чтущих тя.

И отпуст на полати спати. На утрени с похмелья став, седален по 2 чарке, на 2 алтына пива, по 2 чарке, на 4 алтына меду запити.

По сем полиелеос: Понесли целым ведром. Припев: Ушат вам, певцам, пивца.

Таже: [ю] Хвалите имя пропойцыно, аллилуия. Хвалите ярыжные его, стоящеи пред ним, трубите ему во всю пору и на подворье ему пиво и мед носите. Хвалите его выше меры, пойте ему, яко дурному шалну, и вся неподобная ему в очи лезет. Исповедатися ему ласткою и приветкою, ярыжные и гольянские, яко в век обычай пьяных. Ведаете: не потакати, ино с ним и не пити.

Припев тоже: Исповедайтеся ему приветкою и ласткою выше меры.[ю]

Лож ся не выводит, а правдою жити на кабаке пьющему — ни ковша не видати, яќо на кого пьяной розкручинитца, вы его и пьяные прощаитеся, толко охота с ним и лохом пити. Подавайся по рукам, ино легче волосам, толко собою нечем купити, а на людех пити, ино побои терпети. Говорят: без дениг — вода пити. Яко хто на корчме бытен пьет, всяк его хвалит в те поры, кое у него видят и пьют, а жити про собя на кабаке и не[42] пити, яко в век скупому лают и хотят вси с одного ограбити, яко век около корчмы воры держатца. А хто без ума на кабаке пропився, деретца, яко в век на дурака тюрма уготована. Хто по мере изопьет в славу божию, яко в век доброму добрая и слава. А которой без ума живет, а впред не промышляет, так ему жити, яко в век живет с позоры. Мы про людей говорим, а про нас люди не молчат же, яко в век: каково кликну в лес, тако и откликнется. Хто пьян, то всяк сказывается богат велми, а как проспится, ино перекусить нечево, а в мошне ни пула, яко в век пьяному не ими веры. Хто людей добрых слушает и во всяких

мерах сам пребывал, яко благ сам все знает, таковый милостивый искусный во всех будет.

Таже величание кабаку. [я]Величаем тя, кабаче веселый, и чтем собину свою, ты бо лупиши с нас и велиш нам по миру скитатися.[я]

[IIа]По сем псалом избранной. Терпя потерпех, на кабаче живучи и протчее.[IIа]

По сем молитва пред каноном. Остолоп глаголет: [б]Спаси, боже, наготою с пропою люди своя и благослови дом достойныя воры своя,[б] молитвами закладу и собины нашея, честнаго и славнаго пропою нашего, иже во клятых костарци кабацких, иже ненадобных ростовщиков богомерских, иже неподобных воров великих, Кокорку и Мариловца. Слона поем, иже безумию их подражател, Михаила Труса и Илейку Чернаго и всех головных воров, молящихся бити их кнутьем и в тюрму сажати их. Не надобно щадити, рцем им вси.[А]

По сем канун, творение хто без ума и без памяти пьет, не крестиянски скончаетца.

Седален, глас 18, подобен: О болезненошен.

Иже на кабаке пропився, во всем помышлении глаголаше: егда аз без ума пропився до нага и не видех выкупующаго, ни другов ко мне бывающих, но молю ти ся: кабаче, дай же ми с похмелья оправитися.[Б]

Кондак кобаку, глас 10: [в]Избранному кабаку безумныя песни принесем, вкупе пьюще, а на утре день весь оханьем провожающе, но яко имея к наготе дерзновение, житию поруха, голоду величание, о всех нас пьющих кабацкая пазуха веселися, а целовалники неправым богатством возбогатеша. С веселием ждет вас дно адово, а ярыжные на криве божбою своею души свои ломайте, вам бо невозбранно адова врата отворяются и во аде болшое место готовится. Да вси, кабаче неблагодарне, зовем тебе: бесованию наставниче, [43][радуйся, глупости велики учителю].[43,в]

Икос: Кто ли пропився до нага, не воспомянет тебя, кабаче неподобне? Како ли хто не воздохнет: во многие дни собираемо

богатство, а во един час все погибе? Каяты много, а воротить нелзе. Пил еси, после будет тебе о сермяге воздыхати. Три дни испил еси, с похмелья оханья на три дня залезл еси, рукоделия заложил еси, около кабака часто ходити изволил еси, глядети часто ис чюжих рук извыкл еси. Глядение лихое пуще прошения бывает.

Бубенная стукота созывает пьющих на шалное воровство, велит нам нищеты ярем восприяти и глаголет винопиицам: приидите, возвеселимся вмале, а опосле заплачем, сотворим возношение платью нашему всякому, на вине пропивание. Тому почюдимся, как вмале был разумен, а в мегновении ока стал безо всего. Крепок безумен видящим на смех, а себе на великую срамоту с поношением. Кто ли про тебя молвит, кабаче непотребне, да лишитися не мотчи тя. Тем же злословим тя, кабаче неблагодарне, бесованию наставниче.[в]

Светелен, глас пустошной: Яко злодеем пристанище, кабаче, к тебе притекающим, явил, сошедшеся на подворье, сотворим пестом возношение, ступам воздвизание, овсяной соломе извождение, наготы, босоты и гладу изнавешано шесты. Радуйся с пропивающими, а просыпаяся — плачися, своим неистовством мучися, житие скончевая за собаки место.

На хвалите стихиры, глас пустошный, подобен: Терпящи нужу.

Терпяще томления гладная, крепко радующеся надеемых, коего дни сыту быти, друг ко другу глаголюще ярыжные кабацкие: егда убо пьяной из мошны денег выимет, и от дурнаго обычая не оставляем, яро з голоду терпение, не добро с молотцы пропивати, но добро у мужиков у пьяных напиватися. Не убоимся, о голенские, мало поворуем да с кнутьем по торгу увяземся и оттуде и в тюрму.

[44][Мечюще одеяние свое, ходяще беспрестани на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дияконы, склад чиняху и на мед посылаху на ведро, глаголюще: пропьем однорядку темнозеленую да повеселимся, не пощадим кафтана зеленаго, сорокоустными денгами окупимся. Сице попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать. Черными сермягами оболчемся

и у мужиков во братчинах изопьем, и от попадей жюрбы убежим, и опять по-старому жити почнем. Видяще наготу кабацкую, текуще, яко слепи],[44] к убытку великому, друг ко другу служивые люди глаголаху: немножко меду возмем для уныния, посидим, никако с себя ничево не заложим. И как хмель силу возмет, пропита будет и однорядка. Поживем на кабаке, не спустим и кафтану своему, не пощадить пианица платья [своего].[45] Хощет до нага пропитися з басы, пред собою стояти ярыжным повелевая, да скоморохами [46][вострубит, без всего живота станет, да с похмелья кручиною увязется и от добрых людей отлучится и без всего имения станет.

Ины стихиры пустошные: Самозван еси, человече, прииди на кабак, видя на суши тонущих без воды, а ты хочешь сух вытти, мечты творишь во уме: немножко посижю для уныния. Ажно в долгое время пройдет, веселие твое в печаль обращается, болезнь умножается, стонота и оханье с похмелья.

[г]На хвалу на кабак потекл еси, малоумне человече, и той тя прославит до нага пропитися и во временней сей жизни скитатися по миру, с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, тем же дерзновение и пропасть стяжал еси.[г]

Изучился красти, по миру ходя, малоумны рабе, и непослушливы делателю бесования, ты наготу кабацкую понесл еси, ты живот свой пропил еси, и пришедшим по тебе не завидел еси, тем же и на полати г... сажю уготовался терти, выйди за печь в Пробойную улицу, чтобы тя з голоду не уморили.

Иже прежде зовема и в древняя наша лета, корчмо, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуйся, кабаче, отемнение Вычеготскому Усолию, и ныне не токмо тя Усолие почитает, но и в далных языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе, и на Лале, и в протчих волостях сердечное воздыхание и в перси биение.

Кто твоя гнилая чудеса изочтет, кому ли тя потребна нареку? Беснующему ли тя уподоблю, но беснующий неволею страждет, ты же самоволно скакати и плясати повелеваеши. Да того ради зовем ти: радуйся, кабаче, ярыгам и дьячком и прочим христиа-

нам самоволное бесование, злосмердение и злоневерие, маломожное житие, многое воздыхание, кабаче веселы, мучися своим неистовством.

Слава и ныне пустая, глас шестопятой: Егда приидет от кабака на подворье к жене своей, мирная глаголаху: сего дни видевши подворницы его непрестанно кленяху, ови же укоряху его, глаголюще, яко ясти нечего, а пьеш. Гневно жена его злословяще вопиющи: сего дни з детми не ела, о владыко, чего для долго не завернешь ему шею на сторону, о чем долго не бросишь о землю? Но убо з горем тако глаголется, яко не мощи терпети: всегда муж той пьян приходит, дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы же чюжюю сторону спознаша.

[д] На стиховне стихиры, глас пулной, подобен: Что тя наречем.

Что тя ныне, кабаче, нареку? Дурна или безумна, разбойника ли тя нареку, но манием о землю бросаешь. Купца ли тя нареку, ибо не даром даеши многое твое бесование и болше истощание. Кабаче мой, моли о пиющих на тебе з голянскими своими.[д]

Стих: Многия скорби с похмелья бывают.

Како тя ныне, кабаче, призовем, умна ли или безумна? Всякие беды от тебя приходят, но мы от тебя откупаемся и заклады емлем, иные переменяем к тебе, безчестия не хочем. Кабаче, моли з голянскими своими.

Стих: Пианица, яко теля, наготою и убожеством procвете.

[е] Что тя наречем, кабаче? Река ли еси быстрая, но понеже бе на тебе время нощное, и быстрины твоего течения престанут, целовалники учнут. Корчмо, несытая утробо, моли с голянскими своими о недостатках наших.[е]

Слава недобрая пианицам. Глас пулной: Вооружився крепко на пиющих, кабаче недостойны, веселы, яко неки зверь при горах, такожде и ты, кабаче погибелны, по вся дни привлачая к себе на веселие и на пропитие платья и денег, всяким неправдам крепки воевода, наипаче воеводы, занеже и самого воеводу обидишь, понеже ты молча уловляеши человеки, яко же и всего им лишитися имения. Иже долго время привлачаеши к себе на веселие, долго быти повелеваеши у себе, премудрая суета, голое сиротство,

з басы говоришь не то: понеси, размахни, почерпни, наливай, потащи, закладывай, выкупай, а после отходяще и воздыхающе.

О великое чудо, кто на тя безделное не пронесет, но мы про тебе говорим и злобою кленем тя, а не тешим. Тем же присно с воздыханием.

И ныне, глас остаточной: Что ти принесем, веселая корчмо? Кажды человек различныя дары тебе приносит со усердием сердца своего: поп и дьякон — скуфьи и шапки, однорятки и служебники; чернцы — манатьи, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейныя; дьячки — книги и переводы, и чернилы, и всякое платье, и бумажники пропивают, а мудрые философы — мудрость свою на глупость пременяют; служилые люди — хребтом своим на печи служат; князе и боляре и воеводы за меду место величаются; пушкари и салдаты тоску на себя купили, пухнут, на печи лежа; сабелники саблю себе на шею готовят; лекари и обманщики напастья на тебе величаются; тати и разбойницы веселятся, а холопии спасаются, кости нося][46] в триполе, говорят быстро, плюют далече, з басы на погибель бросаютца, басливые батоги на тебе освящаются; жонки блуд и скаредство приносят, мужни жены добрые срамоту себе улучают; зернщики и костари и такалщики усовую болесть себе получают, ставают, охают, ложася, стонут; ростовщики ворогушу себе выростили, тружает их сухотою по вся часы; скупщики всякие стонут на тебе; купцы, десятники и довотчики кнутом венчают; пономари туды ж, что люди, в стадо бредут, воск и свечи приносят, что былные ж люди туды же пьют, и всякий человек рукоделны и простыи искусники всякими дуростми тебе веселяя, корчмо, величают. Мы же вси, любящеи тя, и отцов и матери оставихомся, чужую сторону с позоры познавахом. Всякий тя человек проклинает, только тебя не лишатся. Повары всякия мудрости свои на винную чарку предают, лесники — куницы и соболи и векши на пече ище имавают лежа, тот соболь ведра другово суден. Кузнецы топоры и ножи, и наковална, молоты и клещи и косы себе на шею готовят. Хмелю, проломил еси нас, всякому вежству з басы научил еси нас, веселие нашему веку и сухоту, славим тя болезнено во веки.

Припев: Нападает помышление на чтущих соборов, в сердцы ж советующих пребывает свет чреву и скорбящу смирится сердце, ботеющу телу сверепеют помышления.

Житие и позоры, и горкое терпение, и о любящих многое питие без меры благословите мя плутати.

Сии убо родишася от многих стран различных от неподобну родителю безумну и з горестию хлебом воспитани быша. Друзии же от добру и богату родителю быша рождени, воспитани же нескорбно и безпечално. Егда же достигоша юношескаго возраста и не изволиша по отеческому наказанию жити, но изволиша по своей воли ходити, родителие же здержавше их и не возмогоша и предаша воли их. Они же приложишася ко онем наказным и начаша ходити на вечери и на вино многое. Родителие же их не возмогоша здержати никакими наказаңми и предаша воли их. Они же быша буяви и храбри, не быша же не древоделцы, ни земледелцы. Взяша же некую часть имения ото отец своих и приидоша на корчмицу, разточиша же имение свое на бога ради, после же обнищаша и взалкаша, телеса же своя наготою одеяша, срамные уды обявиша, не срамляху бо ся лица человеча, не пекущеся о житейских, но чрево имуще несытно, пьянства желая всегда упиватися и, яко болван, валятися и досаждати человеком нелепыми глаголы, приемлюще побои и ударения и сокрушения костем. В ню же нужу терпеша глад и наготу и скорбь всяку, не имеяху ни подстилания мягкаго, ни одеяния тепла, ни под главою зголовья, но, яко пси свернувся, искаху себе запечна места. Телеса же их обагрени быша сажею, дым же и жар терпяху, вся та не бога ради, но для своего бешеня.

Аще бы такия беды бога ради терпели, воистину бы были новые мученики, их же бы достойно память их хвалити. Ныне же кто не подивится безумию их, без ума бо сами себе исказиша. Не довлеет бо им милостыни даяти, но вместо даяния сами восхищаху, вместо коленнаго поклонения плескания предлежит, вместо же молитвы к богу сатанинския песни совершаху, вместо бдения нощнаго всенощно спяху и инех опиваху, друзии же обыгрываху. Вместо поста безмерное питие и пьянство, вместо фимиянного обоняния

смрадяху бо телеса их, от афендров их исхожаху лютый безмерный смрад, вместо понахиды родитель своих всегда поминающе матерным словом. [47]От юнаго[47] возраста достигше до средовечия, никако же первых обычаев отлучишася, но на горшая простришася и заблудишася, [48][от истины впадоша в ров погибели, в нощи убо не усыпаху и не почиваху, но обидяще чюжие дома призирающе, дабы нечто украсти. Аще же что украдут, то все в несытую свою вливающе утробу. Аще ли стерегущии изымают, то многия раны возлагают на тело их, последи же и узами железными свяжут, и уранят, и в темницу отдадут. Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда воспомянут родители своя и наказание их, и ничто же им поможет, не достигли бо суть добра возраста, ни красныя зрения, ни седин процветения].[48]

Калязинская челобитная.

Лубочная картинка XVIII в.

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Список с челобитные,[а] какова подана вь 185 (1677) году Калязина манастыря[б] от крылошан на архимандрита Гавриила[в] вь его неисправном житии слово в слово преосвященному Симеону архиепископу Тверскому и Кашинскому[г]

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомольцы твои,[д] Колязина монастыря крылошаня, черной дьякон Дамаско с товарыщами.

Жалоба, государь, нам,[е] богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на архимарита Гавриила. Живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх божий и иноческое обещание и досаждает нам, богомольцам твоим. Научил он, архимарит, понамарей плутов в колокола не во время звонить и в доски колотить, и оне, плуты понамари, ис колокол меди много вызвонили и железные языки перебили, и три доски исколотили, шесть колокол розбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нет.

Да он же,[ж] архимарит, приказал старцу Уару[1] в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братью будить, велит часто к церкве ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя, правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила испраɪить, из ведра пива испорознить, не то, что к церкве часто ходить и в книги говорить. А как он, архимарит, старца

к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем, ис келей вон выбегаем.

Да он же, архимарит, монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог. А монастырские слуги, теша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И он, архимарит, во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запылил [2][и кадило закоптил],[2] и нам, богомольцам твоим, от то[го] очи выело, горло засадило.

Да он же, архимарит, приказал в воротах с шелепом стоять кривому старцу Фалалею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в слободу не велит сходить, и скотья двора присмотрить, чтоб телят в хлев загнать и кур в подполье посажать,[3] благословение коровнице подать.

Да он же, архимарит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чють он, архимарит, монастырь не запустошил: некому впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И про то, государь, разорение известно стало на Москве началным людям, и скоро по всем монастырем и кружалом смотр учинили, и после смотру лучших бражников сыскали — стараго подьячего Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу,[3] и в Колязин монастырь для образца их наскоро послали, и начальныя люди им приказали, чтобы они делом не плошали,[4] а лучшия бы кавтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научали и нашу бы братью, крылошан, с любовию в монастырь к себе приимали, и едину б мысль смышляли: как бы казне прибыль учинить, а себе в мошну не копить и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить. А если бы нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы [б][5] колокола отвязали да в Кашин [и] на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же, архимарит, проторно живет, в празник и в будень нашу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы прирвал, и тем казне поруху[6] учинил, а себе он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали, что ис[7] тое пенки свить веревки долги да толсты, чем ис погребов ночью бочки с пивом волочить да по крылоским кельям возить, а у келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкве б нам не ходить. А как мы пиво допьем, так и к церкве скоро пойдем. И он, архимарит, догадался, нашего челобитья убоялся, приказал пенку в веревки свивать да вчетверо загибать, да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, [8][богомольцев твоих, тежело опущать, а сам, стоя, конархает и нам,][8] богомольцам твоим, лежа, и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его, архимаритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтем и поем. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем,[9] и от тое мы изморы скоро помрем.

Да он же, архимарит, великой пост вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано, за три часа до дни, в чесноковик звонить, за старыми остатки „часы" говорит, а „блаженна"[Б] ведре над вчерашним пивом на шесть ковшов „слава и ныне", до свету на печь спать.[10]

Да он же, архимарит, нам, богомольцам твоим, изгоню чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем.[1] По нашему слову ходил, лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбица телное да две паровые, тиошка б во штях да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другие с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б подделное мартовское, да переварной бы мед. И у него, архимарита, на то и смыслу нет: у нас, знающих людей, не спросится, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлеб жует, весь мед перекис,

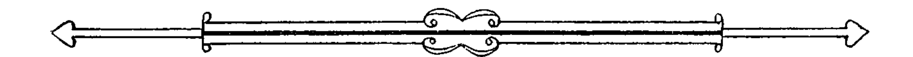
а сам воду пьет.[м] И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем. И мы, богомольцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили, и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами, крылошаны, в совете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил[11] да святую братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил. И он, архимарит, родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, а сам не смыслит, мало с нами пьет да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метиолными комлями да ременными плетями, и та нам у него была честь ведра во всю спину ровна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомольцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем, где клобук с мантиею, не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к росходному началу. И он, архимарит, монашескому житию не навычен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вменяет, за то нас, не смысля, крепко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору[н] осталося старых лет запасов по подлавечью в хлебне — стулья да чепи, в мукосейне — по спицам шелепы да плети да сита частыя, в караулне, под лавки, — снопы батогов, в кузнице по грядкам — кандалы да замки. У нас, богомольцев твоих, от слез очи мятутся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что он, архимарит, по се время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братью бить горазд. Не лучше ли ему плыть от нас: на его место у нас много будет охочих великого смыслу. И на пусте жить не станем, и в анбаре простору прибавим:[12] рожь да ячмень в солоды обростим да пива наварим, брашки насидим, а чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарежать колокола отвязать, и велим в Кашин провозжать да на вино променять, а так они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всех наря-

дили. А как мы архимандрита избудем и доброго добудем, который горазд лежа вино да пиво пить, а к церкве бы пореже ходил и нас бы, богомольцев твоих, почаще на погреб посылал, учнем радеть, а ему, архимариту, добра хотеть, а монастырю прибыль чинить, вино в чарки наливать да старое пиво допивать, а молодое затирать, и иное станем на дрожжи наливать, да тогда и к церкви пойдем, когда вино да пиво допьем. В колокола не будем звонить, а на погреб и без звону в полночь готовы ходить; ладану да свечь не будем жечь, пиво да вино и с лучиною пьем; уголью и смети не будут, ризы да книги вынесем в сушило, церковь замкнем, а печать в лупки обогнем, пономарей вышлем в слободу жить, а прикажем им почаще ходить да вино нам подносить, да велим им звонить с недели на неделю в год по одножды.[о]

Милостивый великий господин преосвященный Семион, архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих; вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих, а в уголье мерою, колоты да доски числом, и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему, архимариту, безчестье немалое, а платить нам нечем: крылоские люди живут небогато, а нажитку у себя имеют только лошка да плошка.[п] А буде ему, архимариту, впредь мы надобны не будем, и мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возмем в руки посошки, пойдем из монастыря по дорожке в ыной монастырь, где вино да пиво найдем, тут и жить начнем, пиво да вино допьем, и вь иной монастырь пойдем и поживем по разсмотрению с похмелья да с тоски[13] да с третьей брани и великия кручины; в Калязин монастырь зайдем погулять в житницах и в погребах и во всех монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по-прежнему в Колязине монастыре жить неотходно начнем.

Смилуйся, пожалуй![р]



СКАЗАНИЕ О ПОПЕ САВЕ

[1][*Сказание о попе Саве и о великой его славе*][1, а]

Послушайте, миряне и все православные християне,
што ныня зделалася,[2] великое чудо учинилася
над долгим попом, над премым дураком,
от Козмы и Домияна из-за[3] реки, а в приходе у нево богатые мужики.[б]
А зовут ево, попа, Савою, [4]да не мелак он[4] славою.
Аще живет и за[5] рекою, а в церкву не нагою.[в]
Люди встают[6] — молятся, а он по приказам волочитца,
ищет, с кем бы ему потегатца и впред бы ему с ним не видатца.
Да он же по площеди рыщет, ставленников[г] ищет
и много с ними говорит, за реку к себе монит:
у меня-де [7]за рекою[7] стойте, а в церкви хотя и не пойте,
я-де суть поп Сава, да немалая про меня и слава.
Аз вашу братью в попы ставлю, что и рубашки на вас не оставлю,[д]
Сам я, Савушка,[8] хотя и наг пойду, а вас шта бубнов поведу.[9,е]
Людми он добрыми хвалитца, а сам от них пятитца,
как бы обмануть и за Москву[10]-реку стянуть.
По тех мест он ставленников держит, как они денги все издержут,
а иных[11] домой отпускает и рукописание на них взимает,
чтоб им опять к Москве приполсти, а [12]попу Саве[12] винца привести.
А хотя ему хто и меду привезет, [13]то с радостию возмет[13]
и испить любит, и как все выпьет, а сам на них рыкнет:

[14] даром-де у меня[14] не гуляйте, подите[15] капусту поливайте.
[16] А когда он изволит спать, а ставлеником прикажет баню топить.[16]
И как [17] над ними[17] наругался, толко сам в беду попался.
Когда жена[18] ему гаварила [19] и о всем ему предвозвестила:[19]
лихо-де им от тебя ныне потерпеть, а после [20] де и сам от них станешь[20] п...
Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить.[ж]
Добро бы тебе от церкви не отбыть и смертны час не забыть.
[21] Глас божи — глас народа.[з] Где твоя, Савушка,[22] порода,
[23] [хотя тебе непригожо],[23] тут твоя и рожа.[и]
[24] Сколко ты не плутал, а ныне на цепь попал.[24]
Добро бы[25] тебе[26] не воровать и добрых людей варами не называть.
[27] Ставленников посылает обедни служить, а сам на постели лежит.
Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит,
кто друга съедает, тот всегда сам пропадает,
а кто за ябедою ганяетца, тот скоро от нея погибаетца.
А кто за крамою ходит и как ему не вспитатца, толко у ворот его никто не стучитца,
а кто к нему ни ходит, и он к нему сам выходит
и там проститца и паки в дом возвратитца.[27]
А ты бы сам, Савушка, шел да простился, с кем вчера побронился.

Ответ попа Савы х попадье

Поистинне ты,[28] поподья, не смыслеш и дела не знаеш.
И рад бы шол да простился, [29] да со многими людми разбронился.
Как мне не гулять,[29] а от цепи не отлинять.[30]
Да [31] прости ты, поподья, слово твое збылося,[31] уже и приставы приволоклися,
[32] и, яко пса, обыдоша мя ныне, толко не сыскать было им меня и во веки.[32]

Сон попа Савы

Мне начесь спалось да много видилось:[33,к]
пришли ко мне два аньела и говорят: много-де[34] у тебя, поп, [35] в мошне[35] денег,

[36]мы-де их вынем,[36] сочтем и в обтеку снесем.
Али ж я спал дома на перине, [37]проснулся, ан уш в патриаршей[37] хлебне на рогозине,[л]
и хожу по хлебне, покличу, ан[38] с шелепом ко мне на встречу.
И как бы я [39]ево не умалил,[39] и он бы меня[40] шелепом прибил.
О сем поп Сава дивился, как он на цепи очутился,
[41]денег у него в мошне было немало, хватился, ан нет, ни пула не стало.
А мню, те два аньела вытресли и, положа, ис обтеки назат не вынесли.
Горе мне, дураку, и великому б... с...,
что Сава на цепь попал и во веки пропал.[41]

[42]Его ж, безумнаго попа, смешной икос[42,м]

[43]Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво,
радуйся, в хлебне сидя, ставленнически сидне!
Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла![43,н]
Радуйся, глупы папенцо, [44][непостриженое гуменце].[44]
Радуйся, породны[45] русак, по делам воистинну дурак.
[46]Радуйся, потриарша хлебня, видя тебя, такова сидня!
Радуйся, Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея![46]
Радуйся, вшивая[47] глава,[48] дурной поп Сава,
Радуйся, град Тула, что сидит[49] Сава у великава стула.
Радуйся, [50]дурны нос, на лес глядя, рос.[50,о]
[51]Радуйся, долги поп и ако боярски халоп.
Радуйся, с добрыми людми поброняся, а в хлебне сидя веселяся.
Радуйся пив вотку, а ныне и воды в честь.
Радуйся, хлебню посетив и цепь просветив!
Радуйся и веселися, а дамов не торопися.
Радуйся, попа Савы спина, что хощет быти шелепина.
Радуйся, Сава глупой, и всей глупости твоей слава,
и везде про тебя дурная слава.
А на што тебе, Савушка, кондак, б... ты сын и так.
Конец хождению Саве болшой славе.[51]

СКАЗАНИЕ О КУРЕ И ЛИСИЦЕ

I

Стоит древо высоко и прекрасно, а на том древе сидит кур велегласны, громкогласны, громко распевает, Христа прославляет, а християн от сна возбуждает. И под то древо, к тому седящему на древе к велегласному х куру пришла к нему ласковая лисица и стала ему говарить лестными своими словами, глядя на то высокое древо. И рече куру лисица:

„Чадо мое милое, громкогласны кур! Вознеслся еси ти на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, глас твой на небеси, а косы твои до земли. А коли запоешь, аки в трубу златокованную затрубишь.[a] Сниди ко мне, к преподобной жене лисице, и аз тя прииму на покаяние с радостию, и приемлеши от меня прощение грехов своих в сем веце и будущем".

Отвеща кур лисице: „Госпожа моя, преподобная мати лисица, сахарныя уста! Тяшки суть грехи мои! Зде умру, а к тебе, госпожа моя лисица, не иду, понеже язык твой лстив, уста твоя полны суть неправды".

Отвеща лисица х куру: „Чадо мое милое, доброгласное куря! Чему тебя бог посетил? Глас твой страшен, всех людей устрашает, и вси люди гласа твоего боятца, от сна своего воставают. Послушай, куря, моего учения, своея матере лисицы. Помнишь ли ты, чадо, как во святых книгах пишет: «не долго спите и не долго лежите, вставайте рано, молитеся богу, да не внидете в напасть». Тако ж и в притчах глаголет: «много лежать, добра не добыть,

горя не избыть, чести и славы не нажить, красных риз не насить, медовыя чаши не пить, слаткого куса не есть, умному не быть, в дому господину не слыть, власти не видать, князям милу не быть».[б] А твой глас страшен, всех людей устрашает. А не хощешь ты от меня праведнаго покаяния прияти, и ходишь ты по земли, аки свиния в кале валяешися, во гресех своих. Сниди ко мне на покаяние, и я дам тебе праведное покаяние. И аще народ услышит глас твой, не могут изглаголати доброты и смирения твоего. А ты, мое милое чадо куря, хощешь во гресех своих тяшких умрети без покаяния. Сам ты, чадо милое, чтешь притчу о мытаре и фарисеи: пришед з гордостию на покаяние, и спасения не получить, но и паче погрешить.[в] Тако и ты осужден будеши, чадо мое милое, в муку вечную и во тму кромешною. Сниди ко мне на покаяние, и да спасешися и прощен будеши во всех гресех своих и внидеши в царство небесное".

И сама лисица прослезися горко о гресех куровых и рече к нему лисица: „Горе тебе, окоянны куря, ходишь ты на земле без покаяния и не ведаешь, в кой час смерть приидет". Рече же х куру лисица: „Чадо мое милое, куря, душеполезная моя словеса слышав, давно бы ты сошел ко мне на покаяние".

Кур же, на древе сидя, прослезися горко, слышав же душеполезная словеса от преподобныя жены лисицы, поминаючи грехи свои окаянныя. И почел спущатца к лисице на землю, з древа на древо, с сучка на сучо́к, с куста на кустик, с пенка на пенек. И скочил кур и сел у лисицы на голове.

И взяла ево лисица в кохти и эгнела его крепко, и завопил кур великим гласом. И рече кур лисице: „О, мати моя лисица, то ли мне от тебя праведное покаяние?".

Лисица же скрежеташе зубы и, гледя на него немилостивым оком, аки диавол немилостивы на христиан, поминает грехи куровы и яряся ему.

Рече кур лисице: „Что суть грехи мои? То ли мне от тебя праведное покаяние?".

Отвеща лисица х куру с великим гневом и яростию: „Куря, злодей и чародей! Как ты бога не боишися, закон преступаешь?

Помнишь ли ты святыя книги и как в правилах святых отец пишет: одна жена понять по закону, а другую понять для детей, а третью понять чрез закон прелюбодеяния ради.[1] А ты, лихой человек, злодей и чародей, законопреступник, держешь ты у себя много жен, по двадцети и по тритцати и болши. Как твои не великия суть грехи? Да за твои грехи предам тя злой смерти".

И рече кур лисице: „Послушай, госпожа моя мати лисица! Помнишь ли ты, как в бытиях пишет: земля стала и нача полнитися. Сице плодитися и роститися и умножите землю.[г] О сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитеся велми, то будите наследницы царствия небесного". И хощет от нея кур праведнаго покаяния.

И отвеща лисица куру с великим гневом: „Злодее куря, и яко ты бога не боишися, а людей добрых не стыдишися, закон преступаеши? А брата своего ненавидиши и где с ним не сойдесся, тут ты с ним болна бьешися за которую обиду? А толка и обиды, беззаконники вы, промежу себя за свои ревнивыя жены и наложницы многия, ради для прелюбодеяния. И потому я тебя осудила: за твои великия грехи повинен ты еси смерти. Да помнишь ли ты, лихой человек, кали я была галадна, изнили меня злыя дни, нечиво было ясти, и аз ела чеснок да ретку, и тем я себя сарамоты доставила. И пришла я х крестьянину на двор где у нево сидят куры. И ты, лихой человек, закричал на сон ных людей, будта тебя взбесила или варагуша подымала. И гуси тогда загоготали, и свиньи там завижжали, а мужики закричали, а детки их услышали и за мною погналися, с жердьем и с ружьем, и с со колием, и с собаками, с вопом и з свистом, бутта я у них хатела отца удавить, а мать утапить. А за што? За единого куря хатели меня пагубить. И мало мне топеря тебя, лихова человека, за то съесть. А власной ты, как бес, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в роду, ни в племени, и ни в какой ты нужи не бывал, не знаешь ты и не разумеешь. И бутта у них кур не стало, что ты завопил и закричал мужикам. И мне ты саромоты доспел и плохою женою поставил. Вся от тебя мне пакость, от лихова человека. Сам ты не велик, толка перьем дасаждаешь.

А у меня же никто же тебя ис кохтей моих не может избавить — ни князь, ни боярин, ни иной кой от велмож. И повинен ты еси смерти“.

Отвеща кур лисице: „Помнишь ли ты, госпожа моя лисица, притчу: «по каторой реке плыть, по той и славу творить.[д] А у которого господина жить, тому и служить и волю ево творить». И во святом евангелисте пишет: «не может раб двема господином работать». Тако ж и я, госпожа моя лисица, у крестьянина жил, хлеб ел и пшеницу я у них клевал, как жа добра им не хотеть? Тому и бог не поможет, кто хлеба и соли не помнет. Хлеб-соль великое дело, без него человек не может жить ни единаго часу. А ныне твой есмь раб до смерти и добра хотети“.

И рече куру лисица: „А ты меня, смер[д], смердиною зовешь и детей моих соромотишь, за то тебе быть снедену от меня. Слышала я притчу: «одному господину служить, а другому не грубить».[е] А ты б меня тогда не оскорбил, а мужикам не дружил, а сам ты от меня теперь от смерти не избудешь“.

И рече кур лисице: „Госпожа моя лисица, не одолей злобу злобою, одолей злобу благостынею. Царь же Давид написа: «Блажени милостиви, яко ти помиловани будут от бога».[ж] А я, госпожа моя лисица, ведаю и сам то, что аз недостоин птицам небесным и зверем земным ясти. Не одно время в полунощи зовуще, бога прославляюще. Помнишь ли ты, госпожа моя лисица, при распяти господни рече господь Петру: «Петр, трижды ты от меня отвержися». Петр же рече: «Господи, ниже не отвергуся от тебя николи же»“.[з]

И рече куру лисица: „Ты на то надеешися, что грамоте горазд и отвещати умеешь. И тем тебе не отговоритца. Повинен ты еси смерти. И тако мне тебя есть не для твоего храброго перья, для твоих неправедных и небылых словес лживых“.

И рече кур лисице: „На чем ты еси, госпожа моя мати лисица, слово молвила, тем быть, и оправилася еси“.

Рече же кур лисице: „Госпожа моя лисица, человек ты еси не ратной и ратного оружия у себя не имееши. Прелстила ты еси меня лестными своими словами и лживыми. Поручил тебе

меня бог в кохти за мои великия грехи и за мое безаконие и безумство. Пощади, госпожа моя лисица, не отжени класз̇[2] неозрелова и не пролей крови неповинныя напрасно“.[и]

Лисица же удивися курову премудрому ответу, и она ш эгнела ево крепко, хотела куру живот скончать.

Завопил же кур великим гласом и рече: „Дай мне, госпожа моя лисица, единое слово промолвить. Звал меня, госпожа моя лисица, крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил велми сам митрополит, а петь бы мне у него на омбоне дишкантом тонко и высоким гласом. И ты, госпожа моя лисица, отпусти меня, и аз стану давать тебе оброку з году и в год, чем ты изволишь пожелаешь брать. Что мне даст митрополит, то я стану тебе давать. А буде ты, госпожа моя лисица, пожелаешь сама во власть итить, и мне можно упросить у митрополита, поставлю и я тебя в чин в просвирнической. И тебе будет добро канун[ы][к] молить, госпожа моя, сладкия, а просвиры мяхкия, а приходу очень много. Да я же тебе оброку стану платить сверх того по пятидесят рублей в год“.

И рече куру лисица: „Подума[ла] бы я на такую власть поити, и ты меня обмановашь. А когда я была галадна и когда я была недобычна, и тогда я приходила х крестьянину на двор, где у нево сидят куры, и тогда б я тебя, злова человека, погубила б. А когда будешь у митрополита в подьяках, а я буду в просвирницах, и ты, лихой человек, огласишь меня митрополиту небылними словами, а я тогда от тебя, злого человека, и от небылних твоих неправедных словес и до конца погибнет. И мне гаваришь, как бы тебе от смерти своей избыть“.

И рекла куру лисица: „Не сули ты мне журавля в небе, токмо дай синицу в руки.[л] Не сули мне в год, сули в рот.[м] А ты у меня и сам в руках, не дарого мне твое красное перья и твои лестныя слова. А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здравой быть“.

И тако скончa живот куру.

II

Повесть изрядная о куре и лисице, како его прелстила лисица

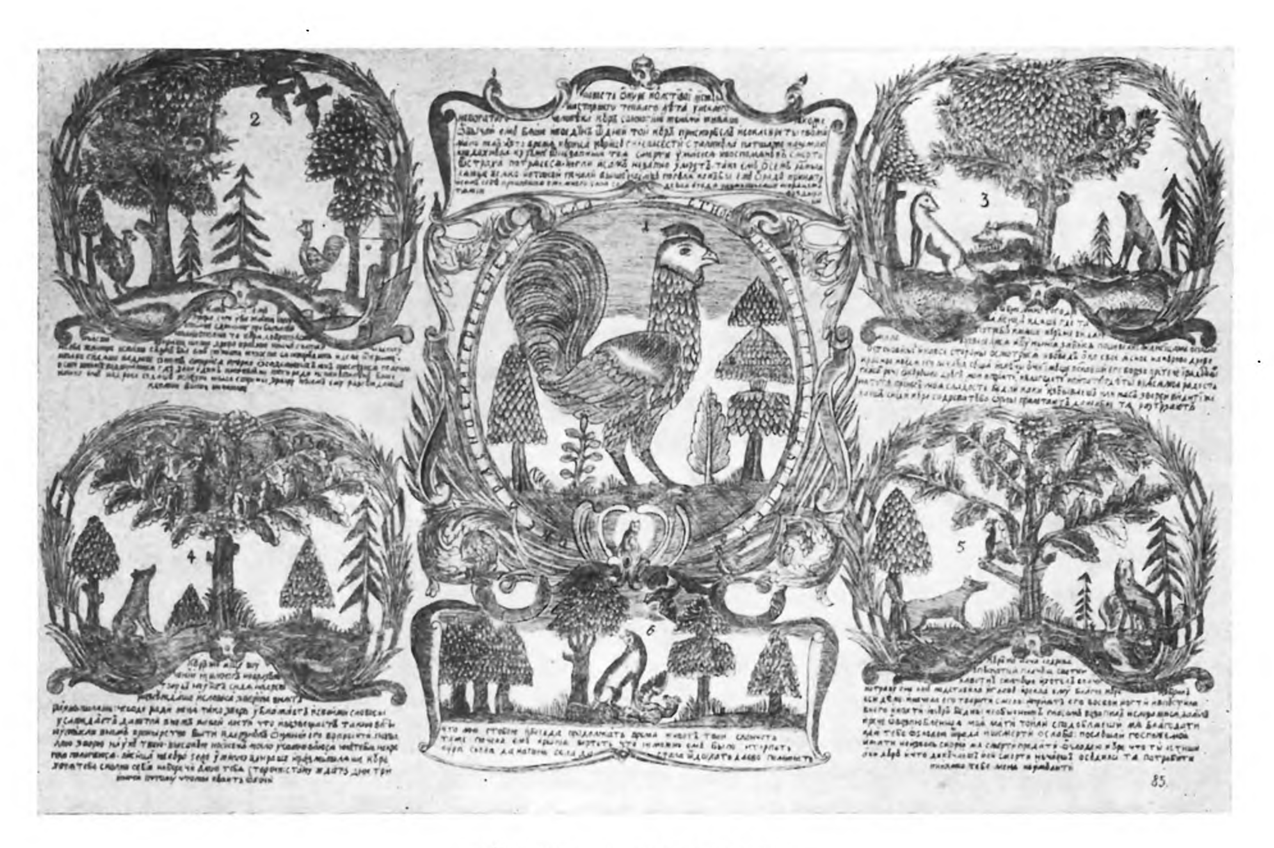
Настоящаго сего нынешняго века
у некоего было небогата человека
кур некий со многими женами живяше,
яко же ему обычай тако бяше.
И во един от дней той кур прискорбел
и со клевреты своими тогда мало пел.
И в то время курица с нашести своей спехнула,
и та курица, упадши на землю, и не дохнула.
Кур же от тоя незапныя смерти ужасеся
и, воспомянув смертный час, от страха весь потрясеся:
„Конечно, будет и мне незапно умрети тако".
И о сем плакася горко и размышляше всяко.
И в толикой скорби и в печали вышел на улицу погуляти,
како бы хотя малую отраду сердцу прияти.
И, ходя по улице, умом своим размышляше
и о всяком деле от сердца тяшко воздыхаше,
грехи своя великия пред богом всегда воспоминая
и о невоздержании блуда себя проклиная,
понеже со многими женами грехи содевая,
а никаких себе праздников не зная.
И тако пошед в темную дуброву посидети
и к жилищу своему месту себе посмотрети,
где бы ему безмолвно одному пожити,
в посте и в молитве себя потрудити,
и како бы от грехов и соблазна избыти,
и добродетелно одному на земли пожити,
а прежние содеянные мною грехи потребити
и прощение себе от бога получити,
женских лиц не точию где их видети,

но чтоб и гласа их не слышати.
И тако, ходя по дубраве, то куре доброгласное
и смотря возлете на древо красное.
Нача с высоты того древа семо и овамо назирати
и ко спасению своему купнаго жителя искати,
пред ним же бы горко восплакался
и о содеянных своих грехах тяшких покаялся.
И так, сидя на оном древе, весма себе смирися
и горко о содеянных им своих грехах тяшких прослезися,
мытаревым гласом в себе подражаяй:
„Боже, милостив буди мне, грешному“, — взываяй:
„Согреших, господи, на небо и пред тобою!
Да буди воля твоя святая и со мною.
Точию не отрини мене, во многия грехи впадша,
и никогда же от покаяния моего не отставша“.
И глядяше кур прекрасный семо и овамо,
и не веды себе водворитися камо,
зане един никогда не живяше
и того ради сумнителен бяше.
И тако он на древе многое время седяше
и на вся страны умилно зряше.
И абие нечаянно мимо того древа лисица идяше,
где оная потребу себе имяше.
Кур же, видя ее, встрепехнулся,
Мало возвеселился и, от уныния забывся, толко пошевелился.
Лисонка же, послышавши, опасно остановилась
и на вся страны осмотрилась.
Потом же, возвед око свое ясное
на курово древо прекрасное,
и виде ево, кура, печална суща,
слез полны очи имуща,
познавши ево, борзо к нему притече
и весма радосным гласом к нему рече:
„О, курушко, мой друг и приятель,

и великий благодетель и питатель!
Откуды тя взялся, мой радость,
и кто тя принес сюды, моя сладость?
Ты ли еси, о куре, чадо мое любезное,
почто так видение твое слезное?
Отвещай мне, ты ли, утешение мое доброгласное,
или стень мне кажется, о, чадо мое прекрасное?
Ах, курушка, чего ты ради в пустыню сию вселяешися
и в красоте своей велми изменяешися?
Рцы ми, любезное мое чадо, красоту ли пустынную назираеши
или от каких бед себя избавляеши?
О, чадо мое, нас ли, зверей, видети желаеши
или в сей пустыни купнаго жителя себе избираеши?
Душу ли свою от грехов спасаеши,
что многия слезы проливаеши?
Или некую страсть от себя на время отсекаеши,
понеже неслыхано зде нам являеши?
Повеждь ми, чего ради един тако обитаеши
и почто тако велми себя утруждаеши?
О, чадо мое любезное и драгое,
даждь ми ответствование сладкое и благое".
Сия же слышав, кур печаль свою остави
и на всякое ответствование лесть ей от себя востави

Кур рече:

„Слышу, добры зверю, доброе твое приветство
и дарую тебе от себя ответство.
Точию молю твое любовное ко мне вещание;
даруй и ты от себе извещение.
Вижду бо тя зверя не проста суща,
но великаго разума имуща.
К сему же разсуждаю быти тя спасенна
и пророческого дара сподобленна.
Я чаял, что ты меня не знаешь,



Сказание о куре и лисице.

Лубочная картинка XVIII в.

а ты и именем меня называешь.
Аз бо прежде сего тебя нигде не видал
и ни от кого о святыни твоей не слыхал.
Изволь мне поведати, како себе нарицаеши
и чего ради в сию пустыню притекаеши?
На время ли ты в пустыни сей пребываеши
или всю жизнь свою тем забавляеши?
Путь ли свой толко точию преходиши,
или, ходя, чего здесь ищеши?
Научи меня, как милость твою знати
и еже бы тя именем называти?
Желаю с тобою беседование творити
и о некоторых вещах тебя вопросити.
Приидох бо зде на некое время
и принесох с собою грехов своих бремя,
их же тягости хощу избыти
и спасением прощение себе получити.
И назираю с высоты сея, кого бы вопросити,
кто бы мог сию мою тягость носити,
ему же бы усердно о всех своих грехах исповедался
и в волю ево, конечно, бы предался.
Ты же, зверю пустынный дивый,
даждь ми о сем ответ правдивый“.

Лисица рече:

„Благое, куре, избрал еси дело,
начинай его творити смело.
Кающихся бог готов принимати,
а ты, курушка, не благоволи сего времени отлагати.
Но о сем мне недоумение положися
и великое сумнение о тебе сотворися:
дело бо твое мнится очень мне несогласное,
аще и глаголеши, чадо мое доброгласное.
Не вем бо ты меня яко искушаеши,
не вем и вправду меня не знаеши.

А что о имени моем, курушка, вопрошаеши,
и тем ты мне, друг мой, весма досаждаеши.
Но к чему тебе, любезное, мое именование?
Точию внушай мое пребывание,
которое сотворю тебе известно,
чтоб было как тебе, так и твоим женам, нелесное.
Аз, чадо мое, курушко прекрасное
и курушко мое доброгласное,
я есмь в сей пустыни многолетно пребываю
и по вся дни ее сама назираю.
То бо мое любезное здесь жилище,
при растущих в ней сладостной мне пище.
Знатно и ты, свет мой, сего видети желаешь,
того ради здесь, свет мой, пребываешь?
А я приходящих сюда любезно принимаю
и кающихся исповедание от них снимаю.
Руце мои радостно простираю
и всех их приятелски обнимаю.
С великолюбовным тщанием всякаго встречаю,
духовно беседовав, и честно в дом их провожаю
и наставляю, как кому жити требно,
чтоб всякому з душею внити в небо.
Аз грехом твоим дарую прощение
и душеспасителное возвещение.
Сниди ко мне, чадо мое, да тебя целую любезно,
понеже зрети мне на тя слезно.
Сниди, радость моя, курушко, я с тобою побеседую
и некоторую тайну тебе тихонко поведаю.
Понеже я премудрости многи умею,
да и тебя, неумеющаго, ко всему содею.
Из младых бо лет я в школах училась,
а остротою разума добре умудрилась.
Аще хощеши испытати, какие мудрости во мне,
то без сумнения сниди со древа ко мне.
Аз бо давно здесь водворилась

и пророчествию дара сподобилась.
Я знаю, как тебе грехи своя потребити
и со всеми святыми в небе тебе быти.
Всех бо сия мудрость моя обемлет
и назирати вас око мое не дремлет.
Хотя я в мирских суетах не бывала,
токмо многие случаи в мире видала,
а про твое житие, свет мой, не точию слыхала,
но и, конечно, тебя самого ей-ей знала,
а обращении твоем присно умоляла
и пред ним, светом своим, часто предстояла,
руце свои на небо воздевающе
и многие горестные слезы проливающе,
имя твое, курушко, воспоминающе
и никогда из уст моих не выпускающе.
Давно я с тобою видется желала,
того ради око мое часто на тя взирала,
времени же такова никогда не улучила
и тебя бы, курушко, тому знать научила,
и так бы тебя могла умудрити,
чтобы ты не мог и ни единаго греха сотворити.
И ныне я, свет мой, тобою не гнушаюсь,
толко сниτия твоего тщателно дожидаюсь.
Не отлучайся, любезное мое чадо,
и, сошед, сопричтися во избранное мое стадо.
Аз, яко мати, чадо святое с любовию восприиму
и на покаяние к себе тебя, друг мой, приму,
язвы твои греховныя врачеством моим свяжу,
а в грехах твоих епитимьи не положу.
Сниди, чадо мое, курушко драгое,
и сотворю пред богом покаяние тебе благое".
Кур же хотя во учении и не мног,
токмо в разуме своем тверд и неубог,
сидя на древе, всячески размышляше
и, словеса зверинные взяв, себе разсуждаше:

[1][„Чесо-де ради зверь сей тако ублажает][1]
и книжными словесами услаждает,
а его со древа к себе всячески прелщает?
Нет ли в нем какой злой лести,
что извествует мне таковые благие вести?“.
Такожде и о сем крепко разумевает,
почто-де зверь имя свое сокрывает?
И умысли в нем пронырству быти,
дерзнул ево паки о имени ево вопросити.

Кур рече:

„Похваляю, зверю, науку твою глубокою
и в разуме твоем предивно высокою,
и почитаю тя, о любомудрый зверю,
и словесом твоим несумненно верю.
Но о сем нечто много усумневаюся
и некрепко на тя полагаюся,
зане ты той ко мне милости не покажеши
и о имени своем мне не скажеши.
И того ради аз на древе беседую
и не сниду, дондеже имя твое не сведаю“.
Лисица на кура зело умилно зряше
и всячески об нем разсуждаше,
како бы ево своим прошением умолити
и каким бы злохитрством уловити.
Но то ей стало препятие великое, —
что о имени ея вопрошение ево толикое.
„И естьли-де ему имя мое не сказати,
то никак ево з древа на землю не созвати.
Дьявол ему в разуме сеет,
что он со древа слесть ко мне не смеет.
Знатно-де он нечто про меня слыхал
или сам где меня видал,
али паки сам собою меня признавает,
что отговорки мне такие подавает.

Не хощет он ко мне со древа снити
И тем хощет незапной смерти избыти.
Да и сколко ему себя не беречи,
а мне ево пришлось стеречи.
Не на то он попал, злодей, око,
хотя и сидит на древе высоко.
Стану ево всячески караулить, хоть три дни и три ночи,
потому что мы кушать их охочи.
Ястия и пития с ним никакова нет,
а захочет есть, и сам ко мне сплывет.
Сиди же он на древе по своей теперь воли,
захочет трескать, спадет от гладу ко мне и поневоле.
Мнится мне, долго тому времени быти,
чтобы гладом ево уморити,
попытаюсь-де ево еще известитца,
авось либо-де как-нибудь на меня и прелститца".
И тако молчаше и доволно размышляше
и паки ему глаголати начинаше.

Лисица рече:

„Чадо мое, куре любезное и доброгласное,
возлюбил еси ты древо сие прекрасное!
Воспомяни ты перваго на земли человека Адама,
древа [ради][2] из раю изгнанна,
сниди с него скоро, тут бо орлы прилетают,
да они абие тя растерзают.
Сниди, чадо мое, и не смущайся
и неподобными мыслями не прелщайся.
Что ты время сие продолжаеши
и о грехах своих долго ся не каеши?
Принял бо еси ты намерение благое,
да побеждает тя помышление злое,
тем ты богу свету досаждаеши,
а наипаче от него грехами удаляеши.

Чем боло тебе пред ним, богом, горко плакати,
а ты научился пустова многа вякати.
Тебе боло должно неутешно рыдати,
а не безделицу какую помышляти.
Гряди, любезны мой курушко, бог тя мною призывает,
грехи твои тяжкия всемилостивно прощает.
Остави древо сие. Я — некую радость тебе являющая,
вскоре же гибель твою сокрывающая.
Что паче время не вразумишися
и, зриши себя во злых делах, не умилишися?
Сниди ко мне, чадо мое прекрасное,
курушко, мой друг, доброгласное,
любезно бо на тя зрит око мое ясное,
да знатно, что на дворе время ненасное.
Сниди и творити начну ти совершение,
да приимеши от мене немалое себе утешение“.

Кур рече:

„О, зверю, красная и сладкая беседа твоя меня
удивляет
и зело мудрыми словесами умиляет,
точию о сем велми я смущаюся,
что имени твоего не допытаюся.
О нем же изволь мне открыти,
и аз готов по воли твоей творити“.
Радостна бысть лисица, что хощет кур к ней снити
и во всем повинен ей быти,
о имени своем лисица ему открывает
и на снитие курово надежно уповает.

Лисица рече:

„Изволь, курушка, батка мой, имя мое знати
и тако мя имянно звати.
Что мне от тебя именем своим таится,
понеже вся пустыня мною красится?

Имя мое есть по божией благодати
преподобная мати,
святая лисица,
старая красная девица,
всем зверям и птицам мать духовница,
Чудова монастыря первая просвирница“.
Кур же ужасеся, на древе сидя,
таковую преподобную матерь видя,
и трепетен бысть, не знамо, что и рещи,
нача то помышляти, как бы от нея утещи:
„Хотя б нечестно да здарово было,
а сердце уже во мне весма уныло“.
Не ведает, как с таким зверем и быти,
а знатно, что насилу-де и живу быти:
„Ежели бы здесь люди были,
то бы они меня от нея отбили, свободили,
но по грехам моим прилучися,
что близко людей в то время не случися“.
А ведает, что лисицы кур едят зело охотно,
того ради она и беседует доброхотно.
И тако, сидя на древе, повыше от нея поднялся,
а от боязни едва у нево и ум не отнелся,
и великим гласом поюще закричал,
да никто гласа ево не слыхал.
Потом нача молитися божией власти,
чтобы той преподобной матери в руце не попасти,
чтоб не потерпел бог злой ея лести
и не дал бы его безвременно сьести:
„А хотел бола я со древа слести
и «покаяния двери отверзи ми» запети,
а, пропев, горко хотел расплакатися
и в тяшких своих грехах покаятися.
Еще благодарю тя, милостиваго моего бога,
усердия моего премнога,
что свободил меня таковыя напасти

и не съеден за всякие злости.
А впредь не потерпи, боже, ея злой такой лести
и не дай, боже, мне, грешному, умереть без вести.
А немного боло я на нее не прелстился
и на землю к ней, проклятой, чуть не спустился.
И ежели бы о имени ея испытать не покусился,
давно бы я ею потребился.
Ныне же не токмо к ней слетети,
но не хочу на нее, проклятую, и очима зрети".
Лисица же дозналася, что кур догадался
и о имени ея велми убоялся,
еще промысл свой к нему словесно деет
и оболстить его тщателно радеет.
Паки на него умилно зряше
и еще к нему глаголати начинаше.

Лисица рече:

„О, любезное мое чадо, доброгласное куре,
что ты мятешися в сумнителной буре?
Чесо ради неразсужден явишися
и меня, преподобной матери твоей, боишися?
Аз, чадо мое, приидох к тебе не прелщати,
но на путь ко спасению твоему провещати,
то бо мое присное художество —
прощати грехов ваших множество.
Аз бо душу свою готова за тя положити
и рабски тебе, другу моему, послужити,
ты же мниши, яко бы аз тя прелщаю
и яко бы неправду тебе провещаю.
Всуе ты жалуешся на мя богу,
яко бы на тя нанесла печаль многу.
А такой ли я, свет мой, меры,
чтобы не имееши мне в безделнице веры?
И пребываю убо в сей пустыни от своей буйной младости

и до нынешней глубочайшей моей старости,
а вить не бывало у меня того,
чтобы я опечалила кого.
Мыслиши ты, будто я вас снедаю,
а я уже давно и зубов у себя не имею
и не точию что мясных ядей я снедаю,
а я давно уже никакого варения не вкушаю,
с сахаром и с маслом ничего не едала,
а про иное слаткое кушанье и не слыхала,
ни пива, ни вина и ничего никогда не пивала,
а другие напитки я и в рот не бирала.
Точию то одно я и знаю,
что в посте и в молитвах непрестанно пребываю.
Про твою же красоту от многих людей слыхала,
а часто тебя и самого видала,
что ты сын родителей неубогих,
а к тому имаши и другов у себя богатых многих,
великомудрых и самых разумных,
а сам держишся мыслей своих неразсудных.
Мастер ты книжнаго чтения и пения,
а не имаши праваго разсуждения,
людем ты сказуеши и воспеваеши,
а сам себе не внимаеши.
Како ты бога не боишися
и будущаго суда божия не страшишися?
Зриши ли ты толикия его долготерпение
на твое великое и премногое согрешение?
Он тя по своей великой благодати
непрестанно на покаяние велит ожидати,
а ты наипаче от него покаянием удаляеши
и грехи на грехи своя себе претворяеши,
день от дни в новых грехах являешися
и, яко свиния, в кале валяешися,
и тем великую богу досаду делаеши,
что о покаянии своем нимало не радееши.

Мнози твои братья неопасно пиша и ядоша,
и те незапно все помроша,
тела их без погребения погибоша,
а души их все во ад снидоша.
Ты же не поревнуй таким падшим
и памяти по себе не оставшим,
полно, подумай, уже тебе то время пришло,
пора себя к богу обратити
и, покаявся, прощения себе просити.
Ей, курушко, свет мой, душею моею всякаго блага
тебе желаю,
того ради великое попечение о тебе полагаю,
понеже зрю уготовавшуюся смерть над тобою,
от нея же избавишися мною.
Изволь ко мне, курушко, скоро снити,
чтоб тебе душу свою не погубити.
Аз тя с любовию приимша угощу
и грехи твоя немедленно все прощу,
так же и в дом твой, проводя честно, тя отпущу
и здравие тебе на многие лета возвещу".

Кур рече:

„То бы мне, мати моя, зело требе,
чтобы по известию твоему быти мне в небе.
Давно я святых книг охотны читатель
и вечные жизни я искатель,
да видит, мати моя, всещедры бог,
что не знаю, как сей час занемог
и не могу к тебе, мати моя, снити,
изволь ты ко мне сама на древо взыти,
а я с радостию покаятся тебе готов,
ионеже безвременно умрети не охочь".

Лисица рече:

„О, куре, матерью меня называеши,
а словес моих не внушаеши!

Вижду тя, сын мой, что ты меня боишися,
а во гресех своих неразсужден творишися.
Остави, любезны мой, ту твою мысль злую,
прошу тя, приими мою благую.
Поревнуй, чадо мое, мытарям и блудникам
и всяким грехотворцем и озорникам,
како были, яко скаредное блато,
а очистились покаянием своим, яко злато.
Помниш ли притчу о мытаре и фарисеи реченную,
в триоде постной всегда чтенную?
И ты поревнуй мытареву смирению,
а не фарисеиву злу превозношению.
Высоко ты, курушко, сидиши,
высокая мниши,
а ты сниди ко мне, курушко, пониже,
так же и к покаянию поближе".

Кур же рече:

„Ах, мати моя предрагая, что сердце во мне трепещет,
а покаяния на время отмещет?
Понеже я боюся твоей лести,
знатно, что хощеш меня сьести.
И хотя зде от болезни и з гладу умру,
а к тебе на покаяние един не поиду,
разве кто иной прилучится,
а не сниду к тебе, дондеже то случится,
потому что от части твоей тебя знаю,
того ради тебе я и не каю".

Лисица рече:

„Кто тебе, курушко, донес таковые вести,
что язык мой наполнен лести?
Сам бог тебе по мне порука,
что я истинная покаянию твоему наука,
духовница я [3] всем неустижная,[3]

аще и мысль у тебя противная.
Истинно бы обо мне возвеселился бы,
како бы от меня в дом свой преселился.
И стал бы ты здраво и безболезненно жити,
и всяк бы имел тя везде блажити,
а я бы о тебе добрыя вести везде рознесла,
а когда скорбиш, я бы тя к дому твоему сама отнесла.
Престани, любезны мой курушка, от непотребной мысли
и о покаянии, хотя нескоро, а размысли.
А толко надобно богу покаяние во грехах принести,
а чтоб в наиболшее согрешение и во отчаяние не впасти".

Кур рече:

„О, мати моя, мое бы покаяние пришло и близ,
да не вижу у тебя ни патрахили, ни риз.
И ты изволь для того домой тещи,
да для бога не забудь принести сюда и свещи.
Аз в то время домой збегати потщуся
и со всеми своими честно прощуся.
А буде не прикажеш, то я и не пойду,
а тебя здеся подожду ".

Лисица рече:

„Как тебе, курушка, то говорить хочетца словеса такия пустыя,
а веть и ты, курушка мой, птица непростая!
Впал ты [в] великия греховныя напасти,
а не боишися ты божией власти.
О горе тебе, куре, зло лютое,
победило тебя отчаяние лютое.
Чем боло тебе горко плакати,
а ты чтисься непотребно вякати.
На что тебе потрахиль, ризы и свещи,
и чего ради мне для того тещи?

Такожде и тебе для чего з домашними прощатися,
бутто тебе по смерть не видатися?
А когда ты грехи своя все избудеш,
то конечно скоро и домой будеш.
Я, веть, курушко, лисица, а не поп,
я надеюся, не исповедует тебя так и соборной протопоп.
Велено и друг другу согрешения своя исповедати,
бутто ты про то не изволиш и ведати?
Не лутче ль тебе все то оставити
и, сошед ко мне, матери твоей, покаяти?
Я тебе, курушко, правду вещаю,
а воистинну тебя не прелщаю".

Кур рече:

„О, любезная моя матушка,
а поглядеть на тебя, бутто ты прямая бабушка!
Полно словес моих себе внушати,
о чем милость твою хочу вопрошати.
Не ты ли по ночам к нашестям нашим подходиш тихо,
а нам твориш великое лихо?
И мешаеш нам з женами спати
и не даеш нам здравым воставати?
Неопасных нас всегда ловиш,
а не слышно, куды их относиш?
А ты бы изволила к нам в день ни тихо ходити
и дело твое явно творити".

Лисица рече:

„Послушай, курушко, ответа моего и не сумневайся,
но воистинну словесем моим уверяйся.
Хожу я к нашестям вашим по ночам тихо,
а ничево вам не делавала лиха,
потому что глупых псов опасаюся,
а ничиго иного никогда не устрашаюся.
И пришедши, любезно зрю на вас, каковы пребываете

и здраво ли вы почиваете.
А кого из вас усмотрю заскорбевших како,
и тех вземши ношу домой всяко,
и тамо им всем исповедь сотворяю
и всякое радение о исцелении их являю".

Кур рече:

„Да чего же ради, мати моя, домой они не бывали,
и мы их давно уже не видали?
И думаю я, толко бы чуть они не погублены,
и вечно [4]бы от тебе не потреблены.[4]
А в некое время выходил я за гуменное одверья
и видев на земли брата моего одно перья".

Лисица рече:

„Многия из них долговременно скорбеют,
того ради лекарство у меня имеют и емлют,
а иные во епитимиях изволили у меня сами быти,
а я дала им по воли их творити.
Те здравы поют и ныне, изволиш себе с краснаго сего древа снити,
а их всех собою посмотрити.
А я с тобою к ним схожу
и всех их поименно раскажу.
И о том тебе, друг мой курушко, будет верно,
и ни в чем, душа моя, несумненно.
А подошед поближе, изволь хорошенко запети,
а к тебе на встретение выдут все мои духовные дети.
И они тебе возрадуются душевно,
о чем и слышать тебе будет полезно.
Да там жа у меня есть сестрицыни деточки,
мужнены девочки,
лисеночки изрядные
и в разуме избранные,
а тебя они еще у себя не видали,

разве от нас, старух, где слыхали,
и они тебе учтиво все поклонятся,
и ты их изволь пению своему научити,
а я всеусердно рада их всех тебе вручити.
А что сказываешь, выходил-де ты за гуменное одверье
и видел брата своего на земли одно перье,
и о том ты, друг мой курушко, не смущайся,
не я то учинила, разве другие звери, и ты не прелщайся,
я в то время утреннюю пела,
а слышала, как сава птица кура ела.
А то неложная, курушка, весть,
что истинно та б... кур ест,
а про нас говорят,
бутто все лисицы едят".

Кур рече:

„Буде уже и тако, что сова кура сьела,
и несть твоей вины, веть не ты ей велела.
А ныне немедленно в дом свой иди
и веры ради от унесенных тобою хотя одного приведи.
А я бы с ним повидался зде,
а то [ко] мне с тобою не придут все.
И, увидевши того, воистинну тебе вдамся,
а не видавши их, до смерти моей не предамся".

Лисица рече:

„Пребывают они по бозе
и в воздержании моем мнозе,
что и света сего мраморнаго не хотят видети
и ни гласа твоего, курушко, слышати.
Разве мало когда поглядят в окно,
а едят точию одно толокно.
Много у них ржи, овса и пшеницы,
тако ж гороху, семя и чичивицы,
да не знамо что, враги, они не клюют,

а одну толко решную воду пьют.
А всегда они весело песни поют,
да сами они уже к тебе не пойдут,
разве тебя к себе мало подождут.
Изволь к ним не обленится
и сам им появится.
Да изволь к ним милость свою явити
и любовно их всех посетити,
а мне к ним итти невозможно,
потому что твою милость опасати должно,
кто бы нат тобою не учинил зла какова,
здеся озорничества очин многа“.

Кур рече:

„Еще скажи мне, мати моя, иное дело,
которое ты весма творила смело:
некогда господину моему, путем идущу,
и видех тя неложно курицу ядущу.
Не той ли и меня сподобляеши чести?
Знатно хощеши и меня сьести?“.

Лисица рече:

„Окоянной,[5] како пред суд божи явишися,
что и по се время с нами не смиришися?
Губит[6] господь глаголющих лжу конечно,
а за неправду изринет в муку вечно.
Разве то иная глупая лисица творила,
а я бы ей за то и зубы искоренила:
В прошлых летах сказывают, что были таковыя,
а конешно, то вести не прямыя.
Сказывал тебе господин твой ложно,
а посмотреть было тебе самому должно.
Он тебе в пристрастие говорил,
чтобы ты далеко гулять не ходил“.

Кур рече:

„О, мати моя, сказывал мне не один,
что ты насилу ушла у них за овин,
и тут-де ты нимало не полежала“.

Лисица рече:

„Разве ты, курушка, сам за мною посмотрел,
тогда бы ты мне и говорил,
а чужим словам бога ради не ими веры,
говорить иное и глупо без меры.
А еще что слыхала, бутто кузнецы ковали,
а в то время вы, куры, лисицу клевали,
да я тому веры иму мало,
знатно, что едва то бывало.“

Кур рече:

„Слыхал истинно и ото многих такие речи богато,
что житие твое, [7]мати, не свято.[7]
Говорят про тебя худо без меры,
а я тому подлинно иму веры:
имееш-де ты во своей власти
кушать нас паче всякой сласти.
И думаю я, что то слово неложно,
того ради опасатися тебя должно.
Аще бы и сладостныя глаголы вещаеши,
а сердце во мне слышит: конечно, прелщаеши.“

Лисица рече:

„Ты бы, курушка, спросил бы, друг мой, про меня в разуме многих,
а не таких странных, нищих и убогих.
Сказали бы про меня началные зверове, лев и лвица,
что я их премудрая лисица,
всякаго добра делателница,
а воистинну никакая прелестница.

Сказали бы тебе и началные птицы, орел и орлица,
что я их праведная духовница.
То тебе сказывал некоторой бес,
ложно сказывал тебе про меня дуброву да лес.
А ты, видно, простосердечный, неразсужден явился
и теми ложными твоими словесы и соблазнился".
Тако лисица горко прослезися,
что и кур велми удивился,
и стало умилно разсуждать,
а лисица с радости воздыхати.
И рече к нему жалостным гласом и умилно,
что куру и зрети на ню стало стыдно:
„О, вселюбезный мой, доброгласный кур,
где твой сокрылся предивной ум?
Чего ради жестокосерд толико явишися
и чрез многое время ко мне не умилишися?
Глас твой, яко апостола Петра, умилил
и плакатися горко сотворил.
Толикого стыда ты тогда подкрепил,
а сам ся ныне отчаянием ослепил.
Без покаяния тебе, курушко, невозможно быти,
что рыбе без воды быти и жити.
Я, грешница, аще и духовница нарицаюся,
а по вся посты в году каюся,
ты же от [т]воей буйной младости
не бывал на покаянии и до сей твоей старости.
О, милое мое чадо, незапной смерти убойся
и будущия бесконечныя муки укройся,[8]
престани непотребныя беседы творити
и пустоплодные слова говорити.
Влез ты на такое высокое древо,
а стыдишися слесть, бутто какая дево.
Остави, любезный мой, назирати широту поля,
а посмотри после покаяния, тебе будет воля.
Доколе тебе в злых живущих себя не очищати

и грехи твоя пред богом не извещати?
О, горе лютое на земли живущим,
а никогда покаяния себе не имущим!
О, любезное мое чадо, не отчайся
и, сошед, мне, матери твоей, покайся".
Видев же ея кур плачущуся, умилися
и самому зрящу на ню, велми прослезися.
Слышаще словеса ея душеполезна,
вздумал и вправду быти ей, яко она мати любезная
и душевно об нем печалитца и желает,
а о спасении его промысл содевает.
Воспомянув грехи своя, весь слезами облился
и на льстивые ея словеса соблазнился,
и смирен и кроток явился,
и во всем воли ея покорился,
понеже незапной смерти убоялся
и великим страхом обялся,
и нача со древа спущатися книзу, плачущи,
с ветви на ветвь скачущи.
„Объятия[9] отверзи ми" потщился запел,
во слезах своих едва и свет узрел.
И хотел боло скочити на траву,
а лисица не обленилась, подставила ему свою главу
и рекла ему: „Благое дело избрал еси, чадо,
вниди ныне во избранное мое стадо".
И прием его во свои когти,
да влепила в него и нохти.
Таже зверовидно на него взгленула,
а кохтями своими крепко ево гнетнула.
И кур бедны необычным гласом завопил,
а слезами наипаче землю потопил,
страхом весь вострепетал
и болезненно возстонал,
и от той болезни едва уста своя развлече
и плачевным гласом к ней рече:

„О, возлюбленная моя мати,
такой ли ты мне обещала благодати?
Того ли ради изволила меня призывати,
еже меня, грешнаго, тако сокрушати?
То ли твоих сладких глагол збытие,
что меня, грешнаго, проводиш в небытие?
Такого ли воздаяния чаеши от бога,
еже меня губиши нища и убога?
Чем я тебе оскорбил
или чем милость твою раздражил?
А ты сама меня изволила знать, кому бых досадил
или каковую обиду кому учинил.
Я же у тебя ни жилища отнял,
ни насилие какое устроил.
За что меня смерти предаеши
и безвинному суду погибелную горесть подаеши?
Аз боло во умиление одеяхся
и тобою спасен быти надеяхся,
аз чаях, истинная ты покаянию моему проповедница,
а не думал, чтобы ты такая была прелестница.
И ты толко меня оболстила,
а не во грехах моих простила.
Изволь ко мне, бедному, милость свою показати
и винность мою нескрытно мне сказати,
и даждь ми хотя малую отраду
и от кохтей твоих острых ослабу“.
Лисица на него зубами своими скрежеташе
и зело яростно на него зряше,
челюсти своя разверзаше
и скоро сожрати его хотяше.

Лисица рече:

„А какая я тебе, злодеинниче мой, отрада
и от смерти настоящей ослаба?
Потому что согрешение твое велико,

что и говорить мне с тобою дико.
И как ты, безделник, хощешь жив быти?
Достоин ты и с телом во ад снити.
Како тя, всескверны враг, земля не пожрала
и незапно к себе чего она ждала?
Ни ты, скаред, бога боялся,
всегда б... и людей не срамлялся.
Ни ты судей страшился когда,
блудящих насиловал всегда.
Всему свету блудник ты явный,
а к тому братоненавистник славны.
По вся дни, беззаконник, ты согрешаешь,
а прощения никогда от бога себе не прошаешь.[10]
Как к тебе мне милость показати
и как мне тебя не наказати?
Да что мне с тобою много и болтати,
достойно тебя скорой смерти предати.
За твои мерския несытныя сласти
раб еси ты смертныя власти.
И сам ты ведал, что жена едина иметь указано,
да и с тою иногда заказано.
Аще умрет тая,
по нужде велено понять вторая,
а с третьею же и венчания не бывает,
а четвертая дому ради да и христианство отлучает.
Ты же, беззаконник, того дошел,
что и Моисеев закон о пяти женах превзошел.
Имел ты у себя жон по 20 и по 30 и болше,
и тот твой грех и татар горше.
И как тебя на покаяние принять,
и как за тебя ответ богу дать?
Лутче тя разве отдатьградцкой казни,
чтоб не было и другим такой же блазни.
Но честнее тебя зде смерти предати
и без огласки тя скончати“.

Кур рече:

„Послушай, госпожа моя, преподобная мати,
не изволь меня скорой смерти предати.
Не погуби моего тела и души
и ответа моего словеснаго внуши.
Изволиш ли помнить слово божие ко Адаму реченное
и вам, государыня моя, всем извещенное?
Раститеся и плодитеся, и умножите землю,
и обладайте ею.
Аз того слова божия держался
и новому закону не внимался.
И в том тебе ныне, мати моя, каюся,
а впредь творити тако зарекаюся“.

Лисица рече:

„О, злодей мой, проклятой куре,
что ты меня учишь, яко дуру?
И сама я о том помышляла всяко,
да невозможно свободити тя никако.
Великой ты братоубийца
и в зависти блудной ты кровопролийца.
Один бы ты блудил,
а иных бы и до смерти убил.
Сам ты то любил,
а иных за то губил.
И то себе ныне внемли,
что уже не быть живу тебе на земли.
Вижу я и сама, что тебе приходит тошно,
а свободить тебя, ей-ей, неможно“.

Кур рече:

„Помилуй мя, мати моя, беднаго и в скорби сущаго
ниоткуда же помощи имущаго!
Видишь ли, яко хвор есмь и зело вреден,
а на пищу тебе, ей-ей, не потребен.

Помилуй мя от сей смерти нечаемой,
хотя и в муку буду нескончаем.
О, горко и страшно смерть живущим
и всякое дыхание имущим!
Лутче бы не родитися,
когда смерти не свободитися".

Лисица рече:

„Что ты мне, куре, докучаеши
или себе и вправду живота чаеши?
Истинно тебе глаголю, неложно,
и никако тебе живу быть невозможно.
А слез ты пролей хотя реки,
но не свобожду тя и во веки.
Осудила я уже тебя потребити
и никако тебе меня будет не умолити.
Понеже многую досаду некогда от тебя принела
и таковой досады от роду себе не видала.
Помниш ли ты, как на земли был глад,
[11][а ты в те времена был млад]?[11]
И от того гладу сердце во мне изныло,
а купить пищи не на что мне было.
И нечего мне было в то время есть,
и я кушала лук да ретку и то в честь.
И ходила я по лесу, збирала сморчки,
да и то насилу видела и в очки.
И тем себе срамоты многия доставила,
а пустыннаго жития своего никак не оставила.
И приходила к вам на гумно збирать колосу,
а не чаяла я твоего, злодей мой, голосу.
И хотела я тебя попостовать умилно,
а ты, увидевши меня, и закричал унывно,
и со всеми курицами побежал от меня на двор,
бутто пришол по вас какой вор.
И я, дождавшись ночи, пришла бола к вам и к нашести

и хотела бола с вами вместе сести,
и от жон твоих желала бала попросить хотя яичко
сьести,
и чаяла бала от них себе чести.
А ты, услышавши меня, тогда взбесился
и чуть сам на меня не бросился.
Послышавши господин ваш глас злодейской твой,
с постели бросился
и з домашними и с соседи согласился,
з дубьем и с кольем и со псами за мною бежали,
и никто у них на постелях не улежали.
А, поимавши мя, хотели до смерти убити,
а кожу мою на шапках износити.
А все ты их взбунтовал и подал им, варам, весть,
бутто я хощу у вас кур есть.
А как бы на меня не те гладныя времена и убогия,
что не едала я истинно дни многия,
и хотя бы мне господин твой кланялся ниско,
звал бало меня честной крестьянин Василиско,
да ити было к нему слиско,
а хозяин твой хотя меня и не звал,
и он бы с меня воли не снял,
однюю бы куркою и в честь мне поступился,
а к нашести бы не приступился,
видя меня, духовницу честную,
жителницу лестную,
толики далный путь полагаючи
и от глада своего изнемогаючи.
А взявши бы тое курочку, домой отнесла,
а она бы мне яичек нанесла.
И я бы от тех яичек иныя продала,
а оставшия бы нищим раздала,
а на денги б себе калач купила,
да в пустыню бы себе впустила.
И «часы» бы по времени отслушала,

а калачики б со друзьями моими покушала.
А ты, злодей, напрасно меня огласил
и людей за мною бежать возбесил.
Как ты, окаянный, надо мною тогда не умилился
и немилостив ко мне явился?
О, всескаредный и всескверный куре,
посмеялся ты мне, как деревенской дуре!
И ни во что ты меня поставил
да и смерти бала великой меня доставил.
Сова самая птичка плахая,
в день слепая и глухая,
и та у вас кур ест чуть не всегда,
а ты иное и не ведаеш когда.
А я бала единожды к вам пришла,
и тут от тебя насилу з бесчестием жива чуть ушла.
И таковые беды не видала себе от начала века,
а все от тебя, скаредный, злаго человека.
Чего ради ты, злодей, мне, духовнице, тако досаждал,
а честную деву з бесчестием от себя отогнал?
Годал, бутто какой ты богатой,
и ты толко перьем хохлатой.
Сам ты вить как осердился,
а ко мне, к прекрасной деве, приттить не обленился.
Ныне попался ты сам в мои руки,
натерпися самачьей муки.
И сколко тебе со мною не балтати,
а от рук моих себя не избавити.
И как тебе не вертетца,
а от меня никак не оттерпетца.
Потому что грехи твои [12][непростимыя
и досады твои ко мне][12] нестерпимыя".

Кур рече:

„Госпожа моя и мати лисица,
премудрая ты духовница!

Самая прекрасная ты девица разумная
и во всех вещах духовница разсудная!
Ведаешь, что один раб
двемя господином не может работать.
А мирская, госпожа моя, пословица
просто никогда слово не молвитца:
По которой реке плыть,
та и вода пить.
А у кого жить,
того и воля творить.
Хлеб пшеницу клевал
и волю ево содевал.
А ныне твою милость буду честно хранити,
аще изволиш меня от нохтей своих свободити".

Лисица рече:

„Что мне с тобою, куре, и беседа продолжати,
время уже живот твой скончавати.
И много бала бродить,
а такова времени не добыть,
что сам ты ко мне ныне пришел,
а меня бог на тебя навел".
И потом нача ему крылья вертеть,
что несносно ему было терпеть
Почел курушка п...
Таже и голову ему отвернула,
а сама от ра̀дости тако вздохнула:
„Ах, курушка, совершенная теперь моя радость,
а плоти моей в насыщение и в сладость.
Перья твое оставайся здеся,
понеже жилище мое в лесе.
Колико нам с тобою не ликовати да расходится
а впредь мне с тобою не сходится.

Конец.

ПОВЕСТЬ О БРАЖНИКЕ

Повѐсть о некоем человеке в [...][1] бражнике. Благослови отче

Некий человек, пиющий рано велми в празники божия, за всяким ковшем господа бога своего прославляет. По неких днех реченнаго дни прислал бог ангела своего по душу того человека; понесли душу того человека к божественым вратом, поставили того человека у врат, отиде прочь. Нача человек толкатися у врат. Прииде ко вратом Петр апостол и рече: „Кто толкущеся у врат святых?“. „Аз есмь бражник, хощу с вами, господине, в раю быти“. Петр апостол рече: „Бражником не входимо в рай“. И отиде прочь. И бражник рече: „Ты, господине, кто? глас твой слышу, а имени твоего не вемь“. „Аз есмь Петр апостол, поручил мне господь ключи царства небеснаго“. Бражник рече: „Господине Петр, помниши ли при распятии господни трижды Христа отвер[г]ся, аз же тебе не слезы могли, тебе не быть в раю?“.[a] Петр апостол отиде, посрамлен бысть.

И нача бражник еще толкатися у врат. Прииде ко вратом апостол Павел и рече: „Кто толкущеся у врат святых?“. „Аз есмь бражник, желаю с вами в раю быти“. И Павел рече: „Бражник не входимо в рай“. Отиде прочь. Бражник же рече: „А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем“. „Аз есмь Павел апостол, крестил Ефиопскую землю“. „Господине Павел, помьниши ли, коли тебе дана власть при Темире царе архиерей побивати веру Христову, и ты, господине, первомученика Сте-

фана камениемь побил, о чемь ты в раю?".[б] Павел отиде посрамлен.

И нача бражник еще толкатися у врат святых. И прииде ко вратом царь Давид и рече: „Кто толкущеся у врат святых?". „Аз есмь бражник, желаю с вами в раю быти". И царь Давид рече: „Бражником не входимо в рай, а царство небесное уготовано им с прелюбодейцы". И бражник рече: „Ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем". „Аз есмь царь Давид". „Помниши ли, послал слугу своего Уляна[2] [на воину] да велел его убити, а жену его [Вирсавию] взял к себе на постелю?[в] Зачем ты в раю, бражник, прелюбодейца? [3]Аз есмь жены своея не слушивал, а души не погубил".[3] И царь Давид отиде посрамлен.

После того бражник нача толкатися у врат. И прииде ко вратом царь Соломон и рече: „Кто толкущеся у врат святых?". „Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти". [4]И царь Соломан отиде прочь. И бражник рече: „Ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем". „Аз есмь царь Соломан Давидовичь, граде семь на дворе седить во святая святых". И бражник рече: „Господине царь Соломан, помниши ли ты, коли жены своея послушал, а идолом поклонился, Христа отвер[г]ся, и же бы тебе ни едино слово могло и востаси [возгласи?]: воскресни, господи боже мой, да вознесется рука твоя, не забуди нищых своих до конца.[г] Да еще тебе не Давыда ради отца твоего, и ты бы со агаряны".[4]

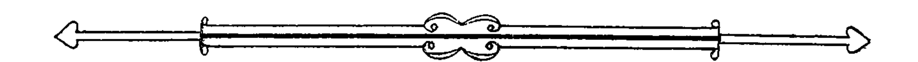
И бражник воздохнул: „Господи боже мой, горазно своим жаден и полон рай напущал, а меня не пустишь?". И прииде ко вратом Иван Богослов и рече: „Кто толкущеся у врат святых?". „Аз есмь бражник, желаю с вами в раю быти". И рече Иван Богослов: „Написано во еуангелии: бражником не входимо в рай, уготована им мука с прелюбодейцы и со идолослужители и с разбойники". И рече ему бражник: „Который ты, господине, по имени, веть вас четыре еуангелиста: Лука, Марко, Матфей, Иван". Иван же рече ему: „Аз есмь Иван Богослов". И бражник рече ему: „Ино, господине, ты писал во еуангелии: бражники царства небеснаго не наследят.[д] В том же во еуангелии ты же

написал: аще ли друг друга возлюбим, а бог нас обоих соблюдет.[e] Почему ты, господине Иван Богослов, еуангелист, сам себя любиш и в рай не пустиш? Любо ты, господине, слово свое из еуангелия вырежешь, или руки своея из еуангелия отпишися. И яз от врат не отиду". Иван же Богослов рече: „Аки звезды небесныя, аки песок вскрай моря, разсеянна по всей земли вселеннеи писания моего, и руки своея и мне отперетися не мошно, и того слова из [е]уангелия вырезать не мошно. Брат мой милый, поди к нам в рай".

И отверзоша врата рая божия, и возрадовася бражник радостию великою.

А вы, братия моя, сынове рустии, православныи християна, богу молитеся, на бруд [блуд?] не бывайте, оставляете, а не упивайтесь без памяти, не будете без ума, и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители.

Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.



СКАЗАНИЕ О КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ

I

Сказание о крестьянском сыне

Бысть неки крестьянской сын у отца своего и матери. И отдан бысть родителми своими грамоте учитися, а не ленитися. Почал ево мастер болно бил, подымаючи на козел, за ево великое непослушание и за ленство. И он, крестьянской сын, в то ся дал, а учения не вoзприял себе и учал себе размышлять: „Стати мне лутче богатых мужико[в] красть: ночью покраду, а в день продам. И да будет у меня денешка скорая и горячая, и почну себе товарищав прибирати, таких же воров, каков я сам".

И прибрал. И пошли ночью к некоему крестьянину. И пришли ко вратам ударили во врата, — ино у него ворота заперты. А сам он тать, крестьянской сын, рече: „Отверзитеся, хляби небесныя, а нам врата крестьянская". И взошел крестьянской сын с товарищи, а сам рече: „Взыде Иисус на гору Фаворскую со ученики своими, а я на двор крестьянскую с товарищи своими".

И пришел ко клети и почал приниматся у крестьянские клети за угол, а сам рече: „Прикоснулся Фома за ребро Христово, а я у крестьянские клети за угол". Влес на крестьянскую клеть, а сам рече: „Взыде Исус на гору Елеонскую помолитися, а я на клеть крестьянскую".

И почал тать у клети кровлю ломать, а сам рече: „Простирали небо, яко кожу, а я кресьянскую простираю кровлю". И почал тать в клеть спускатся по веревке, а сам рече: „Сниде царь Со-

ломон во ад и сниде Иона во чрево китово, а я в клеть крестьянскую". И пошел по клети, а сам рече: „Обыду олтарь твои, господи". И увидел на гвозди кнут тать, а сам рече: „Господи, страха твоего не убоюся, а грех и злыя дела безпрестанно".

И вор и нашел под кроватью ларец с казною да коробью с платьем, и он вытащил к себе. И кресьянин ему не дал; и выбрал из них, и что в них было, и то вычистил. И он, крестьянин, ему отдал ларец, и он взял, а сам рече: „Твоя от твоих к тебе приносяще о всех и за вся". И не оставил у него ничего.

Нашел у крестьянские жены убрус и учал опоясываться, а сам рече: „Препоясыватся Исус лентием, а я крестьянские жены убрусом". Нашел у крестьянские жены сапоги красные и почал в них обуватся, а сам рече: „Раб божий Иван в седалия, а я обуваюсь в новые сапоги крестьянские".

И нашел в клети коровай хлеба и учал ясти. И нашел на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а сам рече: „Тело Христово приимите, источника безсмертнаго вкусите". И нашел в оловенике пиво и учал пити, а сам рече: „Чашу спасения прииму, имя господне призову. Алилуия". И увидел на крестьянине новую шубу и он снял (*в рукописи:* а сам и он сним снял, — *В. А.-П.*) да на себя болокался, а сам рече: „Одеяся светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою".

И та кресьянская жена послышала и мужа своего розбудила, а сама рече мужу своему: „Встань, муж, тать у нас ходит в клети". И муж рече жене своей: „Не тать ходит, но ангел господень, а говорит он все божественные словеса". И жена рече мужу своему: „Кабы был ангел господень, и он бы с нас шубы не снимал да на себя не надевал".

И крестьянин послушал жены своей, с кровати сошел и под кровать наклонился и взял березавой ослоп и ударил татя в лоп. И он, тать, рече: „Окропиши мя иссопом и очищуся, и паче снега убелюся". И крестьянин ево убоялся, и к жене на постелю повалился, учал жену свою бранить: „Злодей ты и окаянница! Греха ты меня доставила: ангела убил, Христу согрубил. Да впреть ты молчи себе и никому не сказывай".

И видит кресьяниново малоумие и нашел тать под кроватью тас с водою, и он взял ис-под кровати и учел руки умывати, а сам рече: „Умыю руце мои, обыду олтарь твой, господи“.

И тать клеть отворил и возгласил товарищам своим: „Обременении, покою вас! А что я зделал, собрал, и вы пособите мне вынести вон“. И те ево товарищи внидоша в клеть, и что было у кресьянина живота, то все взяша и выдоша и двери за собою затвориша. А сам рече: „Чист есми дом мой и непорочен, окроме праведнаго“. И не оставил ему ничево. Аминь.

II

Повесь о крестьянском сыне

Бысть некий крестьянской сын, и нача он грамоте учится, но грамота ему не дадеся. И за то ево мастер болно бил, подымаючи на козел. И вздумал оной кресьянской сын: „Лутче, — говорит он, — я стану российскому ремеслу учится — ночью украду, а днем продам, и будет у меня легкая денешка и скорая добыча“.

Прибрал он к сибе товарищев двенатцать, и пошли они крестьянина красть. И в то время у крестьянина были не заперты ворота. И ударил тать в ворота дубинкой, и сам тако рек „Отверзаются хлеби небесныя, а мне ворота крестьянские“.

И вшед в двор крестьянской, и сам так рек: „Взыде Иисус на гору Фаворску[ю] со ученики своими“. И пришет ко крестьянской клите, и сам тако рек: „Принимается Фома за Христово ребро, а я на клить крестьянскую. И взлес на крестьянскую клеть, и сам тако рек: „Взыде госпоть на гору Елеонскую, а я на клить крестьянскую“.

И стал ломать кровлю, а сам тако рек: „Простираяй небо, яко кожу, а я крестьянскую кровлю“. И стал спущатся в клить по веревке, и сам тако рек: „Вниде Иона во чрево китово, а я в клить крестьянскую“. И нашел на столе краюху хлеба, и сам тако рек: „Тело Христово прииму, и имя господне призову“. Увидял на столе братыню с квасом и стал пить, а сам тако рек: „Чашу спасения прииму и имя господне призову“. Увидал на

спиче кнут, и сам тако рек: „О господи, страха твоего боюся, а трудов своих во веки не лишуся".

Крестьянка же, то услышав, рече мужу своему: „Востани, тать у нас в клите ходит". Но крестьянин жены своея не послушал и рече: „Не тать у нас ходит в клите, но ангел господень пришед души наша посетити".

И пришел тать ко крестьянской кровате и стащил с крестьянина шубу новую, а сам тако рек: „Одеяйся светом, яко ризою, а я крестьянской шубою". И увидял у крестьянина лежит в головах ящик з денгами и стал тащить, а сам тако рек: „Ослаби, остави, прости, боже, согрешения моя волная и неволная".

Крестьянка же, то услышав, вторично рече мужу своему: „Востани, тать у на[с] в клите ходит". Му[ж] жены своея послушал, под кровать наклонился и с кровати свалился, взял дубинку, ударил татя. Тать же рече: „Окропиши мя иссопом и очищуся, омыеши мя и паче снега убелюся". Крестьянин же на кровать повалился, корою закрылся и рече: „О господи, ангела твоего убил-а душу свою во веки погубил".

Тать же выбрал ис клети все до чиста, а сам тако рек: „Чист сей дом и непорочен". И вышел из той клети и созвал к себе товарищев, а сам тако рек: „Приступите к нему и просветитеся, и лица ваша не постыдятся". И наклал всем по ноше, а сам тако рек: „Господь умножил двенатцать апостол, а я двенатцать крестьянских пожытков".

И пошли домой по дороге. Навстречу им мужык идет с коровою. Тать же взя корову за рога, а сам тако рек: „Радуйся, обрадованная, господь с тобою, а ты, бурая корова, гряди за мною".

Крестьян[ин] же от сна пробудился в клите, осмотрелся, хлеба не куска, а платья не лоскутка. Жыть было весело, да исть нечево.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

Повесть о некотором госте богатом и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене ево, како не оскверни ложа мужа своего[1]

Бе некто гость велми богат и славен зело, именем Карп Сутулов, имеяй жену у себя именем Татиану, прекрасну зело. И живяше он с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуще во граде некоем, и в том же граде друг бысть велми богат и славен и верен зело во всем, именем Афанасий Бердов. Тому ж преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челом другу своему Афанасию Бердову: „Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейший друже, жену мою, о чем тебе станет бити челом, во всем снабди: аз приеду от купли своей, буду тебе бити челом и платитися". Друг же ево Афанасий Бердов глаголя ему: „Друже Карпе мой! аз рад снабдевати жену твою". Карп же шед к жене своей и сказа ей: „Аз был у друга своего Афанасия и би челом ему о тебе; аще какая без меня тебе будет нужда в денгах, да снабдит тебя во всем друг мой Афанасий; рекох мне он: «Аз рад снабдевати без тебя жену твою»".

Карп же наказа и жене своей Татиане тако: „Госпоже моя, Татиана, буди бог между нами. Егда начнешь творити без меня частыя пиры на добрых жен, на своих сестер,[2] аз тебе оставляю

денег на потребу, на что[3] купити брашна на добрых жен, на своих сестер, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денег, и он тебе даст сто рублев, и ты, чай, тем до меня и проживешь. А моего совету блюди, без меня не отдавай и ложа моего не скверни“.

И сия рек, отъиде на куплю. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно, и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многия добрыя жены частыя пиры и веселяся с ними велми, воспоминая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому три года, как поеде муж ея,[4] она же шлет ко другу мужа своего, ко Афанасию Бердову, и рече ему: „Господине,[5] друже мужа моего! даждь ми сто рублев денег до мужа, а муж мой Карп, когда поехал на куплю свою, и наказал: «Егда до меня не станет денег на потребу, на что купити, и ты поиди моим словом ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себе [на] брашна денег сто рублев». И ты же ныне пожалуй мне на потребу на брашна денег сто рублев до мужа моего: егда муж мой приедет от купли своей, и тогда все тебе отдаст“. Он же на ню зря очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая[ся?] к ней плотию своею и глаголаша к ней:[6] „Аз дам тебе на брашна денег сто рублев, толко ляг со мною на ночь“. Она же о том словеси велми за[с]умневашася и не ведает, что отвещати, и рече ему: „Аз не могу того сотворити без повеления отца своего духовнаго, иду и вопрошу отца своего духовнаго:[7] что ми повелит, то и сотворю с тобою“.

И шед вскоре и призвав к себе отца своего духовнаго и рече ему: „Отче мой духовный, что повелиши о сем сотворити, понеже муж мой отъиде на куплю свою и наказав мне: «Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денег, чем до меня [жити], и ты ж иди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он тебе по моему совету даст тебе денег сто рублев». Ныне же мне у меня не доставшу сребра на брашна, и аз идох ко другу мужа моего, ко

Афанасию Бердову, по совету мужа своего. Он же рече ми: «Аз ти дам сто рублев, толко буди со мною на ночь спать». И аз не вем, что сотворити, не смею тебе, отца своего духовнаго, того с ним сотворити без повеления твоего: и ты ми [что] сотворити повелиши?". И рече ей отец духовный: „Аз тебе дам и двести рублев, но пребуди со мною на ночь". Она же о том словеси велми изумилася и не ведает, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: „Дай ми, отче, сроку на малую годину".

И шед от него на архиепископов двор тайно и возвести архиепископу: „О, велики святы, что ми повелеваеши о сем сотворити: понеже муж мой, купец славен зело Карп Сутулов, отъиде на куплю свою в Литовскую землю, се уж ему третие лето, и после себя оставил мне на потребу денег; отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него, и как муж мой поехал[8] на куплю свою и наказал мне: «Аще ли не достанет тебе денег, чем до меня пропитатися, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он по моему приказу даст тебе на потребу на брашна денег сто рублев».[9] И аз шед ныне ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себе денег до мужа своего сто рублев. Он же рече ми: «Аз дам ти и сто рублев, толко ляг со мною на ночь». И аз не смела того сотворити без повеления [отца] своего духовнаго и шед ко отцу своему духовному и вопроси о сем отца своего духовнаго, что ми повелит, он же рече ми: «Аще ты со мною сотворишь, аз дам ти и двести рублев». И аз с ним не смела того сотворить". Архиепископ же рече: „Остави обоих их, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и аз дам тебе и триста рублев". Она же не ведает, что ему отвещати, и не хотяше таковых слов преслушати, и рече ему: „О, велики святы, како я могу убежати от огня будущаго?". Он же рече ей: „Аз тя во всем разрешу".

Она же повелевает[10] ему быти в третием часу дни.

И тако шед ко отцу своему духовному и рече ему: „Отче, будь ко мне в 6 часу дни".

Потом же иде к другу своего мужа, ко Афанасию Бердову, [и рече]: „Друже мужа моего, приди ко мне в 10-м часу дни".

Прииде же ныне[11] архиепископ. Она же встретила его с великою честью. Он же велми разжигая плоть свою на нея и принесе ей денег триста рублев, и даде, и хотяше пребыти с нею.[12] Она же рече:[13] „Требуеши облещи на ся одежду ветхую самую; [не добро] пребыти со мною, в ней же пребываеши при[14] многоцветущем народе и бога славиши, в том же и самому паки к богу быти". Он же[15] рече: „Не виде никто мя и в этом платье, что мне и оно облещи, но некоему нас с тобою видети". Она же рече ему: „Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека утаим странствие наше, но он вся весть, обличени[я] не требует. И сам-то господь не придет с палицею на тя и на вся злотворящая,[16] таковаго человека зла[17] пошлет на тя, и тот тя имать бити и безчествовати и предати на обличение протчим злотворящим". И сия глаголаше ко архиепископу. Он же[18] рече ей: „Тол[ко], госпоже моя, не имею никакой иные одежды, какие в мире носят, разве аз[у] тебе требую какую ни есть одежду". Она же даде ему свою женскую срачицу, якоже сама ношаше на теле, а тот сан сняше с него и вложиша к себе в сундук, и рече ему: „Аз кроме сея одежды не имею в дому своем, понеже отдала портомоице, что носяше муж мой". Архиепископ же с радостию взяше и возде на себе збором женскую рубаху: „На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую [пребыти] с тобою". Она же отвещаше к сему: „Се аз сотворю, но еще прежде покладимся со мною".

И в то же время прииде ко вратом поп, отец ея духовны, по приказу ея, и принесе ей с собой денег двести рублев и начал толкатися во врата, она же скоро возре в окошко и восплеска рукама своима, а сама рече: „Благ господь, понеже подаст ми безмерную и превеликую радость". Архиепископ же рече: „Что, госпоже, велми радостна одержима бысть?". Она ж рече ему: „Се муж мой от купли приехал, аз же в сим времени ожидала его". Архиепископ же рече ей: „Госпоже моя, где мне деватися срама ради и безчестия?". Она ж рече ему: „И ты, господин мой, иди в сундук и сиди [там], и аз во время спущу тя". Он же скоро шед в сундук, она же замкнула его в сундуке. Поп же[19] идя на крылцо. Она же встретила его. Он же даде ей двести рублев и

нача с нею глаголати о прелюбезных словесех. Она же рече: „Отче мой духовный, как еси ты прелстился на мя? Единаго часа [ради] обоим с тобою во веки мучитися". Поп же рече к ней: „Чадо мое духовное, аще ли в коем греси бога прогневляеши[20] и отца своего духовнаго, то чем хощеши бога умолити и милостива сотворити?". Она же рече ему: „Да ты ли, отче, праведны судия? имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?".

И глаголющим им много, ажно ко вратом гость богат, друг мужа ея, Афанасий Бердов. И нача толкатися во врата. Она же скоро прискочила к окошку[21] и погляде за оконце, узре гостя богатаго, друга мужа своего, Афанасия Бердова, восплеска рукама своима и поиде по горнице. Поп же рече к ней: „Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехал и что ты радостна одержима бысть?". Она же рече ему: „Видиши ли, отче, радость мою: се же муж мой от купли приехал ко мне и свет очию моею". Поп же рече к ней: „О беда[22] моя! Где мне, госпоже моя, укрытися срама ради?". Она же рече ему: „Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, греха смертнаго; единою [смертию] умрети, а грех сотворяй, мучитися имаши во веки". И во оной храмине указа ему сундук. Он же[23] в одной срачице и бес пояса стояше. Она же рече ему: „Иди, отче, во иной сундук, аз во время испущу тя з двора своего". Он же скоро шед в сундук. Она же замкнула его в сундуке, и шед скоро, пусти к себе гостя. Гость же пришед к ней в горницу и даде ей сто рублей денег. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ея велми прилежно. Она же рече ему: „Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? а не ли же некоему человеку мнози люди похвалиша жену, она же зело злобаше (*чит.*: зла бяше), он же целомудренны тогда похвалу".[24] Он же рече ей: „Госпожа моя, егда аз насыщуся и наслаждуся твоея красоты, тогда прочь отъиду в дом свой". Она же не ведаше, чим гостя отвести, и повеле рабе вытти и стучатися. Рабыня же по повелению госпожи своея[25] шед вон[26] и начаша у врат толкатися велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: „О всевидимая радость от совершенныя моея любви, о свете очию моею[27] и возделение души

моея [и] радость". Гость же рече к ней: „Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошком?". Она же рече к нему: „Се муж приехал от купли своея". Гость же, послышав от нея таковыя глаголы, и нача по горнице бегати и рече к ней: „Госпоже моя, скажи мне, где от срамоты сея укрытися?". Она же указа ему 3 сундук и рече ему: „Вниде семо, да по времени спущу тя". Он же скоро кинулся в сундук. Она же замкнула его в сундуке том.

И на утре шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводе, чтоб вышел к ней. И рече к ней: „Откуда еси, жена, пришла и почто ми велела вытти к себе?". Она же рече к нему: „Се аз, государь, града сего гостиная жена: знаеши ли ты, государь, мужа моего, богатаго купца, именем Сутулов?". Он же рече к ней: „Добре знаю аз мужа твоего, понеже муж твой купец славен". Она же рече к нему: „Се уже третие лето, как муж мой отъиде на куплю свою и наказал мне взяти у[28] купца же града сего, у Афанасия, именем Бердов, сто рублев денег — мужу моему друг есть, — егда не достанет. Аз же делаше[29] после мужа своего многия пиры на добрых жен и ныне мне недоставши сребра. Аз же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца онаго дома не получила, у котораго велел мне муж мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублев, аз тебе дам три сундука в заклат з драгими ризами и многоценными". И воевода рече ей: „Аз слышу, яко добраго мужа есть ты жена и богатаго: аз ти дам и без закладу сто рублев, а как бог принесет от купли мужа твоего, аз и возму у него". Тогда она же рече ему: „Возми, бога ради, понеже ризы многия и драгия велми в сундуках тех, дабы тати не украли у меня сундуков тех. Тогда, государь, мне от мужа моего быть в наказани, и в т[у] пору станет ми говорить: «Ты бы-де положила на соблюдение человеку доброму до меня»". Воевода же, слышав, велел привезти вся три сундука, чаяше истинно драгия ризы. Она же, шед от воеводы, взяша воевоцких людей пять человек, с коими и приехаша к себе в дом и поставиша,[30] приехаша опять с ними и привезоша сундуки на воевоцки двор, и[31] повеле она воеводе ризы

досмотрити. Воевода же повеле ей сундуки отпирати все 3, и видяше во едином сундуке гостя седяща во единой срачице, а в другом сундуке попа во единоей же[32] срачице и бес пояса, а в третием сундуке самого архиепископа в женской срачице и бес пояса. Воевода же, видя их таковых безчинных, во единых срачицах седяща в сундуках, и посмеяхся и рече[33] к ним: „Кто вас посади туть в одных срачицах?". И повелеша им вытти из сундуков, и быша о[т] срамоты, яко мертвы, посрамлени[34] от мудрыя жены. И падше они воеводе на нозе и плакася велми о своем согрешени. Воевода же рече им: „Чесо ради плачетеся и кланяетеся мне? Кланяйтеся жене сей, она бы вас простила о вашем неразумии".[35] Воевода же рече пред ними и жене той: „Жено, скажи,[36] како их[37] в сундуках запирала?.

Она же рече к воеводе, как поехал муж ея[38] на куплю свою и приказал ей[39] у гостя того просить денег сто рублев, и как [к] Афанасию ходила просити денег сто рублев, и како гость той хотя с нею[40] пребыти; тако ж поведа [про] попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коих часех приходити, и како их обманывала и в сундуках запирала.

Воевода же, сие слышав, подивися разуму ея, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: „Доброй, жено, заклат твой и стоит тех денег!" И взя воевода з гостя пятьсот рублев, с попа тысящу рублев, со архиепископа тысящу пятьсот рублев и повелеша воевода их отпустить, а денги с тою женою и разделиша пополам. И похвали ея целомудренны разум, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла, и[41] ложа своего не осквернила.

Не по многем времени приехал муж ея от купли своей. Она же[42] ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми муж ея о том возрадовася.

ЛЕЧЕБНИК НА ИНОЗЕМЦЕВ

Лечебник

выдан от русских людей, как лечить иноземцев [1]и их земель людей; зело пристойныя лекарства от различных вещей и дражайших[1]

1. Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба,[a] и тому пристойныя статьи:

Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго[2] топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников,[3] а принимать то все по 3 дни не етчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть 3 дни на морозе нагому, [4]покрывшись от сольнечнаго жаркаго луча неводными мережными крылами в однорядь.[4] А выпотев, велеть себя вытереть самым сухим дубовым четвертным платом,[6] покамест от того плата все тело будет красно[5] и[6] от сердца болезнь и от утробы теснота отидет и будет[7] здрав.

2. Крепителныя[8] [9]ахинайския статьи, им же пристоит:

Егда у кого будет понос, взять[9] девичья молока 3 капли, густово медвежья рыку 16 золотников, толстого орловаго летанья 4 аршина, [10]крупнаго кошечья ворчанья 6 золотников, курочья высокаго гласу пол фунта, водяной струи, сметив по цыфирю на выкладку, ухватить без воды и разделить, яко доброй шелк без ахлопья, длинником на пол десятины, мимоходом по писцовой книге.[10]

[11]3. Крепительные порошки:

Взять[11] воловаго рыку 5 золотников, чистаго, самого ненасного[12] свиного визгу 16 золотников, самых тучных[13] куричьих титек, [14]иногди пол 3 золотника,[14] вешнаго ветру пол четверика [15]в таможенную меру, от басовой скрипицы голосу 16[15] золотников, вежливаго жаравлинаго ступанья 19 золотников,[16] денны светлости пол 2 золотника, нощныя темности 5 золотников; яйцо вшить в япанчю и истолочь намелко,[в] и выбить ентарного масла[г] от жерновнаго камени 5 золотников.

4. Того ж лекарства живот и сердце крепит:

Взять женскаго[16] плясания[17] и сердечнаго прижимания[18] и ладоннаго плескания по[18] 6 золотников, самого тонкаго блохина скоку 17 золотников, и смешати [19]вместе и вложить в ледяную в сушеную иготь, и перетолочь[19] намелко железным пестом, и принимать 3 дни не етчи, [20]на тще сердце,[20] в четвертый день поутру рано, после вечерень, по 3 конопляные чаши, [21]принимать вровень, не переливая,[21] а после того будет [22]принимать самой лехкой прием.[22]

[23]5. Крепительныя статьи:[23]

Сухой толченой воды 6 золотников,[24] да взять из [25]той же[25] обтеки горносталыя яйца желток, смешать з гусиным бродом [26]большой руки.

6. Им же от запора:

Филинова смеху 4 комка,[26] сухова крещенского морозу 4 золотника и смешать все вместе[д] в соломяном копченом пиве, [27]на одно утро после полден,[27] в одиннатцатом часу ночи, а потом 3 дня не етчи, в четвертый[28] день ввечеру, на заре до свету, покушав во здравие от 3 калачей, что [29]промеж рожек,[29] потом взять москворецкой воды на оловянном или на серебряном блюде, укрошить в два ножа и выпить.[30]

[31]7. Последующая лечба:[31]

Есть и пить[32] довольно, [33]чего у кого привольно,[33] сколь душа примет,[34] кому не умереть — немедленно живота избавит.

[35]8. А буде от животной болезни, дается ему зелья, от котораго на утро в землю.

9. А буде[35] которой иноземец заскорбит рукою, провертеть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать болная рука, и будет[36] здрав [37]без обеих рук.[37]

10. А буде болят ноги, взять [38]ис под саней полоз,[38] варить в соломяном сусле [39]трои сутки и тем немецкие ноги парить[39] и приговаривать [40]слова: как таскались санныя полозье,[40] так же бы таскались немецкия[41] ноги.[e]

РОСПИСЬ О ПРИДАНОМ

I

1. Роспись о приданом

Вначале 8 дворов крестьянских
промеж Лебедяни, на Старой Резани, недоезжая Казани,
где пьяных вязали,
меж неба и земли, поверх лесу и воды.
Да 8 дворов бобыльских,
в них полтора человека с четвертью,
3 человека деловых людей, 4 человека в бегах да 2 человека в бедах,
один в тюрьме, а другой в воде.
Да в тех же дворех стоить горница о трех углах
над жилым подклетом...
третий московской двор загородной
на Воронцовском поле, позади Тверской дороги.
Во оном дворе хоромнаго строения:
два столба вбиты в землю, третьим покрыто...
Да с тех же дворов сходитца на всякой год насыпного хлеба
8 анбаров без задних стен;
в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих
да 8 стягов комарьих, 4 пуда каменнаго масла.
Да в тех же дворех сделано:

конюшня, в ней 4 журавля стоялых,
один конь гнед, а шерсти на нем нет,
передом сечет, а задом волочет,
да 2 кошки дойных,
8 ульев неделаных пчел, а кто меду изопьет...
2 ворона гончих, 8 сафьянов турецких.
2 пустоши поверх лесу и воды.
Да с тех же дворов
сходится на всякий год всякаго запасу по 40 шестов
собачьих хвостов,
да по 40 кадушек соленых лягушек,
киса штей да заход сухарей,
да дубовой чекмень рубцов, да маленькая поточка
молочка,
да овин киселя.
А как хозяин станет есть, так не за чем сесть,
жена в стол, а муж под стол,
жена не ела, а муж не обедал.

Да о приданом платье:

шуба соболья, а другая сомовья,
крыто сосновою корою, кора снимана в межень,
в Филиппов пост, подымя хвост.
Три опашня сукна мимозеленаго, драно по три напасти
локоть.
Да однорядка не тем цветом, калита вязовых лык,
драно на Брынском лесу в шестом часу.
Крашенинные сапоги, ежевая шапка...
400 зерен зеленаго жемчугу
да ожерелье пристяжное в три молота стегано,
серпуховскаго дела.
7 кокошников шитые заяузским золотом...
8 перстней железных золоченые укладом,
каменья в них лалы, на Неглинной бралы.
Телогрея мимокамчатая, круживо берестеное.

300 искр из Москвы-реки браны...

И всего приданаго будет на 300 пусто, на 500 ни кола.

А у записи сидели: с[ват] Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да п[оп] Тимошка, да сторож Филимошка.

А запись писали в серую суботу, в рябой четверток, в соловую пятницу.

Тому честь и слава, а попу каравай сала да обратина пива. Прочитальщику чарка вина, а слушальщикам бадья меду да 100 рублев в мошну. А которые добрые люди, сидя при беседе и вышеписанной росписи не слушали, тем всем по головне...

2. *Роспись о приданом*

В начале восим дворов кресьянских
промеж Лебедани, на старой Резани,
не доеждяя Казан[и], где пьяных в[есили]
межь неба и [земли]...
леса и...
бо...
[пол]тора человека с четвертью,
горница над жилым потклетом о трех углах,
пьяныя мастеры были, да печь г... збили,
да третей московской двор загородной
на Воронцовском поле, позади Тверской дороги,
хоромное строение, два столба в землю вби[ты], а третьим покр[ыты],
[вве]рху спална, вни[зу стрепаша]
да тово же...
. . . . мь ань...
. . . . . . тара...
...тей немолоченых черьтей,
сорок шестов собачьих хвостов,
сорок сороков собачьих окороков,
сорок пут собачьих мут,
сорок кадушек соленых лягушек,
восим коней стоялых,

один конь гнет, что шерсти на нем нет,
да с...

Да о платье приданом:

Шуба соболья, другая сомовья,
крыта сосновою корою,
а сымана кора в Филипов пост, подымя хвост.
Летник желтой, вошвы золотыя,
шиты арапским золотом, чемь струги конопатять.
И всево приданова почитают
от Яузы до Москвы-реки шесть верст,
а от места до места один перст.
А запись писали кот да кошка
в серую суботу, в соловой четверк,
в желтой пяток, канун Серпуховскова
заговенья.
Росписи слава, попу коровай сала.

Конец.

II

Роспись приданому жениху лукавому

В начале

Люциперная картина да песья образина,
Пекелной уголник с хвостом рисован на бериосте, и тот
весь в коросте.
Чистой живописи персона началника адского Плутона.

Из посуды:

Липовые два котла, да и те згорели до тла.
Сосновой кувшин да везовое блюдо в шесть аршин.
Дюжина тарелок бумажных да две солонки фантажных.
Парусинная кострюлька да табашная люлька.

Дехтярной шандал да помойной жбан.
Щаной деревянной горшок да с табаком свиной рожьок.
Сито с обечайкой да веник с шайкой.

Из платья:

На голову точеной бармот из-за Серпуховских ворот.
Липовой фантаж, хоть кожу мажь.
Чепчик с брыжами да карнет с ушами.
Нахца моржова да шапочка ежова.
Серьошки двойчатки из чортовой матки.
Ожерелейцо серебреное в пять пуд, что цепью зовут.
Два политина из дубового клина.
Посконной краган да полской саван.
Алебастровой карнет, в котором ходят в з... на банкет.
Бумажная с лыками душегрейка да жениху в голову туфлейка.
Парусинная епанча да пустая каланча.
Шубейка с флионками, а другая с пионками.
Ежовая шуба питербургскова маниру да кунтыш узок зделан не в меру,
на ноги лезет, а как наденут, то, что шолуди, и долой не слезут.
Тулуп с борами да юпка с рукавами.
Бострок печалной из материи мочалной.
Саян маровой да балахон фарфоровой.
Подколной зеленой тулуп да жениху горшок на пуп.
Коженая самара да чертовская харя.
Посконная роба да жениху два гроба.
Тренценелевой балахон, да и тот в баню унесьон.
Празничной убор, в котором лазят кур красть через забор.
Березовой шлафор подколной да бострок посконной.
На спину наметка да на голову нахлеска.
Две рубахи мокнут в ушате да две косынки сохнут на ухвате.

Роспись приданому.

Лубочная картинка XVIII в.

Балахон браной из материи поганой, весь изодраной.
На ноги столярные чулки да штукотурные башмаки.
Проки галанские да ступни италианские.
Лапотки смазные да чулочки сквозные.
Туфли смазные, гвоздичные, а не наличные.
Душегрейка с усами, оторочена вшами.
Юпка с рукавами, опушена блохами.
Сундук один з бельем, а другой с белмом,

а в них:

Липовые штаны да две дубовые простыни.
Десятков пяток веретьонных да семь скатертей посконных.
Жениху дюжина рубах моржовых да дюжина порток ежовых.
Две перемены наволок подушных да жениху дюжина туфлеек заушных.

В том же сундуке:

Манинькой ларчик да приданой малчик,

а в том ларчике:

Ароматник с клопами да табакерка з блохами.
Рог с чесноком да пузырь с табаком.
Песочной колпак да мертвой рак.
С чорною брагою крушки да мерзлая лягушка.
Сорочки с выстрочки да болячка с прыщички.
Пять аршин паутины да поларшина гнилой холстины.
Десять аршин сосновой коры с Поклонной горы.
Да еще мушечки да коклюшечки, булавочки да бородавочки.
Иголочки да ножечки, прыщи да коросты да чирьи толсты.
Шолуди сыпучи болезни падучей, лихоратки трясучи.
Француские болячки безпамятной горячки,
да самой цыганской работы лет на дватцать чахоты.

О недвижимом имении:

На три пядени пашни к Алексеевской башни.
Два лукошка в Ломове да болото в Ростове.
Пустош четыре десятины, а хлеба сеется пятеры дубины.
Деревни меж Кашина и Ростова, позади Кузмы Толстова.

В той деревне по переписи крестьян:

Ванка безпятой да Еремка проклятой,
Дворовой человек Викула так богат, что не имеет ни пула.
Сенка сумач да брат ево подщипаной грач.
Дворовой же человек Силуян, не однажды кнутом дран,
ибо з глупости много согрешает, з дураков кафтаны здирает.

В той же деревне скотины и дичины:

Оставшия по наследству после бабушки Василисы четырех и пятигодовалые крысы.
У псаря Антошки четыре бешеные кошки.
У старосты Елизара ржавых куликов пара.
Да Парамошка казначей содержит полдюжины дергачей.
Заец косой да еж борзой, мышь бегуча да лягушка летуча.
Пара галанских кур с рогами да четыре пары гусей с руками.
Корова бура, да толко дура.
Другая корова совсем нездорова, без ног, без рог, без глаз, ходит, как мокрая ворона.
Кобыла не имеет ни одного копыта, да и та вся разбита.

Около постели:

Полог браной из материи поганой и тот изодраной.
Павилиок кисейной да занавес мукосейной.
Перина кленова, на ней наволока ежова.

Изголовье липовое, а перье в нем луковое.
Пол дюжины маленьких подушек, а пух в них из коклюшок.
Одеяло стеганое, крыто сосновою корою, а как лягут спать, раздует горою.
Чюгунной таз да к постеле девка без глаз.

О музыке и фигурах:

Коженая бандора да струнная обора.
Холстинной гудок да для танцов две пары мозжевелевых порток.
Стенные глиненые часы да четыре алебастровы колбасы.

О красоте невесты:

Сама она в полдевята аршина, да поперег ее половина.
В носу у ней растет калина, а в роту выросла рябина.
Шея журавлина, ноги карабликом,
Рожа рыжа, а в животе грыжа.
На руках и на ногах палцов дюжины с четыре без мала,
Толко разве палцов двух не достало, и то в караводе отплясала.
Собою она очень досужа, что не п... п... н... лужа.
Снегу не ест, льду в рот не берет,
Имя ей Перетряха разгуляй, а по прозвищу никто не замай.
Оное приданое всио на лицо, как свиное выеденое ицо.
Всего приданаго настолка, да жениху табаку напойка.
А живет оная невеста у просвирни, которая не имеет места,
За Яузою на Арбате, за Красные вороты,
На Вшивой Горке, близь Марьиной рощи, где лежат казненые мощи.

СЛОВО О МУЖАХ РЕВНИВЫХ

Человеку жена мила и того ради на него сухота велика. И тот человек з добрыми людми не беседует, холостых робят не любит, а з двора не ходит.

А хотя паки и соидет, и он ворот не затворит, а хотя паки и затворит, и он сквозе тын смотрит и под подворотку заглядывает.

А шед в гумно, и под овин лезет и не лезет, а хотя паки и лезет, ин опет воротится, выскочит на гумно, имет вертится, как недужная овца; кругом по заовинию рыщеть и по соломе скачет, как путь теряет и как в теняте извезнет и как в вершу упал, как трясца биет. И топор емлет, как не посечется. А осил ставит, как не удавится. А в пролубь смотрит, как не потопится. А хлеб режет, как не зарежется.

А спать ложится, а не ляжет, а хотя паки и ляжет, и опять вскочит, и пот кроватию смотрит, и пот полатию и под половицею ищет, и под печию заглядывают. И опять паки ляжет, и он ворошится, г... чешот и власы рвет, как недужная корова, кругом поля суется, огород ломает.

И ко двору идет, как слепая кобыла, пути не видит. А идет на двор, как бешеная собака, по хлевом смотрит, по двору суется, под з... нухает. И вшед в избу, как недужная свиния, по потполию суется, как недужная кошька, са гряды хвата, по запечию суется, как изумелся и как позабылся, и как в надолобы пал, и как от долгу бегает и глаза цепает, и как недужная курица, и чишет и п... и уснуть не дасть.

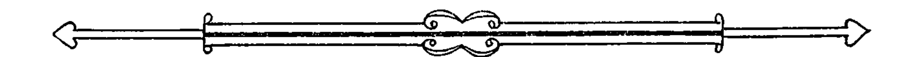
И хотя паки и уснет, и он храп храпит, как зарезаная овца, храпит, как зарезаная свиния. И утре пробудится, и он не отстанет. Хотя паки отстанет, и он от кровати не отступит, и он отступя будит.

А на двор не лезет, в голенище с... И хотя паки и на двор выидет, и он от дверей не отступит в п... с..., и опять ся воротится, в избу влезет, и на лавце седит и не седит и вон зрит, в ускор смотрит.

Зватай пришел, зовет з доброю женою пива пить. Он сам не едет, ни от собе жены не отпустит в пир ехать, ни простит, ни вредит. А хотя паки и отпустит, и он ей не велит на сторону смотрить и [с] старыми женами не говорить. А называет старые жены сводницами.

Ино злые те мужчины подводят подобия подденные, подобны гаду ползучему на земли. А доброй жене аминь.

ПРИЛОЖЕНИЯ



У ИСТОКОВ РУССКОЙ САТИРЫ

„Литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сих пор стоит на сатире“, — писал в 1859 г. Н. А. Добролюбов, добавляя при этом, что „сатира явилась у нас как привозный плод, а вовсе не как продукт, выработанный самой народной жизнью“, и что первым представителем сатирического направления русской литературы был Кантемир.[1] Эта точка зрения Добролюбова явилась развитием наблюдений В. Г. Белинского, который, анализируя творчество Кантемира, отмечал, что именно с него сатирическое направление „сделалось живою струею всей русской литературы“.[2] Белинский полагал, что „стремление общества к самосознанию“ сказалось в литературе в том, что в нее „начал проникать элемент исторический и сатирический“.[3]

В годы, когда Белинский и Добролюбов утверждали, что сатирическое направление русской литературы обнаруживается лишь с Кантемира, только еще начиналась собирательская деятельность тех историков русской культуры, которые с особым вниманием искали рукописные книги, имевшие хождение среди демократических читателей. Ф. И. Буслаев, И. Е. Забелин, Н. С. Тихонравов, Е. В. Барсов в течение второй половины XIX в. составляли свои

---

[1] Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 137—138.

[2] В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. II, Гослитиздат, 1948, стр. 733.

[3] Там же, стр. 418.

коллекции рукописных сборников XVII и XVIII вв., содержащих разнообразный круг произведений светской, по преимуществу, литературы, которые обращались среди грамотного крестьянства и средних слоев городского населения — „служилых людей“, торгово-ремесленного населения посадов и „плебейской“ части духовенства. В этих сборниках обнаруживались до тех пор еще не известные тексты русских сатир XVII в.

Цензурными запретами объясняется то, что лишь немногие из этих сатир были опубликованы вскоре после их обнаружения, правда, по случайным, иногда плохой сохранности спискам. Но и эти старшие образцы сатирического направления русской литературы по традиции, шедшей от компаративистов, расценивались как переводы или пересказы то западных „смехотворных“ повестей, фацеций и жарт, то восточных сказок. Такое отношение к одному из интереснейших разделов литературы XVII в. определило характеристику его главой компаративистов — А. Н. Веселовским.[1] К западным „источникам“ Веселовский возводил повести о куре и лисице, бражнике, о Фоме и Ереме; даже „Беседу отца с сыном“ он называл „русской обработкой какой-нибудь западной статьи того же характера“, с восточными сказками связывал „Повесть о Шемяке“. Юмористические сказки и народные анекдоты в оценке Веселовского оказываются сложенными под сильным влиянием западной „смехотворной“ повести, хотя он и вынужден был признать, что „заимствованные сюжеты“ становились иногда „неузнаваемыми в своей новой народной перелицовке“. От сатирических элементов этих, со стороны занесенных произведений Веселовский пытался вести и народную сатиру.

Так искажалась с помощью искусственных сближений подлинная история русской сатиры; не считаясь с тем, что еще за двадцать лет до него было сказано Добролюбовым о сатирической струе в народной поэзии, Веселовский свел процесс сложения и народной сатиры к подражанию иноземным оригиналам.

---

[1] См. его статью о повестях в книге: А. Галахов. История русской словесности, т. 1. Изд. 3-е, М., 1894, стр. 496 и сл.

Не смогли должным образом оценить сатирические элементы и сатирические виды как в народной поэзии, так и в литературе допетровского периода не одни компаративисты. Отличный знаток быта древней Руси, владелец самого богатого для своего времени собрания текстов сатирических произведений, И. Е. Забелин не увидел в них ничего, кроме „особой стихии веселости".

Отметив, что „шутовство, ирония, сатира, комическое или карикатурное представление всего чинного, степенного и важного в жизни составляли в нашем допетровском обществе как бы особую стихию веселости", Забелин утверждал, будто „этот старый допетровский смех над жизнью не заключал в себе никакой высшей цели и высшей идеи", „являлся простым кощунным смехом над теми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашнего ума, воспитанного во всяком отрицании и потому вообще ума кощунного... Это было на самом деле наивное, бессознательное или же отчасти лукавое глумление жизни, выражавшее лишь другую крайнюю сторону того же глубокого и широкого ее отрицания, на котором духовно она развивалась в течение столетий". Лишь в петровское время, по мнению Забелина, „старый дурацкий смех тотчас же получил смысл, даже политический, и сослужил преобразователю великую службу в перестановке на новую всей старой выработки понятий и представлений общества... Сознательная мысль этого петровского смеха вскоре переходит к соответственной литературной форме, к сатире драматической и дидактической (интерлюдия, интермедия, сатира Кантемира), т. е. обнаруживает стремление возвести его на степень художественного создания".[1]

Однако внимательный анализ идейно-художественного своеобразия как устной народной, так и литературной, демократической по своему духу, сатирической поэзии допетровского времени показывает, что их питала русская историческая действительность, а не заносные литературные примеры; что они были одним из

---

[1] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. II. М., 1915, стр. 268—269.

выражений классовой борьбы; что ирония и юмор как проявления народного характера ярко окрашивают народную поэзию уже в ее старших образцах, которые отражены древнерусской литературой; что прогрессивная литература до XVII в. включительно в своих сатирических элементах неразрывно связана с сатирическим направлением народной поэзии.

Вся история борьбы в XVII в. властей с народным искусством говорит о том, что общественная сила последнего признавалась теми, против кого оно направлялось. Именно в XVII в. народная сатира, а вслед за ней и литература демократических кругов посада совершенно ясно представляли собой „не наивное бессознательное глумление над жизнью“, а действенное орудие борьбы с феодально-крепостническим гнетом.

Достаточно вспомнить, какой отпор встретили произведения этой новой литературы в консервативных, а иногда и открыто реакционных кругах общества. В 40-х годах XVII в. царский стольник Иван Бегичев с нескрываемым презрением и осуждением противопоставляет острую сатиру на формальное благочестие, „Повесть о куре и о лисице“, — одну из „баснословных повестей и смехотворных писем“, по его определению, — „душеполезному“ чтению, т. е. „божественным книгам и богословным догматам“.[1] В конце XVII в. неизвестный автор в особой статейке оправдывает перед читателями одну из наиболее резких по своему социальному смыслу сатир 1660-х годов — так называемую „Службу кабаку“ (или „Кабацкий праздник“), сделанную в форме пародии на церковную службу „мученику“. Самая форма изложения, придающая особую остроту этому памфлету на кабак — доходную статью царской казны, — расценивалась некоторыми читателями как кощунство. Поэтому защитник этого произведения стремится разъяснить, что „увеселительный“, „смехотворный“ способ осуждения кабака и увещания его посетителей приносит „пользу доб-

[1] Текст послания Бегичева издан в статье: А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. Чтения в обществе истории и древностей российских, М., 1898; также см. отд. оттиск, М., 1898, стр. 1—13.

рую" так же, как яд „в мерном разстворении" „при врачеческом художестве" бывает потребен „ко здравию". Посоветовав не читать это произведение тем, чья „совесть, немощна сущи, смущается" такой непривычной формой, этот ценитель сатиры заключает: „И по сему не есть порочно сие изложение кабацкого праздника, но и полезно".[1]

Борьба с новыми явлениями художественной литературы, стремившейся оторваться от открыто дидактических задач, со „смехотворными", „баснословными", т. е. вымышленными, сюжетами этой литературы, была по существу продолжением той борьбы с „мирскими забавами", т. е. народным искусством, которую в течение всего средневековья пыталась, хотя и безуспешно, вести церковь. С резким осуждением интереса к этим „мирским забавам" даже в среде господствующего класса выступил еще в середине XVI в. представитель воинствующих церковников, митрополит Даниил, который, как позднее И. Бегичев, тоже укорял своих слушателей, предпочитавших „душеполезным притчам и повестям" „притчи смехотворные", „диаволская позорища". По словам Даниила, москвичи уже не только слушают „сквернословцев и глумотворцев", но и сами повторяют их репертуар: „баснословиши", „притчи смехотворные приводиши", — гневно укоряет проповедник этих любителей острого народного слова.[2]

На почве, основательно подготовленной всем предшествующим ходом развития народной и литературной сатиры, особенно периода крестьянских войн и городских восстаний XVII в., выросла сатира петровского времени.

Выражающая в лучших своих образцах антифеодальные настроения, литературная сатира XVII в., как и враждебная господствующему классу устная народная сатира, подвергалась „зоркой

[1] См. рукопись Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, № 1565, лл. 1—3; текст издан в книге: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 93—94.

[2] В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 21, 29, 36.

и строгой цензуре класса",[1] поэтому сохранилась далеко не в полном объеме, часто в позднейшей передаче, затушевывающей иногда остроту классового смысла первоначальных текстов. И все же собранные воедино разрозненные остатки этой сатирической литературы позволяют оценить ее как явление большого общественного и историко-литературного значения.

* * *

Сатирические элементы ведущих памятников древнерусской литературы идейно и художественно всегда были в большей или меньшей степени связаны с сатирической стихией устной народной поэзии. Эта связь выражалась не только в прямом цитировании иронических народных пословиц и поговорок, прибауток, сатирических эпизодов сказки, былины, но и в использовании приемов народного юмора и сатиры.

Большая тема о художественном методе народной сатиры разных периодов еще совершенно не разработана специалистами. Для феодального времени можно восстановить основные свойства этой сатиры через древнерусскую литературу, в которой она получила отражение.

В отличие от религиозно-дидактической литературы русского средневековья, которая обличала „пороки" с точки зрения норм христианской морали, подкреплявших идеологию господствующего класса, уводила от классовых противоречий в сторону якобы „общечеловеческого", стремясь замазать классовый смысл явлений приглушить классовый протест эксплуатируемых масс, — народная сатира никогда не была отвлеченно морализирующей, она всегда была открыто связана с классовой борьбой, била прежде всего по классовому врагу и по отрицательным явлениям в быту. Сатирическая пословица и поговорка, шутливый рассказ, сатирический портрет „врага" в народном эпосе, сказка и прибаутка, шуточная песня, „позорище", т. е. драматическая сценка, — вот разнообразные виды народного юмора и сатиры XI—XVII вв., которые были

[1] М. Горький, Сбор. соч., т. 17, ГИХЛ, 1952, стр. 243.

живым откликом народа на классовые противоречия феодального строя, на отрицательные проявления человеческого характера, насмешкой над потерявшими свою силу религиозными обрядами, выродившимися в игру (элементы пародии в календарной поэзии и обрядности), выражением презрения к иноземному насильнику.

Разнообразные оттенки иронии как самого существа сатирической стихии в народной поэзии отмечал Н. В. Гоголь, который считал наклонность к иронии одной из черт национального русского характера: „У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительнее, часто там, где видимо страждет душа и не расположена вовсе к веселости“.[1] Это страдание души вызывается несправедливостями жизни, и ирония предстает как форма протеста против них. В обстановке все усиливавшегося гнета феодально-крепостнического строя ирония бедняка над своей судьбой становится одним из способов представить тяжесть положения закрепощаемого народа. Горькая ирония превращается в гневную, в сарказм, когда речь идет об иноземном враге-насильнике или классовом враге. Многообразие тем сатирической народной поэзии привело и к богатству ее стилистических средств. Гротеск в изображении иноземного и классового врага, ироническая насмешка над собственной неудачей, меткое сравнение, подчеркивающее высмеиваемое свойство, удачно найденный для этого же эпитет, пародирование образца с целью вызвать противоположный ему эффект, причем пародируемый объект выбирается смело из любой области (героические образы былины, церковный обряд и сопровождающий его текст и т. д.), — вот существенные способы разработки темы в сатирическом направлении, наблюдаемые прямо или косвенно, через позднейшие варианты, в произведениях народной поэзии феодального периода.

В соответствии с общим серьезным тоном древнерусской литературы, с ее открыто учительными тенденциями, смех для древнерусского писателя — не средство позабавить, вышутить, а один

[1] Н. В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. Собр. соч., т. 6, ГИХЛ, 1950, стр. 168.

из способов от чего-либо предостеречь, чему-то научить, осудить то или иное явление, поступок человека. Уже древнерусские писатели признавали силу смеха и потому делали его своеобразным оружием борьбы, направление которой определялось их классовой позицией. Классики русской сатиры XIX в. дали исчерпывающие характеристики этого оружия. „Смех — великое дело: — он не отнимает ни жизни, ни имения, но перед ним виновный — как связанный заяц“,[1] „Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете“[2] — писал Н. В. Гоголь. М. Е. Салтыков-Щедрин определял силу смеха так: „Это оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех“.[3] Все оттенки иронии применялись древнерусскими писателями, когда они делали насмешку своим оружием.

Это оружие в литературе до XVII в. очень редко направлялось против господствующего класса. Но немногие примеры такого его использования обнаруживают более или менее отчетливую связь с приемами народной сатиры, а иногда и с определенными ее образцами. Так, под внешней маской княжеского „милостника“, шуткой выпрашивающего у своего „господина“ „милости“, в „Молении“ Даниила Заточника скрываются сатирические выпады и против богатых, противопоставленных беднякам, и против богатой „жены злообразной“, и против друзей, которые „в напасти аки врази обретаются“. Иронически изображается „богат“: когда он „возглаголет — вси возмолчат, слово его вознесут до облак“, потому что, продолжает иронизировать автор, „их же ризы светлы, тех и речь честна“; „боярин скуп — аки кладязь слан“, „богат красен и не смыслить то аки паволочито изголовие, соломы натькано“. Здесь ирония подчеркивается даже формой глаголов: богатый не просто „глаголет“, а „возглаголет“, а присутствующие

[1] Н. В. Гоголь. Петербургские записки 1836 г. Собр. соч., т. 6, ГИХЛ, 1950, стр. 116.

[2] Н. В. Гоголь, Собр. соч., т. 4, стр. 257.

[3] М. Е Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. XIII, Л., 1936, стр. 270.

при этом „возмолчат“. „Тиун“ и его „рядовичи“ тоже попали под острый язык „Заточника“: „..тиун бо его, яко огнь, трепетицею накладен, а рядовичи его — яко искры. Аще от огня устережещися, но от искры не можешь устрещися и жжения порт“. Даже „князь скуп“ насмешливо изображается, „аки река в брезех, а брези камены — нелзе пити, ни коня напоити“.

Так с помощью неожиданных, но метких, уничижительных сравнений, построенных на сугубо обыденных образах, Даниил Заточник осуждает „немилостивых“ представителей господствующего класса, делая их смешными в глазах читателя. Это — его способ самозащиты.

Мастерски использованы псковичем народные сатирические сказки о „правде и кривде“ и их отголоски в стихе о „Голубиной книге“ для сатирического изображения „московской правды“ — деятельности в Пскове после его присоединения к Москве первых московских наместников, дьяков и тиунов. Автор рассказа 1510 г. в псковской летописи обыграл здесь разные значения слова „правда“ — народное понятие о правде-справедливости, лежащее в основе соответствующих сказок, и юридическое понятие о правде-присяге, или, на летописном языке, — „крестном целовании“. С явным осуждением вспоминая о московских властях, летописец с горькой иронией заключает: „И у намесников, и у их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетело на небо, и кривда начаша в них ходити и быша немилостивы до псковичь; а псковичи бедныя не ведаша правды московския“.[1] В народной поэзии на небо улетает правда-справедливость, а по земле ходить остается кривда; например, в народном стихе о „Голубиной книге“ говорится: „Правда кривду переспорила, пошла правда на небеса, к самому Христу, царю небесному, оставалась кривда на сырой земле“.

Представить противника в смешном виде стремились писатели самых разнообразных направлений. Даже воинствующий церковник

---

[1] Псковские летописи, вып. 1. Приготовил к печати А. Насонов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 96.

митрополит Даниил, вооружась против „мирского веселья“, против роскоши, „празднословия“, „плясания, играния“, против всего образа жизни господствующего класса, — разражался не только гневными морализирующими обличениями, но и создал уродливо комический образ нарядного юноши, заглядывающегося на „жены красны блудницы“. У этого героя „сапоги велми червлены и малы зело, якоже и ногам... велику нужу терпети от тесноты съгнетения их“; он не только бритвою „власы и с плотию отъемлет“, но „и щипцем ис корени истерзати и ищипати“ их не стыдится. Укоризненно, но и высмеивая, Даниил говорит такому юноше: „Лице же твое много умываеши и натрываеши, ланиты червлены, красны, светлы твориши, якоже некая брашна, дивно сътворено, на снедь готовишися“. Этот разряженный, „благоуханиями помазанный“ герой в присутствии женщин изображен в виде „жеребца сластнояростивого“, „рзаа и сластию распалаася“.[1]

Гнев преобладает в этих обличительных эпизодах, ирония с трудом пробивается у автора, по убеждению которого все эти пороки ведут человека прямо в „сети диавольския“, к „сатане“, служат „бесовской славе“. И все же трудно думать, что читатель не воспринял этот гротескный образ не только как „греховный“, но и как смешной.

Наиболее характерные примеры использования смеха как оружия против врага во внутриклассовой феодальной борьбе наблюдаются в сочинениях Ивана Грозного. Его сатирические выпады всегда вполне конкретны, имеют определенного адресата, напоминают определенные факты.

В темпераментном, остром, ярком и образном стиле Ивана Грозного ироническая нота чрезвычайно сильна. Грозный использует иронию, чтобы уязвить противника, вскрыть эгоистические мотивы его поведения, противопоставить это поведение тем нормам, которые защищает сам Грозный, обличить лицемерие, фальшь, иногда прямую измену. Иронический стиль в изложении Грозного

---

[1] В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, отдел приложений, стр. 19—21, 27—29.

выполняет чрезвычайно важную функцию: он служит ему оружием борьбы с политическими врагами; насмешка разбивает доводы противной стороны, сбивает маску „благородного негодования“ с врага, пытающегося скрыть под ней свою антигосударственную деятельность. В ироническом стиле созданы в произведениях Грозного выразительные сатирические портреты его противников.

„Подсмеятельные слова“ как орудие борьбы с противником особенно широко использованы Иваном Грозным в его переписке с изменником Курбским. Не только справедливым гневом, но и язвительной насмешкой бичует он врага. Грозный доводит до бессмыслицы упреки Курбского, делая из них выводы в виде целого ряда „кусательных“ вопросов: „Ино се ли совесть прокаженна, яко свое царьство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладенному? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну и повеленну быти?“, „И се ли вам супротивно явися, еже вам погубити себя есми не дал?“ [1] и т. д.

Тем же приемом язвительных вопросов Грозный разоблачает мнимые заслуги Курбского и его сообщников: „И се ли убо доброхотные есте и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссущаго млеко младенца, меня смертию пагубною хотесте света сего лишати, чюжаго же царьствия царя во царство ввести“ (29); „И тако ли годно и за государей своих душу полагают, еже к нашему государьству ратью приходити и перед нами сонмищем имати, и с нами холопу з государем ссылатися, и государю у холопа выпрашивать?“ (35).

Иронией пронизан рассказ Грозного о поведении Курбского в Казани, под Тулой, о жалобах воеводы на то, что он „жены своея мало познал“ из-за постоянных военных походов (55—56).

Суровой насмешкой бичует Грозный постриженных в Кирилло-Белозерский монастырь бояр и их пособников — монастырское

[1] Послания Ивана Грозного. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 14, 15. — Далее ссылки на то же издание, страницы указываются в тексте в скобках.

начальство: „... ино то не они у вас постриглися — вы у них постриглися, не вы им учители и законоположители — они вам учители и законоположители. Да Шереметева устав добр — держите его, а Кириллов устав не добр — оставь его!“ (172). Упрекая монахов за то, что над могилой Воротынского поставили церковь, Грозный снова иронизирует: „Ино над Воротыньским церковь, а над чудотворцем нет! Воротыньской в церкви, а чудотворец за церковию! И на Страшном спасове судищи Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче“ (173).

С насмешкой спрашивает Грозный Хабарова, который просит перевести его в другой монастырь: „Али уже больно надокучило? Иноческое житие не игрушка. Три дни в черньцех, а семой монастырь. Да коли был в миру — ино образы окладывати да книги оболочи бархаты, да застешки и жюки серебряны, да налои избирати, да жити затворяся, да кельи ставити, да четки в руках. А ныне з братею вместе ести лихо?“ (191—192).

Так Грозный рядом с обширными наставлениями, подкрепленными ссылками на авторитет церковных писателей, рядом с гневными упреками и боярам и их монастырским покровителям использует язвительную насмешку, краткую, но действенную, раскрывающую истинные причины поведения тех и других. Блестящий стиль Грозного, использующего общенародный язык, с широким заимствованием интонации живой разговорной речи, народных пословиц, — достигает большой выразительности в этих иронически-сатирических эпизодах.

Иронией колет Грозный и своего любимого слугу Василия Грязного, который просил выкупить его дорогой ценой из плена. Царь высмеивает пленника: „... ино было, Васюшко, без пути середи крымских улусов не заезжати; а уже заехано, — ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон, умеют ловити, да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора

домов! Толко б таковы крымцы были, как вы, жонки, — ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве" (193).

Среди серьезных исторических и дидактических рассуждений в посланиях, направленных князю Александру Полубенскому, Грозный вставляет колкую насмешку над ним, каламбур, сопоставляя „Палемона" с „полоумным": „А пишешься Палемонова роду, ино ты палаумова роду, потому что пришел на государство, да не умел его под собою держать, сам в холопи попал иному роду" (203), „А ты выцерент и справьце над шибенициными людми, которые из Литвы ушли от шибеницы, то с тобою рыцерство" (203), „А старостить тебе над кем?... Влево у тебя ничего" (204). Так высмеивает Грозный все титулы своего корреспондента.

Гневное послание шведскому королю Иоганну III (1573 г.) пересыпано язвительными укорами и насмешками над незнатным происхождением отца Иоганна — Густава, над „безбожием" самого Иоганна и т. д.

Грозный высмеивает неумеренные претензии Стефана Батория. На жалобы последнего, что поход под Псков приносит ему большие убытки, Грозный насмешливо отвечает: „А коли тебе убыток, и ты б Заволочья не имал, хто тебе о том бил челом?... Хто тебя заставливает так убычитца?" (222), „Мы тобе о том не били челом, чтоб ты пожаловал, воевал" (235), „Правь собе на том, хто тебе заставливал воевать, а нам тобе не за што платить" (235).

С таким же, как у Грозного, широким использованием иронии как способа уничижения своего врага мы встретимся позднее в писаниях протопопа Аввакума. Недаром Иван Грозный представлялся ему не только идейным союзником, но и образцом писателя-оратора.

Как видно из приведенных примеров, сатирические эпизоды древнерусской литературы до XVI в. включительно, как и народная сатира, построены не на смехе-шутке, а на язвительно-едкой иронии, сарказме, уничижающих противника, делающих его посмешищем. В тех случаях, когда отрицательные стороны феодальнс-крепостнического быта раскрываются через изображение горестной судьбы героя, — древнерусский автор прибегает к той горькой

иронии, которая так характерна и для народной сатиры. Заострение осуждаемых явлений, поступков, даже внешних черт, способствующее лучшему показу отрицательных сторон действительности, намечается вполне отчетливо, также сближая литературную сатиру с народной.

* * *

Антифеодальные движения „мятежного“ XVII века особенно стимулировали развитие и широкое распространение народных сатир и обличительной народной литературы в виде так называемых „подметных писем“. Однако народная сатира и периода первой крестьянской войны, и времени городских восстаний середины XVII в., и бурных лет „Разинщины“ в огромной своей части была уничтожена жестоким преследованием народного искусства. Это преследование не случайно усилилось именно в конце 1640-х годов, не случайно было направлено с особой силой против народных скоморохов. Именно они по преимуществу были хранителями и распространителями народных сатирических произведений, поэтому царские указы требовали принятия против них самых решительных мер. Изгнанные из „городов и уездов“, скоморохи унесли свой репертуар в крестьянскую среду, но и здесь преследования настигали „бесовские песни“ и „смехотворение“, — несомненно потому, что они больно задевали власти, господствующий класс в целом, смело говорили об угнетении закрепощенного народа.

То немногое, что сохранилось от устной поэзии трудового народа в записях XVII в. или в литературных переработках этого времени, позволяет все же представить хотя бы по некоторым образцам основные приемы народного сатирического стиля, сложившиеся за много веков.

Антикрепостническая народная поэзия XVII в. представлена различными жанрами. Сатирическая „Комаринская“, по убедительному предположению исследователя,[1] сложена „Комарицкие во-

---

[1] Г. М. Пясецкий. Исторические очерки города Севска и его уезда. Сборник Орловского церковно-историко-археологического общества, т. II, Орел, 1906, стр. 22.

лости мужиками", которые еще задолго до восстания Болотникова начали борьбу со своим „барином" — Борисом Годуновым („комаринский мужик, не хотел ты свойму барину служить"). Песни „поносные для московских воевод" раздавались в отрядах атамана Корелы, которые шли на Москву.[1] Современник записал острую пословицу, заклеймившую „боярского царя" Василия Шуйского, — „хотя бы нам чорт, только бы нам не тот". Запретительные указы правительства с осуждением вспоминают „позорища" — разные виды народного театра, в том числе и кукольного, привлекавшие зрителей, между прочим, и сатирическими выпадами по адресу властей, господствующего класса.

Другой способ сатирического изображения безудержной эксплуатации феодалами трудового народа — показ ее через ироническую характеристику, которую дает своему положению сам обездоленный труженик. Примеры такой сатиры XVII в. дают пословицы, сохранившиеся в записях того времени:[2] „Осудари наши, воля ваша, хотя на нас дрова возите, лишь не по многу кладите", „Отрыгается маслицем, видел коровей след не вчера, уж третий день", „Наша горница с богом не спорница, каково на дворе, таково и в ней", „Али моя плешь наковальня, что всяк в нее толчет, бутто в ступу" и т. п. Меткие и острые, такого рода пословицы и поговорки были одним из способов дать оценку классовому противнику, выразить протест против все усиливавшейся феодальной эксплуатации.

Сатирическая пословица не только прямо обличает, но она и высмеивает: тунеядцев, живущих чужим трудом, — „Мяхки руки чужие труды поедают", „Легко за готовым хлебом на полатях спать"; лежебоков — „Лихо ленивому до лета, а там лишь спи да лежи", „Немного не изделано, и в руках не бывало", „Пропустя лето —

---

[1] Об этих песнях вспоминает Исаак Масса в книге „Краткое повествовании о Московии начала XVII в." (М., 1937, стр. 93).

[2] Часть этих записей издана в книге: П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. 1, СПб., 1899; см. также рукописный сборник бывш. Петровской галереи (рукописный отдел Библиотеки АН СССР) конца XVII—начала XVIII в.

да в лес по малину", „Люди жать, а мы с поля бежать"; корыстное, жадное и пьянствующее духовенство — „Попам да клопам жить добро", „Поп любит блин, а ел бы он один", „Не грози попу церковью, он от нее сыт бывает" и т. д. Сатирическая пословица не щадит и отрицательные явления семейного быта: „Мачеха пасынку надвое волю дала: наг ходи, либо без рубашки", „Горе мачехино, что пасынок сметаны не ест, а временем и сыворотке рад", „Свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть, отдохни — потолки" и т. д.

В богатом сказочном репертуаре XVII в., который можно отчасти восстановить, используя отражения его в литературе,[1] видное место занимали разного рода сатирические сказки (о богатом и бедном, о судьях-взяточниках, о попах и т. п.), в том числе и те, самый художественный стиль которых получил в народе наименование „скоморошьего ясака" и которые характеризуются ритмической, иногда даже рифмованной речью, прибаутками-небылицами, игрой словами. Эти художественные средства служат выявлению смешных сторон жизненных фактов, осуждаемых сатирой.

В былинном героическом эпосе выработался к XVII в. прием гротескного изображения чужеземного врага-насильника, которое делает „Идола Скоропеевича" не только страшным, но и смешным именно благодаря примененным сравнениям и явно преувеличенным чертам его облика:

меж очима у него стрела ладится,
меж плечами у него болшая сажень,
очи у него как чаши,
а голова у него как пивной котел.[2]

[1] О сказочном репертуаре XVII в. см.: В. П. Адрианова-Перетц. Социально-бытовая народная поэзия XVII в. В книге: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 446—454.

[2] Сказание о киевских богатырях по списку XVII в.; изд.: Е. В. Барсов. Богатырское слово в списке начала XVII века. СПб., 1881, стр. 17.

Читателю XVII в. этот прием изображения врага-захватчика представился настолько отвечающим своей цели — уничижить, высмеять противника, что он применил его к описанию „печенежского“ богатыря Телибея, побежденного в Куликовской битве монахом-воином Пересветом:

Трею сажень высота его,
а дву сажень ширина его,
между плечь у него сажень мужа добраго,
а глава его аки пивной котел,
а между ушей у него стрела мерная,
а межу очи у него аки питии чары.[1]

Ведущая тема передовой народной поэзии XVII в. — тема социальной борьбы — характеризуя, как мы видим, содержание сатирических произведений этого времени, делала их сильным оружием в борьбе с феодально-крепостническим гнетом. Именно эта особенность народной поэзии XVII в. послужила основной причиной жестокого наступления на народное искусство, начатого с конца 1640-х годов запретительными указами „в города и уезды“. Эти указы имели целью искоренить „бесчинства“, „мирские забавы“, т. е. все виды народной поэзии, и изгнать из городов профессиональных носителей этого искусства — народных скоморохов, в репертуаре которых сатира — „бесовские песни“, „сказки небывалые“, „позорища“ — занимала одно из главных мест.[2]

Социальная острота, антикрепостническая направленность народной сатиры XVII в. определили сближение с ней литературной сатиры этого времени, возникшей в обстановке того же антифеодального движения, которое отражено и народной сатирической поэзией.

---

[1] Сказание о Мамаевом побоище по списку XVII в., собрания Уварова (Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина), № 802; изд.: С. К Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 301—302.

[2] О гонениях на народное искусство см.: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 351—356.

В начале XVII в., в годы крестьянской войны и борьбы с польско-шведской интервенцией, в литературе демократического направления обнаруживается воздействие не только собственно сатирической народной поэзии, но и той разновидности народной публицистики, которая в этот период была представлена „подметными“, „прелесными листами“, распространявшимися из лагеря восставшего народа, а также агитационными воззваниями, которыми „пересылались“ крестьянско-посадские миры, организуя народную войну против интервентов. Насыщенные сатирическими элементами обличения господствующего класса, польско-литовских захватчиков и их русских пособников, содержавшиеся и в „подметных письмах“, и в грамотах, и „отписках“ времени народных ополчений, нашли свое отражение в некоторых произведениях демократической литературы 1610-х годов.

Самый дух „подметных писем“ и патриотических воззваний этого времени с наибольшей ясностью усвоен литературной „Новой повестью о преславном Российском царстве и великом государстве Московском“, а сатирическая направленность обличений господствующего класса в народной публицистике отражена в осудительных характеристиках феодалов, которым уделил много места неизвестный автор „Сказания киих ради грех попусти господь бог праведное свое наказание и от конец до конец всея Росия, и како весь словенский язык возмутися и вся места по Росии огнем и мечем поядены быша“.

Автор „Новой повести“ не случайно тщательно скрыл свое имя, как скрывали его и составители „подметных писем“, не случайно придал своему памфлету против правительства „семибоярщины“ форму этого вида подпольной народной литературы. Сатирическая острота этого памфлета сосредоточена в едких характеристиках предателей и изменников из господствующего класса, в язвительных насмешках по адресу короля Сигизмунда и польской шляхты, хозяйничавшей в Москве.

Каламбур — одно из излюбленных средств автора, когда он выражает свое презрение, негодование, описывая поведение русских пособников оккупантов. В его изображении московские власти

„славою мира сего прелстилися, просто рещи подавилися и к тем врагом приклонилися и творят их волю. А сами наши земледержьцы, яко же и преже рех, — землесъедцы ... ум свой на последнее безумие отдали и к ним же, ко врагом, пристали“, „наши земледержьцы и правители, ныне же, яко же и преже рех, — землесъедцы и кривители“.[1]

Автор иронически изображает состояние Сигизмунда, нетерпеливо ожидающего осуществления своих замыслов: „... чаяти, яко и на месте мало сидит, или такоже мало и спит от великая тоя своея радости“ (193). Он, как жених, которому невеста не дает согласия, стремится подкупить „сродников и доброхотов невестиных“, т. е. „наших злодеев“, которые „от него ныне прелщены“, „о именех же их несть зде слова“ (194). Однако современникам и не было необходимости называть их имена: предателей-„земледержцев“ знали хорошо.

Есть основание предполагать, что Сигизмунд, против замыслов которого направлена „Новая повесть“, знал ее и пытался оправдаться в тех обвинениях, которые здесь были высказаны против него. Отвечая боярам на известия о том, что в Москве много толков против поляков, Сигизмунд упоминал не только об устных толках, но и о том, что „о нас пишут“, и утверждал, что „то все за злосердие и неправду делают“[2]. Следовательно, с воздействием на читателей таких произведений нельзя было не считаться.

Ценность такого рода обличений не только в том, что они раскрывали предательство представителей господствующего класса — „начального губителя“ — М. Салтыкова и Ф. Андронова, но и прежде всего в том, что они звали на путь открытой борьбы с врагами „здешними и тамошними“, требовали „единодушия“ против врагов, будили национальное самосознание. Из „Новой повести“ видно,

[1] Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стлб. 208. — В дальнейшем столбцы указываются в тексте в скобках,

[2] Собрание Государственных грамот и договоров, т. II, № 235. Цит. по: С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 120.

что изменники боялись народного мнения: поссорившись с Гермогеном, Салтыков „побояся множественного християнскаго народа: такое слово (об этой ссоре, — *В. А.-П.*) к ним пронесется“.

Такая же ирония, издевка над богатыми, которые своим поведением довели народ до восстания, над „перелетами“, пытавшимися сохранять связи и с московским правительством и с тушинским лагерем, окрашивает их характеристики в „Сказании киих ради грех попусти...“.[1] Презрительной иронией проникнуты в этом „Сказании“ описания жадности, лицемерия, корыстолюбия „имущих“, т. е. господствующего класса. Ни в малой мере не сочувствуя антифеодальному движению, автор возлагает вину за него на богатых, которые гонят от своих дверей бедных, отказывают в „судилищах“, в „правосудии“. Мастерски описаны, например, различные оттенки внимания к гостям, определяемые ценностью подарков, которые эти гости несут хозяину, степенью знатности и влиятельности гостя. „Трапеза“ у хозяина приготовлена не для голодных, тщетно просящих у ворот „токмо от хлеба единого насытитися и от чаши студены воды... жажду утолити“ (517—518), а „тех для, иже имут дары великия принести... Им же входящим в домы, давно уже стрегомым и изо окон назираемым почасту, от коих стогн кто придет и кто что несет, и иже мало вечного томления приносящаго — худейшими рыбы стретают, а иже болши — того первыми, иного же и сынове. Внове же кто в честь вшед или в судии или в болярство, и хотяще в мире сем добрым имянем ославитися и дабы честну быти от всех, паче же бы наполнити лицемерным обычаем дом всякаго блага тленнаго, — и той и сам наскачет яко орел лехко... и во вратех радостныма руками под пазусе приемлет“ (518). С такой же осуждающей иронией раскрывает автор психологию „перелетов“, которые из „царских палат“ в „Тушинские таборы прескакаху“. Эти люди „мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет мати градов Москва, то тамо отци наши и братия, и род

[1] Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стлб. 473—524.— В дальнейшем столбцы указываются в тексте в скобках.

и друзи, тии нас соблюдут. Аще ли мы соодолеем, то такожде им заступницы будем“ (502).

Преследования властей не дали возможности такой литературе получить широкое распространение, она осталась чем-то вроде „тайных сказов“, какие слагал народ и какие он хранил лишь в памяти, передавая тем, кому доверял. Не случайно „Новая повесть“ сохранилась лишь в одном списке, „Сказание киих грех ради...“ — в нескольких. В конце же второго десятилетия XVII в. Авраамий Палицин, перерабатывая текст „Сказания“ для своего повествования о „смуте“, исключил или сгладил самые острые обличительные эпизоды, направленные против господствующего класса.

Блестящий сатирический талант угадывается в литературной манере протопопа Аввакума.[1] Этот талант развертывается во всю мощь, когда Аввакум рисует ненавистное ему никонианское духовенство. Говоря о самом патриархе Никоне, Аввакум лишь иронизирует над поведением его в Москве перед избранием, когда он старался угодить всем — „яко лист: челом да здорово“. Но давая сатирические портреты никониан духовного звания, которых Аввакум называет „губителями, а не целителями душам нашим“ (311), „ворами, пьяницами, блудниками“, — он применяет разнообразные художественные средства: черты, выхваченные прямо из жизни, заостряются с помощью постоянного сравнения даже высших церковных чинов то с „чреватой женкой“, то с „девкой“, их пышных одежд — с „подклейками женскими“; гиперболически, с явной издевкой Аввакум описывает толщину своих врагов, которые „вид весь имеют от главы и до ног корпуса своего насыщенной, и дебелой, и упитанной в толстоте плоти их сыростной... шеи у них, яко у телцов в день пира, упитанны“ (316—317).

Обличая никонианское духовенство за новшества, Аввакум рисует никонианина, переменившего „ризы священные и простые“ на „камилавки-подклейки женские и клобуки рогатые“: „Богом

[1] Цит. по изданию: Памятники истории старообрядчества XVII века, кн. 1, вып. 1. Русская историческая библиотека, т. XXXIX, Л., 1927. — В дальнейшем столбцы указываются в тексте в скобках.

преданное скидали з голов, и волосы расчесали, чтобы бабы блудницы любили их; выставя рожу свою да подпояшется по титкам, воздевши на себя широкий жюпан!.. Всегда пиян и блуден, — прости, не то тебе на ум идет, как душу спасти... На женскую подклейку платишко наложил, да и я-де-су инок, Христовым страстем сообщник!.. ты, что чреватая женка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываессе по титкам! Чему быть! И в твоем брюхе том не меньше робенка бабья накладено бедытоя — ягод миндалных и ренсково, и романеи, и водок различных с вином процеженным налил: как и подпоясать. Невозможное дело: ядаемое извредит в нем!..“ (279—281).

Никонианское духовенство, в изображении Аввакума, предано мирским делам, а не церковным: „...нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить... Посмотри-тко на рожу-то, на брюхо-то, никониян окоянный, — толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хощешь!“ (291—292).

Аввакум напоминает архиепископу рязанскому, что библейский Мелхиседек „прямой был священник: не искал ренских, и романеи, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых всяких крепких... На вороных и в каретах не тешился ездя. Да еще был и царские породы! А ты кто? Воспомяни о себе, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площаде, чтобы черницы-ворухиниянки любили“ (303). А вот митрополит Павел еще попенком „по боярским дворам научился блюды лизать“ (304).

Язвительной иронией проникнуты эти характеристики представителей высшей церковной власти. Вместе с антиклерикальными сатирами второй половины XVII в. эти страницы сочинений Аввакума являются прямыми предшественниками тех элементов сатиры в трагедокомедии Феофана Прокоповича „Владимир“, которые сосредоточены в изображении „жрецов“, и еще более резких обличений в сатирах Кантемира духовных лиц всех ран-

гов за их невежество, распущенность, жадность и другие пороки.

В ином тоне иронизирует Аввакум, описывая свою горестную судьбу. То он горько вспоминает, как его „жаловали-подчивали" никониане (41), то — как в Москве „зело употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара" (248); то иронически наставляет сам себя: „Любил протопоп со славными знатца: люби же и терпеть, горемыка, до конца" (28); то подсмеивается над тем, как он в Андроньевом монастыре, в „темной палатке" сидя „на чепи", „во тме", „кланялся" — „не знаю на восток, не знаю — на запад" (16). В этих сценках Аввакум особенно близко подходит к свойственной народной поэзии иронии бедняка над своей судьбой.

В другом направлении развивались сатирические элементы литературы „европеизирующегося" дворянства второй половины XVII в. Абстрактная морализирующая критика в сочинениях, например, одного из крупнейших представителей этой литературы Симеона Полоцкого обращена на осуждение пороков „вообще". Если подобная литература попутно и затрагивает господствующий класс, то делает она это, стремясь „исправлением" недостатков укрепить его положение, а не расшатать, что открыто преследует антифеодальная демократическая сатира.

Сатирическое направление в литературе XVII в. выразилось не только в наличии отдельных сатирических эпизодов в произведениях ряда писателей. Уже в первой половине века сатирическая тенденция в демократической, преимущественно посадской, писательской среде стала определяющей в целой группе произведений, которые и своими темами и художественным их выражением особенно сблизились с народной сатирой.

Появление в литературе демократических слоев посада антифеодальной в своем основном направлении сатиры именно в XVII в. было закономерным следствием активного участия этой части посадского населения в классовой борьбе, особенно обострившейся уже с конца XVI в. Восстания в Москве в 1584 и 1587 гг. показали усиление политической роли посада, главным образом

его демократического населения. Политическая активность его еще резче обнаружилась в годы первой крестьянской войны и борьбы с польско-шведской интервенцией, когда именно города взяли на себя инициативу объединить и организовать народные силы для защиты независимости Родины. С середины XVII в. вновь поднимается в ряде городов волна восстаний, направленных против правительства, против привилегий верхов феодального класса. Вместе с тем внутри самого посадского населения в течение всего XVII в. идет борьба „меньших“ людей, т. е. посадской бедноты, против засилья выделившейся богатой верхушки посада.

В обстановке резкого обострения классовой борьбы посада, то принимавшей форму открытых восстаний, то выражавшейся в подаче коллективных челобитных-жалоб правительству, в выступлениях на Земских соборах, слагались навыки своеобразных приемов описания тех „неустройств“ феодально-крепостнического строя, против которых были направлены все виды народного протеста. Во время восстаний распространялись „воровские письма“ — агитационные воззвания, которые называли главных виновников, описывали их злоупотребления или прямые измены. Челобитные, пытавшиеся мирным путем отстоять права жалобщиков, с большой выразительностью, с характерными подробностями быта изображали тяжелое положение челобитчиков. Изложенные ярким живым языком, соблюдавшие обязательные нормы деловой документальной речи, эти челобитные нередко обнаруживают незаурядное литературное мастерство их составителей. Документы XVII в. показывают, что искусство владеть пером для практических надобностей — для писания всевозможных челобитных, „крепостей“, „записей“ — было достаточно распространено в это время среди посадской и даже сельской бедноты. Здесь были группы профессионалов, которые получали от властей разрешение „кормиться письмом“. „Площадные подьячие“, „плебейская“ часть духовенства, приказные служащие вместе с посадскими и сельскими грамотеями вырабатывали профессиональные навыки оформления разного рода документов и вместе с тем литератур-

ное уменье излагать живо и убедительно тот бытовой материал, в котором раскрывалось существо жалобы-челобитья.

Есть все основания полагать, что именно эта профессиональная среда и выдвинула новый тип писателей, создателей своеобразной демократической светской литературы XVII в., в том числе и литературы сатирической. Демократическая сатира XVII в. сближается с челобитными, грамотами и другими документами, характеризующими „нестроения" в Русском государстве этого времени, не только содержанием, темами, но и некоторыми профессиональными чертами стиля, обнаруживающими, что авторы их хорошо владели деловой документальной речью и церковным языком.

Демократическая, по преимуществу посадская, сатира XVII в., неразрывно связанная с конкретной исторической действительностью, была тем разделом выделившейся в это время из общего потока книжности художественной литературы, который особенно способствовал развитию реалистических тенденций. Порожденная самой жизнью, назначенная воздействовать на нее в определенном направлении, эта демократическая посадская сатира представляется качественно новым явлением, подготовленным и традициями сатирического изображения, складывавшимися в русской литературе всего предшествующего периода, и бурным расцветом сатирической поэзии в тех слоях трудового народа, которые активно участвовали в антифеодальных движениях XVII в. Демократическая часть посадского населения в этих движениях бывала на стороне противоправительственной; народная сатира, сопровождавшая восстания, была особенно близка этой части населения по самому своему духу, поэтому закономерно, что и литературная сатира начала формироваться именно здесь, в непосредственном соседстве и органическом родстве с сатирической народной поэзией. Однако у творцов посадской сатиры были и свои, нередко профессиональные навыки, которые определяли особые, отличные от народно-поэтических, способы художественного воплощения сатирических тем.

Именно сатирические произведения XVII—начала XVIII в., органически связанные с народной сатирой и разделившие общую

с ней судьбу, позволяют с полным основанием рассматривать сатирическое направление русской литературы как „выработанное самой жизнью“. Юмор и сатира в народном творчестве и в старинной литературе представляют их своеобразные национальные черты, порожденные исторической действительностью и сформировавшимся в ее условиях русским народным характером. Во второй половине XVII в., в обстановке антифеодальных движений, сатирические тенденции, свойственные отдельным писателям предшествующих веков, под мощным воздействием энергичного развития народной сатиры переросли в целое литературное направление. Поэтому историю русской сатиры как особого вида литературы есть все основания начинать именно с той группы произведений, которые созданы преимущественно посадской демократически настроенной средой в XVII—начале XVIII в.

* * *

Сатира во все эпохи бывает сильна только тогда, когда она берет своим объектом не случайные, частные факты, а типические явления. Разумеется, в литературе XVII в. мы еще не можем искать реалистические „типические характеры в типических обстоятельствах“, но мы с полной отчетливостью устанавливаем, что выбор тем для сатирического изображения диктуется в ней резко отрицательным отношением авторов к характерным для феодально-крепостнического строя „обстоятельствам“, что поставленные в их условия герои сатир оказываются хотя еще и не индивидуализированными, но умело обобщенными типами жертв этих „обстоятельств“ или воплощением заключенного в них зла. И в том и в другом случае авторская оценка передается читателю с помощью настолько яркого изображения определенных сторон действительности, что объекты сатиры узнаются без труда; сквозь своеобразную форму сатиры, закономерно нарушающую иногда обычные реальные свойства явлений, суровая действительность XVII в. проступает в своих наиболее типических отрицательных чертах. Вот почему так тесно сближаются факты исторической

жизни, документально отраженные в целых группах „деловой“ письменности, с художественным воплощением их в сюжетах сатир. Сопоставление сатирических произведений с этой документальной письменностью подтверждает и то, что сатира XVII в. выросла на почве исторической действительности, а не была „привозным плодом“, и то, что она не просто повторяла эту действительность, а, используя своеобразные художественные средства, стремилась острее раскрыть осуждаемые авторами как представителями определенных классовых воззрений жизненные явления.

Темы наиболее значительных сатир XVII в. затрагивают весьма важные стороны феодально-крепостнического строя. Пристрастность судопроизводства, находившегося в руках взяточников-судей, тяжбы феодалов, насильственно захватывавших крестьянские земли, обращали на себя внимание публицистики уже в XVI в.; сатира („Повесть о Шемякином суде“, „Судное дело Ерша с Лещом“) находит для изображения таких тяжб и для разоблачения классово пристрастного суда и судей, „посулами“ определяющих приговор, яркие краски в опыте народной сатирической сказки, в том числе и сказки о животных-людях.

Антиклерикальные настроения, которые в XVI—XVII вв. выражались в разных формах — то в виде „ересей“, то в виде „вольномыслия“, т. е. свободного отношения к вопросам церковной обрядности, — имели под собой глубокую почву и были одним из проявлений классовой борьбы трудового народа в селах и посадах с церковным землевладением. Остроту этой борьбы отлично характеризует самая лексика челобитных, в которых притесняемые духовными феодалами крестьяне и посадские именуют поступки своих обидчиков, не считаясь с высотой их духовного сана, „озорничеством“, „насильством“, „грабежом“, жалуются, что их „разоряют“, „морят голодом“, „оболгав ложным челобитьем“, „стакався воровски“ со светскими властями и т. д.[1] В условиях этой борьбы вырастали ненависть и презрение к духовенству

[1] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 219—279.

и равнодушие к церковной обрядности, поддерживавшиеся пренебрежительным отношением самого духовенства к религии.

Обе эти антиклерикальные темы были подхвачены сатирой. То, что Белинский в письме к Гоголю назвал „образцовым индифферентизмом в деле веры“, свойственным русскому духовенству („Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическим педантством да диким невежеством“),[1] позволило сатирикам XVII в. создать в своем роде классические типы пропойц — калязинских монахов и взяточника попа Савы, рассказать с полной откровенностью о любовных похождениях попа и архиепископа, высмеянных ловкой купчихой Татьяной Сутуловой. Сомнение в признанных церковных авторитетах выразилось в насмешливой „Повести о бражнике“; формальное благочестие, за которым кроются корыстные цели, осуждено „Сказанием о куре и лисице“; отсутствие традиционного почтения к самой церковной обрядности породило смелую форму „Службы кабаку“, „Повести о крестьянском сыне.

Засилье „богатых мужиков“ в посадах и на селе, против которого во второй половине XVII в. вынуждены были иногда выступать даже власти, напоминавшие о том, чтобы „посадские земские старосты и целовальники, и денежные сборщики, и мужики богатые и горланы мелким людям обид и насильств и продажи ни в чем не чинили“, — было одной из важных причин непрекращавшейся в течение XVII в. борьбы в посадах Московского государства между „лучшими“ и „меншими“ людьми. Сатира отразила эту борьбу в гневных репликах „голого и небогатого человека“ — героя „Азбуки о голом“, в насмешке над „малоумием“ сельского богача, принимающего вора за „ангела господня“, в ироническом „Послании дворительном“ к взяточнику.

В обстановке все усиливавшейся эксплуатации господствующим классом трудового народа были созданы сатирические портреты „дворянских детей“ — Фомы и Еремы („Повесть о Фоме

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. III, ОГИЗ, 1948, стр. 710.

и Ереме"), неспособных ни к какому труду, и ироническое описание пожалованного дворянину „поместейца малого", где с народа за проезд берут всякие пошлины, а хозяева и их гости живут в сказочном, гротескно изображенном изобилии („Сказание о роскошном житии и веселии").

Одним из способов пополнения оскудевшей за годы „смуты" царской казны была усиленная организация кабаков, „кружечных дворов", в которых целовальники грабили народ (не имевший теперь права курить вино и варить пиво дома) и в пользу казны и в собственных интересах; брали в заклад, несмотря на официальные запрещения, всякое имущество посетителей; стремились, по царскому наказу, „искать перед прежним прибыли". Челобитные „меньших и середних" людей обращались с просьбами „свести" кабаки — закрыть их, чтобы не разорялся народ. Сатира подхватывает и эту тему, гневно изображая „обнажение велие" посетителей кабака, показывая кабак как воплощение всякого зла, как виновника бедствий, постигающих пьяницу („Служба кабаку").

Не миновала сатира XVII в. и еще одного наболевшего для своего времени вопроса — об отношении к иноземцам. Недоверие, а иногда и прямая вражда к иностранным специалистам разного рода, приезжавшим по вызову правительства, объяснялись неуважительным отношением их к людям и обычаям новой родины; тем, что под видом мастеров проникали всевозможные авантюристы, шпионы, наносившие немалый вред; что способы торговли, практиковавшиеся иноземными купцами, были убыточны и для русских купцов и для покупателей. На этой почве вырастало враждебное отношение к иноземцам вообще, крайним выражением которого является сатирический „Лечебник... как лечить иноземцев и их земель людей".

Литературная сатира, как и устная, народная, касалась иногда и более узких тем „бытового" характера: язвительно насмешливо изображала ревнивого мужа с его подозрительностью („Слово о мужах ревнивых"), высмеивала тех, кто тянется за богачами, не имея на то средств, в частности била по обычаю „меньшего" свадебного чина вписывать на показ в список приданого и то,

чего на самом деле семья дать не могла (пародийная „Роспись о приданом“).

Как видим, наиболее яркие сатиры XVII в. самыми своими темами неразрывно связываются с исторической действительностью, направляются всегда против явлений, имевших серьезное общественное значение. В этой литературе нет того отвлеченного морализирования по поводу человеческих пороков „вообще“, которое характерно для сатирических элементов дворянской литературы XVII в., она говорит о конкретных вопросах жизни, о том, с чем эксплуатируемый народ разными способами, вплоть до открытых восстаний, боролся на протяжении всего XVII в. Сатира в ряду этих способов занимала свое немаловажное место.

В сюжетах сатирических произведений XVII в. нет ничего „необыкновенного“. В отличие от современных им „гисторий“ и „сказаний“, бытовавших также и среди демократических читателей, сатиры избирают своим сюжетом простейшие и обычные случаи из повседневного быта. Но эти случаи выбраны так, что они дают возможность обнаружить за собой те стороны феодально-крепостнической действительности, обличение которых составляет задачу писателя. Сатира XVII в. не имеет дела с событиями исключительными, не рисует необыкновенных героев и происшествий: она входит в повседневную жизнь своего читателя и рисует ее так, что заставляет этого читателя задуматься над несправедливостью, обманом, лицемерием и продажностью властей, фальшью церковной проповеди и т. д., побуждает его приглядеться к виновникам своей незадачливой жизни.

* * *

Популярность сатир и в XVII и в XVIII вв. объяснялась не только жизненностью их тем, признанием справедливости авторской оценки изображаемых явлений, но и их незаурядным художественным мастерством.

Произведения сатирической литературы XVII в. в жанровом отношении весьма разнообразны. На этом старшем этапе своего

развития сатира пользуется уже готовыми литературными формами, всегда точно и обоснованно отбирая их из устоявшейся традиции. Выбирая средства для выражения сатирического замысла, демократические писатели имели перед собой полноценный образец в виде народной сатиры, также жанрово неоднородной. Сатирическая сказка и пословица, прибаутка и небылица с их своеобразным методом создания сатирических характеристик, обобщений нашли себе в литературе применение и в целом, и в отдельных своих элементах: В повестях о Шемякином суде, о куре и лисице, о крестьянском сыне, о Фоме и Ереме ведется повествование приемами сатирической бытовой сказки, отчасти — сказки о животных. Но в „Азбуке о голом и небогатом человеке", „Службе кабаку", „Калязинской челобитной" сатирическая пословица и прибаутка являются лишь одним из элементов их сатирического стиля. Народная небылица определила форму изложения таких жанрово различных произведений, как „Лечебник на иноземцев", „Роспись приданого" и „Сказание о роскошном житии и веселии".

В народной сатире писатели XVII в. встретились и с разнообразными способами пародирования традиционных устнопоэтических жанров (пародии на былины, календарные обряды, церковные обряды и церковный язык и т. д.). Самый метод пародирования был перенесен и на использование образцов литературных и документальных жанров. Выбор этих образцов, как и в фольклорной практике, всегда строго обоснован сатирическим замыслом.

В XVII в. классовая борьба не сразу и не всегда принимала форму открытых восстаний. Коллективные и индивидуальные челобитные на царское имя или воеводам и другим властям, челобитные, подававшиеся Земским соборам, пытались „законным" путем протестовать против „обид, насильств, продаж", против злоупотреблений и беззакония властей, против „московской волокиты" в судебных делах и т. д. Известны челобитные монахов, которые жаловались на свое монастырское начальство, разоряющее пьянством „монастырскую казну", доводящее до нищенства и „братию". На фоне этих челобитных с особой остротой выступает иронический замысел „Калязинской челобитной" — сетований

пропойц-монахов на „лихого архимарита“, который „почал монастырский чин разорять“, т. е. „чин“, установленный этими беззаботными пьяницами, отменившими монастырский устав.

„Судные дела“ пародирует рассказ о тяжбе Ерша с Лещом, сатирически изображающий тяжбу „сынчишки боярского“ с крестьянами. „Толковая азбука“ — форма изложения религиозных наставлений, правил общественной и частной морали господствующего класса — в пародийном применении служит обличению этой морали, оправдывающей „насильства“ над слабейшим. Рецепты, в „Лечебниках“, „Травниках“ учившие, как вернуть здоровье, в сатирическом „Лечебнике“ предлагают способы „извести“ и „в землю“ отправить ненавистного иноземца. Разнообразные способы пародирования и стилизации церковной и религиозно-учительной литературы употреблялись для разоблачения лицемерия, внешнего благочестия, распущенности духовенства; в „Службе кабаку“ проведено смелое сопоставление „мученика за веру“ с пьяницей, гибнущим от кабака. Даже мелочное стремление тянуться за богатыми, ни в чем не отставать от них, хотя бы средства и не позволяли этого, сказывавшееся в некоторых обычаях „меньшего“ свадебного чина, было высмеяно в XVII в. в пародийной „Росписи приданого“, умело подражающей обстоятельности подлинных росписей, но заполняющей их разделы небылицами.

Так мастерство сатириков XVII в. обнаруживается уже в самом выборе жанра, соответствующего теме. Умелому применению жанров деловой и церковной письменности способствовали профессиональные навыки той среды, из какой выдвигались создатели сатирических произведений — мелкие приказные служащие, „плебейская“ часть духовенства, примыкавшая к оппозиции посада и крестьянства.

Необходимо сразу подчеркнуть, что в XVII в. это широкое распространение пародирования готовых литературных форм не было явлением литературной борьбы, борьбы различных направлений, каким оно станет нередко в XVIII и XIX вв. Пародирование определенных образцов было, как мы видели, неразрывно связано с сатирическим замыслом, с темой общественного, а не

узко литературного значения.[1] Это пародирование было лишь одним из средств, помогавших острее, ярче представить предмет обличения. И в этом отношении сатирическая литература XVII в. шла по стопам народной сатиры, в которой пародирование служило обличению отрицательных явлений жизни, а не высмеиванию той или иной поэтической формы (например изображение семейных ссор и драк, пародирующее сцены битв в героических былинах, отнюдь не свидетельствует о стремлении высмеять традиции эпического стиля).

Выбор контрастирующего образца для пародирования сразу давал возможность заострить тему, нарушив привычные нормы применения данного жанра. В сопоставлении с теми реальными явлениями, для изображения которых служила в прямом своем назначении пародируемая форма, с теми задачами, какие она выполняла, — обличаемое в сатире явление особенно резко обнаруживается в своих отрицательных сторонах. В этом легко убедиться на двух-трех примерах.

Смелый замысел — заставить пьянствующих монахов направить самому архиепископу челобитную на строгого игумена, притом открыто назвать по имени лиц, действительно занимавших в годы написания пародии эти должности, — для читателя XVII в. сразу создавал необычную ситуацию; эта форма изложения настраивала его на обостренное восприятие иронической интонации автора не только по отношению к калязинским пьяницам, но отчасти и к самому монастырскому уставу и властям, обязанным блюсти его.

Изложение истории „до нага“ обобранного в кабаке пропойцы в форм церковной службы мученику, пострадавшему за веру, также нарушало все привычные ассоциации, связанные с этой литературной формой, сближало два резко противоположных образа,

---

[1] Как литературную пародию, может быть, следует рассматривать загадочную, условно названную издателем „Сказку о молодце, коне и сабле“, сохранившуюся в отрывке в рукописи собрания Погодина, № 1773. Гиперболическое описание коня и оружия „доброго молодца“, возможно, пародирует входившие в моду в XVII в. приключенческие романы — сказки типа „Бовы королевича“, „Еруслана Лазаревича“.

заостряя с помощью этого сближения сатирическое изображение и самого пьяницы, и „кабака шалного“ — виновника его несчастий.

Небылица, предлагающая невероятные лечебные меры, чтобы уморить иноземца, являлась особенно резкой формой выражения ненависти к иноземцам именно потому, что внешне она выдержана в виде подлинного „Лечебника“.

Таким образом, пародирование определенных литературных и документальных форм в сатире XVII в. представляет собой одно из средств заострения самого сатирического изображения. Преувеличение, гротеск — служат той же цели.

Обиженные „лихим“ игуменом челобитчики в „Калязинской челобитной“ стремятся доказать его вину тем, будто он монастырскую „казну не бережет“, и в пояснение сообщают комически преувеличенные размеры убытков: звоном „ис колокол меди много вызвонили и железные языки перебили, три доски исколотили, шесть колокол разбили“, на „уголье“ для кадил сожгли „четыре овина“, ладаном все „иконы закоптили“, а монахам „оттого очи выело“; посты так строги, что „мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем“ и т. д.

На гротескном нагромождении невероятных обстоятельств построена „Повесть о Шемякином суде“: чтобы разоблачить пристрастность судьи, автор сначала заставляет своего героя невольно совершить подряд целую цепь случайных преступлений, а затем комически отражает их в столь же невероятном судебном приговоре. Гротескно представлено „малоумие“ „богатого мужика“, принимающего вора за „ангела господня“. Фантастическая ситуация лежит в основе сюжета „Повести о бражнике“, который у „врат райских“ ниспровергает церковные авторитеты, уличая в „грехах“ апостолов, библейских царей, святых. На комическом преувеличении неудач в работе строится рассказ о Фоме и Ереме — сатира на неспособных к труду представителей господствующего класса; комически серьезная жалоба Осетра и Сома на обидевшего их маленького Ерша в „Судном деле Леща с Ершом“ предстает как насмешка над „глупыми и неразсудными“ богатыми и знатными людьми, и т. д.

Так с помощью преувеличения, гротеска подчеркивается отрицательная характеристика темных сторон исторической действительности, заостряется сатирический смысл произведения.

Выше отмечено, что теми же средствами пользуется и сатира трудового народа, отражающая его антикрепостнические настроения или борьбу с отрицательными явлениями в своем быту.

Иронию, характерную черту сатирической стихии в народной поэзии, классики русской литературы расценивали как одну из форм протеста против несправедливостей жизни. Сатирическая литература XVII в. показывает нам разнообразие оттенков иронии, применяемой для выражения оценки изображаемых явлений, — от презрительной, язвительной или гневной насмешки над классово враждебным до горькой иронии бедняка над собственной судьбой. Старшая русская сатира в ее ведущих образцах никогда не снижается до простого вышучивания, поскольку, как мы видели, темой своей она берет не случайные мелкие факты, а явления широкого общественного значения.

В применении того или иного оттенка иронии в сатире обнаруживается яснее всего мировоззрение автора, его отношение к изображаемым событиям; поэтому вопрос об иронии как одном из качеств сатирического стиля XVII в. неразрывно связан с вопросом о том, как непосредственно проявляет себя в это время автор в сатирическом повествовании.

Следует отметить, что в сатире XVII в. писатель еще никогда не ведет „прямого разговора с читателем", как это будут делать великие русские сатирики XIX в. В сатирических произведениях XVII в. авторская речь имеет чрезвычайно ограниченные функции, и в этом отношении она напоминает речь опытного сказочника, который лишь слегка помогает слушателю следить за ходом событий, но сам почти не вмешивается в рассказ.

В ряде сатирических произведений авторская речь вообще отсутствует. „Калязинская челобитная" и „Азбука о голом" представляют собой монологи героев, и позицию авторов можно распознать лишь через интонации этих монологов, обнаруживающие сочувствие автора „голому и небогатому человеку" и язвительную

иронию по адресу калязинских пьяниц-монахов. Нет авторской речи и в таких произведениях, самая форма которых не оставляла места для нее, как „Лечебник на иноземцев“, „Роспись о приданом“, „Судное дело Ерша с Лещом“.

В сатирах, где рассказ ведется „по-сказочному“, авторская речь по своей функции напоминает ремарки драматических произведений. В начале автор сообщает кратко, в какой обстановке происходит действие: „Стоит древо высоко и прекрасно, а на том древе сидит кур велегласны, громкогласны, громко распевает, Христа прославляет, а християн от сна возбуждает. И под то древо, к тому седящему на древе к велегласному х куру пришла к нему ласковая лисица и стала ему говорить лестными словами, глядя на то высокое древо“ („Повесть о куре и лисице“); „Некий человек, пиющий рано велми в празники божия, за всяким ковшем господа бога своего прославляет. По неких днех реченаго дни прислал бог ангела своего по душу того человека; понесли душу того человека к божественным вратом, поставили того человека у врат; отиде прочь. Нача человек толкатися у врат. Прииде ко вратом Петр апостол“ („Повесть о бражнике“); „Бысть неки крестьянской сын у отца своего и матери. И отдан бысть родителми своими грамоте учитися, а не ленитися. Почал ево мастер болно бил, подымаючи на козел, за ево великое непослушание и за ленивство. И он, крестьянской сын, в то дело ся дал, а учения не возприял себе и учал себе размышлять“ („Повесть о крестьянском сыне“), и т. п.

В дальнейшем автор лишь связывает части диалога довольно однообразными „и рече“, „и отвеща“, добавляя иногда указание на эмоциональный тон последующей реплики: „и сама лисица прослезися горко о гресех куровых и рече“, „и завопил кур великим гласом“, „и отвеща лисица куру с великим гневом“, „и отиде посрамлен“, и т. д.

В „Повести о крестьянском сыне“ реплики вора предваряются кратким описанием его действий: „и почал тать у клетки кровлю ломать, а сам рече“, „нашел у крестьянские жены убрус и учал опоясываться, а сам рече“ и т. д.

Единственное произведение сатирической литературы XVII в., в котором гневный голос автора звучит наравне с речами героев, — это „Служба кабаку“. Обличение кабака и пьяниц от лица автора, а не только от лица „до нага“ обобранных посетителей кабака, обусловлено здесь самой формой, пародирующей церковные песнопения: лирические излияния молящегося и прославление им мученика в церковной службе превращаются в пародии в суровые обвинения и „злословие“ кабака как со стороны пьющих в кабаке, так и самого автора. Однако и не вмешиваясь прямо в рассказ, авторы сатир умели настроить читателя в тон своему отношению к изображаемым фактам, и делали они это с помощью всей интонации повествования, через речевые характеристики героев. Нам всегда ясны авторские оценки, то, что Чернышевский называл „приговором“ поэта или художника над изображаемыми явлениями. Поэтому и нельзя относиться к старшей русской сатире лишь как к выявлению „особой стихии веселости“.[1]

Было бы исторической ошибкой искать уже в сатирических произведениях XVII в. те законченные типические характеры, какие создали классики русской сатиры в XIX в., сочетавшие в них общее, выражавшее социальную сущность данного типа, и индивидуальное. Как и во всей допетровской литературе, в старшей сатире еще нет индивидуализированных героев. Они все в той или иной мере представляют собой только обобщения определенных типических черт данной общественной среды. Но если в положительном герое древнерусская литература показывала и „норму класса“, т. е. то, что уже в жизни отстоялось, и „идеал класса“ — то, к чему наблюдалось в жизни движение, идеал еще не осуществленный, но уже подсказываемый всем ходом развития феодальных отношений, то в сатире XVII в. присутствуют лишь герои, уже вполне определившиеся в жизни, с нее списанные.

В сатире XVII в. есть два вида „героя“. Первый герой — страдающий от гнета феодально-крепостнического строя; через его

---

[1] И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. 1, М., 1915, стр. 268—269.

судьбу автор показывает отрицательные стороны этого строя и, обличая их, сочувствует обездоленному. Таков „голый“, разоренный „богатыми мужиками“, пьяница, „до нага“ ограбленный целовальником и „шалным кабаком“, ставленник, обобранный попом Савой, „крестьянин“ Лещ, выгнанный „боярским сынчишкой“ Ершом из Ростовского озера, бедняк, идущий на суд к Шемяке, бражник, которого не пускают во „врата божия“. Другие герои сатир — непосредственные объекты сатирического обличения, насмешки. Это „богатые мужики“, „ябедники“, целовальник, „кабак“, являющийся воплощением зла, судьи-взяточники, пьянствующие монахи, поп Сава, „воевода Осетр“ и „окольничий Сом“ и т. д. Отношение автора к герою иногда становится двойственным, противоречивым: он и глубоко жалеет пьяницу, доведенного до нищеты, а то и до тюрьмы „шалным кабаком“, и в то же время осуждает его за потерю чувства собственного достоинства; он на стороне крестьянина Леща в его тяжбе с Ершом, но явно одобряет Ерша, когда тот издевается над воеводой и окольничьим, над судьями.

Все герои сатиры показаны исключительно с точки зрения того явления, против которого сатира направлена. Все внимание сосредоточивается на этом осуждаемом явлении, а не на человеческом характере в целом. Безымянные герои сатирических произведений представляют собой художественные обобщения; не случайно поэтому они в своем огромном большинстве и называются по признаку этого, лежащего в основе авторского замысла, осуждаемого явления: „голый“ — герой сатиры о разорении „богатыми мужиками“ „младого“ наследника; пьяница и все другие посетители кабака, названные только по профессии, — герои „кабацкого праздника“; „крестьянишка“ Лещ и „боярский сынчишка“ Ерш — герои повествования о тяжбах в суде, „бедный“ и „богатый брат“ — повести о Шемякином суде, „иноземец“ — „Лечебника“, и т. д. Именами наделены лишь судьи Шемяка, поп Сава (приравненный этим именем к герою народных пословиц, в которых имя Сава взято как рифма к „слава“; эта рифма перенесена и в сатирическую повестушку о нем), ни к чему непригодные Фома и Ерема. Герои сатир не имеют индивидуальных биографий, в опи-

сании их поведения, характеров, отношений с окружающими собраны типические черты данной общественной среды, данного образа жизни. Однако следует в полной мере оценить то уменье, с каким авторы XVII в. подбирали эти типические черты, создавая с их помощью хотя и не индивидуализированные, но все же живые образы людей определенного типа, а не схематических носителей того или иного порока, недостатка. Ничего особо примечательного авторы не сообщают о своих героях — и о тех, кому они сочувствуют, и о тех, кого осуждают. В сатире на первом плане представлена уродующая и самих людей и их жизнь действительность феодально-крепостнического быта; в неразрывной связи героев с их бытовой обстановкой, с мелкими делишками, какими они заняты, вырисовываются и они сами как типы, которые читатель встречал на каждом шагу, и те явления жизни, суд над которыми произносит сатира. В том-то и заключается общественное значение этих первых опытов русской сатиры, что она умеет через изображение мелких, незначительных самих по себе фактов и поступков подвести читателя к большим и серьезным вопросам тогдашней жизни: порочной практики пристрастного суда, взяточничества властей, распущенности белого и черного церковного сословия, бесправия неимущих, спаивания населения и т. д.

В то время как в „большой“ литературе прошлого, преимущественно исторической, герой-феодал, выразитель определенного общественного идеала, рисовался вне его обычного бытового окружения, в обстоятельствах более или менее исключительных (сражения, государственное строительство, дипломатическая деятельность и т. д.), сатира показывает своих героев в будничной обстановке их повседневного быта, с его мелкими заботами и тревогами. Поэтому в сатире гораздо больше, чем в других видах литературы, предметов этого быта, не случайно выхваченных из него, а подобранных так, что они помогают представить нам условия той конкретной, реальной жизни, в которой совершаются поступки, осуждаемые сатирой. Поэтому в лучших образцах сатиры мы действительно видим людей, уродующую их обстановку, зло, которое она приносит.

Мы видим замоскворецкого „попа Саву“, сутягу и ябедника, который „по приказам волочитца“, вместо того чтобы служить в церкви, „по площади рыщет, ставленников ищет“; видим „ставленников“, которые „капусту поливают“, „баню топят“ попу, вместо того чтобы учиться; слышим жену, которая пытается предостеречь беззаботного попа, вычитывает ему все „вины“, грозит наказанием, выражая авторскую оценку его поведения; наконец живо представляем наказанного попа — он сидит в „патриаршей хлебне“ „на цепи“, „сеет“ муку и разливается в запоздалых сожалениях. С большим мастерством воспроизведены в „Службе кабаку“ сцены кабацкого быта, на фоне которых показано постепенное нравственное падение пьющего, хотя в этих сценах немало и грубых натуралистических подробностей. Разные типы посетителей кабака в этой обстановке выглядят действительно живыми примерами глубокого вреда, насаждавшегося „государственной организацией“ спаивания населения на казенных „кружечных дворах“. Выразительные портреты калязинских челобитчиков проступают через их собственный рассказ о том, как они „до полуночи у пивново ведра“ „утрудятся“, „на утро встать“ не могут, „где клобук с мантиею“ не помнят, в церковь „к росходному началу“ едва поспеют; как они просятся в слободу „благословение коровнице подать“; как жалуются, что от кадил им „очи выело, горло засадило“, а от постов они „с голоду мрут“. В мечтах этих пьяниц о „добром архимарите“, который „горазд лежа вино да пиво пить“, о веселой жизни при нем раскрываются вполне реальные картины беспробудного монастырского пьянства, засвидетельствованного в деловых донесениях московских надзирателей за монастырским бытом.

В сатирических произведениях XVII в. впервые в русской литературе с такой выразительностью показывается, во всем его неприкрашенном убожестве, быт „голеньких“ — обездоленных феодально-крепостническим строем людей. Именно этот быт насытил литературные описания таким обилием „обиходных“ слов — названий бытовых предметов, определений их качеств, положения бедняка и т. д. У „голенького“, по каким бы причинам он ни обнищал, — „земля пуста и травою поросла“, „дом потешен, голодом

изнавешан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся"; его одолели „нагота и босота", одежда его — „балахонишко в полденьги", „лаптишки", „платье худое и то чужое", „феризи рогоженные", „завязки мочалные" и т. д. „Голенький" — „голоду терпитель", „холоден и голоден", „с великих недоедков" ему „зевается и губы пересмягли"; у него „ноги подгибаются", „жилы потресаются"; он „взявши кошел и под окны пошел". Так сатира XVII в. углубила и художественно развила поставленную еще публицистикой XVI в. тему „убогого селянина", которого „безщадно", „безмилостивно", „несытно" „истязуют", „изгоняют", „порабощают". Сатира распространила это изображение „стражущих тружающихся" и на различные слои трудового населения города-посада. И в этом отношении сатира XVII в. органически связывается с демократической литературой XVIII в.

Внутренний мир героев раскрывается в сатире в речевых характеристиках. Как уже отмечено выше, авторы сатир очень мало вмешиваются в рассказ. Не только мысли и настроения действующих лиц, но и самые события выясняются из собственных речей героев. Монолог или диалог своим содержанием и интонацией определяет и облик самого героя, и его отношение к окружающим, и авторскую оценку всего изображаемого. „Преподобная мати лисица", сманивающая кура с дерева, в благочестиво-елейных речах, насыщенных церковной лексикой, призывает его к покаянию, обещает „прощение грехов", „вечное спасение", проливает лицемерные „горькие слезы" над нераскаянным грешником; однако ее речь сразу резко меняет свой характер, когда кур попадает к ней „в кохти": теперь она гневно, живым, полным бытовых выражений языком припоминает ему все обиды, которые он нанес ей, защищая курятник. Забыв об обещанном прощении грехов, лисица уже не скрывает настоящих своих намерений: „А я теперь сама га ладна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здравой быть". Так автор наглядным образом представляет лицемерие, корыстолюбие духовенства.

В монологе „голого" гневные интонации, когда он вспоминает о разорившем его „богатом мужике" и грозит тому „бедой", „ду-

биной“, сменяются горько-ироническими размышлениями над своим безвыходным положением, и не случайно именно в этой части монолог полон народных пословиц о бедняке, грустно иронизирующем над своей судьбой.

На частой смене интонаций, а соответственно и лексики, строится речь в „Службе кабаку“, то вкладываемая в уста пьяницы, то ведущаяся от лица самого автора: гнев, презрение, сожаление, горькая ирония чередуются в этих речах, направленных к одной цели — осудить всеми средствами „шалной кабак“, несущий народу „обнажение велие“.

Гротеск и преувеличение, проникающие в речи героев, лишь помогают острее выразить замысел, подчеркнуть самое характерное в нем. Вот почему калязинские монахи, в образе которых автор хотел осудить прежде всего распущенность нравов в монастырском быту, гротескно изображают именно строгую жизнь по монастырскому уставу, а описанию своей веселой пьяной жизни придают идиллическую окраску. Преувеличение есть в обеих картинах, но его тональность разная. Однако и за той и за другой картиной чувствуется ироническая оценка самого автора, который, осуждая нарушителей монастырского устава, не слишком, видимо, почтительно относится к нему и сам.

Закономерно для времени возникновения старших русских сатир то, что, осуждая определенные явления общественной жизни, они еще не могут подсказать своим героям путей выхода из их тяжелого положения. Ни обнищавший через кабак пьяница, которого клянет голодающая семья, ни обездоленный богачами „голый“, ни бедняк, идущий к судье Шемяке, не знают, чем помочь себе. Стихийные выступления трудового народа против феодально-крепостнического строя в XVII в. неизбежно кончались подавлением их и усилением эксплуатации. Поэтому понятно, что и в литературе осуждение отрицательных сторон жизни не сопровождалось еще четким сознанием того, каким путем устранить эти отрицательные явления, в чем подлинные причины страданий угнетенных масс.

Однако при всей исторически обусловленной ограниченности общественно-политического сознания сатириков XVII в. им удава-

лось создавать такого рода художественные обобщения, которые, охватывая самую сущность изображаемого, надолго сохранили свою силу для характеристики определенных явлений. Приведем наиболее показательный в этом отношении пример.

Пристрастный, а потому несправедливый суд наиболее художественно представлен был в XVII в. „Повестью о Шемякином суде“. Тема „неправедного суда“, положенная в основу этой повести, в классовом обществе всегда сохраняла свою актуальность. Самый образ „Шемякина суда“ оказался настолько многозначным, что даже еще в 1928 г. И. В. Сталин в статье „Против опошления лозунга самокритики“, выступая против такого „уклона“, когда „критиковать критикуют, а отвечать на критику не дают хозяйственникам“, задает вопрос: „С каких это пор «Шемякин суд» стали выдавать у нас за самокритику?“.[1] Так „Шемякин суд“ становится нарицательным именем, пригодным и для советской сатиры.

Художественные обобщения сатирической литературы XVII в. для своего воплощения использовали в различных сочетаниях, определявшихся самым существом этих обобщений, их идейным замыслом, разные по сфере своего обычного применения системы словесного выражения. В господствующей в стиле сатирических произведений общенародной языковой основе отчетливо выделяются отобранные с разными идейно-художественными целями, выполняющие разные функции слова, фразеологические сочетания и синтаксические конструкции — то официально-делового (документального) стиля, когда, например, воспроизводится внешняя форма судебного процесса („Судное дело Леща с Ершом“, „Повесть о Шемякином суде“) или челобитной („Калязинская челобитная“); то стиля церковной службы или религиозно-дидактических жанров („Служба кабаку“, „Повесть о куре и лисице“, „Повесть о попе Саве“, „Сказание о крестьянском сыне“, „Повесть о бражнике“); то эпистолярного стиля, в виде традиционных формул разного типа „посланий“, закрепленных в „формулярниках“, „письмовниках“

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 136—137.

„Послание дворительное“); то учебно-дидактической („Азбука о голом“) или естественнонаучной („Лечебник на иноземцев“) формы изложения; то закрепленных обычаем бытовых договорных „документов“ („Роспись приданого“). Выразительные средства общенародного языка широко входят в стиль сатирических произведений также и в том виде, какой они приобрели к XVII в. в устнопоэтической традиции, причем преимущественное значение в этом применении получают стилистические элементы бытовой, особенно сатирической сказки, пословицы, прибаутки, небылицы.

Используя элементы той или иной системы словесного выражения, сатира XVII в. достигает этим различных целей. Фразеология челобитной, вложенная в уста пьянствующих монахов, подчеркивает комизм положения этих жалобщиков; в „Послании дворительном недругу“ элементы эпистолярной фразеологии подчеркивают оценку адресата, противоположную той, какую давали „послания любительные другу“ (в „формулярниках“), и т. д. Обилие эпитетов, в большей части метафорических, которыми в „Службе кабаку“ наделяется кабак, славянизированный облик самой фонетики и морфологии языка постоянно напоминают о контрастирующем сопоставлении пьяницы и мученика, усиливая тем самым сатирическую остроту произведения. Фразеология церковного акафиста, перенесенная в перечень проступков попа Савы, своим несоответствием теме подчеркивает насмешку над провинившимся и сидящим „на цепи“ „в патриаршей хлебне“ попом: начальные „радуйся“, осудительные эпитеты, в противоположность акафисту-прославлению напоминающие не о заслугах, а о предосудительном поведении „шелного“, „дурного“, „глупого“ попа, выполняют здесь далекую от церковной формы функцию.

Но сатира умеет применять разнообразные системы словесного выражения не только для создания контрастирующего эффекта, комических положений. Эти системы выполняют в ней и свое прямое назначение. Так, например, в „Повести о куре и лисице“ славянизированная речь, уснащенная церковной фразеологией, характеризует „преподобную матерь лисицу“, когда она, в первой части рассказа, является под видом благочестивой, смиренной „ис-

поведницы". Но эта речь резко сменяется выразительным живым языком, пересыпанным пословицами и поговорками, как только маска становится ненужной, и лиса предстает в своем подлинном облике жадного, хитрого зверя. Смена словесных систем вытекает из сатирического замысла образа.

Так и в „Повести о бражнике" сама необычная обстановка, в какой развивается действие (у „врат божьих"), побуждает автора придать рассказу некоторый налет торжественности, и в его языке появляются книжные формы („хощу", „врата", „бысть", „глас" и т. п.) и лексические славянизмы, впрочем из числа тех, которые к XVII в. прочно вошли в литературный, а отчасти и устный язык грамотной среды („отиде", „рече", „вселенная", „отверзоша" и т. п.). Однако весь строй рассказа в виде коротких предложений, насыщение диалога интонациями разговорной речи („Ты, господине, кто?", „Почему ты, господине Иван Богослов, еуангелист, сам себя любиш и в рай не пустишь? Любо ты, господине, слово свое из еуангелия вырежешь, или руки своея из еуангелия отпишися", „И яз от врат не отиду" и т. д.), отсутствие славянизмов архаического типа делают речь повести в целом близкой к общенародному языку. Это преобладание стихии живого языка, притом с интонациями живого диалога, соответствует цели рассказа — снизить мнимую недосягаемость церковных авторитетов, поставить их рядом с простым бражником.

Самые существенные стороны содержания сатиры раскрываются иногда постоянным повторением одних и тех же или равнозначимых им выражений. Так, например, основные мотивы „Службы кабаку" насыщают все произведение соответствующей лексикой. Главное зло кабака, в изображении автора, в том, что он обирает людей „до нага". Эта тема определяет повторяющуюся на протяжении всей „Службы" лексику: „нагота", „до нага", „наг", „гол", „голый", „обнажение велие", „на ризы пропивание", „ни единыя ризы в дому оставити", „босота", „дом потешен голодом изнавешан", „дом пустеет", „глад и наготу", „голое сиротство" „несытая утроба", „до нага пропитися". Подобными напоминаниями о судьбе посетителей кабака автор смело раскрывает сущность

этого доходного предприятия феодально-крепостнического государства.

Второй мотив — кабак учит воровать — также отражен идущей через весь текст лексикой: „облупити", „поминают сына на воровстве", „вора смиряти", „на воровстве уловлен", „скончавшуся ему от воровства", „насилством отнимати", „у пьяных мошны холостит", „все вычистили", „безмерное воровство", „бражника вором назовут крепким", „изучился красти", „не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и разбивати", „ограбим", „грабим", „век около корчмы воры держатца", „воры неподобные, великие, головные", „поворуем"; „житие" пьяниц описывает, как они „обидяще чюжие дома призирающе, дабы нечто украсти" и т. д.

Наконец, третий мотив, как бы заканчивающий описание вреда, наносимого кабацким пьянством, — мотив наказания пропойц — выражается также частыми повторениями описаний этих наказаний: вот пьяниц „бьют по хребту", они „наги по торгу биени будут", на них „бесчестие правят"; люди „бити" вора „сотвориша", он „прутье терпит", в „тюрму вселился еси и тамо мзду трудов своих прием, ожерелье в три молоты стегано и перстен бурмитской на обе руки, и нозе свои во кладе утверди", — грустно иронизирует автор. Кабак дает „жалованье" „по всему хребту плети": „Иным даеш ожерелья нашего в три молоты сажено, а иному даеш зарукавья железные, а крылошан и старцев жалуеш темною темницею и кормиш их с похмелья сущьем с гряд или их даришь осетриною вязовою по всему хребту". Воры-пьяницы, как иронически замечает автор, сами молят „бити их кнутьем и в тюрму сажати их", они сами знают, что за воровство „кнутьем по торгу увяземся и оттуде и в тюрму" и т. д.

Обилие бытовых деталей обстановки, в которой живут выведенные в сатирических произведениях XVII в. люди, передано выразительной общенародной речью; в этой речи немало вульгаризмов, характеризующих с натуралистической точностью грубость изображаемого быта. Но для изображения жизни обездоленных в условиях феодально-крепостнического строя героев в сатире используется и грустно-ироническая фразеология народно-поэти-

ческих описаний судьбы бедняка. Из богатого источника народной поэзии происходит меткость определений, афористичность языка, ритмичность стиля сатиры.

Обращает на себя внимание то, что в языке многих сатир XVII в. народная пословица применяется не как цитата, подкрепляющая мысль, а как органический элемент речи героя или автора. Очевидно, в XVII в. многие пословицы и на самом деле были живой частью языка той среды, какую по преимуществу изображали сатирические произведения этого времени.

Такое обогащение общенародного языка элементами разных по времени и происхождению стилевых систем открывало сатире возможность строить речевые характеристики, подчеркивать самую сущность сатирического замысла. Отдельные элементы сатирического стиля XVII в., таким образом, в огромном своем большинстве усвоены были авторами в уже сложившемся виде, но их творческой инициативе принадлежал самый способ сочетания и художественного применения этих традиционных средств выразительности. Именно это сочетание и создало тот своеобразный сатирический стиль XVII в., который представляет характерное явление на пути образования общенационального литературного языка. В процессе создания этого стиля, как и других стилистических разновидностей языка формировавшейся в XVII в. художественной литературы, отбирались из многообразия литературных, деловых и общенародных систем словесного выражения наиболее выразительные и жизнеспособные их элементы, уточнялись прежние и вырабатывались новые их стилистические функции. Этот отбор, это смелое привлечение самых разнообразных языковых средств для создания нового вида художественной литературы характеризуют сатиру XVII в. и с точки зрения ее языка как явление уже нового периода в истории русской литературы.

* * *

Изучение истоков русской сатиры, обнаруживаемых в литературе феодального периода, приводит к следующим основным заключениям.

Элементы сатиры в прогрессивных памятниках древнерусской литературы, начиная со старшей летописи, органически связаны с „сатирической стихией“ народной поэзии. В XVII в. процесс создания сатиры как особого вида художественной литературы идет рядом с энергичным развитием народной сатиры — спутницы антифеодальных движений этого времени. Литературную сатиру в ее ведущем направлении сближают с антикрепостнической народной сатирой их общая идейная направленность, четкий классовый смысл, отсутствие отвлеченной морализации. Демократические тенденции литературной сатиры, которая создавалась в среде, еще не оторвавшейся от богатого наследия устной поэзии, были важнейшей причиной того, что самый художественный метод сатириков XVII в., выразительные средства их стиля вырастают на основе сформировавшегося уже сатирического стиля народных поэтов. Гротеск, преувеличение, пародирование, разнообразные оттенки иронии служат для создания сатирических характеристик в литературной сатире так же, как и в народной.

Антифеодальная по своей направленности, демократическая сатира XVII в. вместе с народной сатирой начинает то сатирическое направление русской литературы, которое развивали прогрессивные писатели-сатирики XVIII в. (Фонвизин, Новиков, Крылов) и классики русской сатиры XIX в. С литературой демократического направления XVIII в. и отчасти XIX в. сатиру XVII в. связывают не только идейная устремленность, конкретность общественно значимых тем, но и преимущественное тяготение к определенным способам художественного воплощения сатирического замысла. Мы имели возможность убедиться в том, что сатира XVII в. часто пользуется готовыми литературными и документальными формами, применяя их пародийно для заострения темы. Сатирическая литература XVIII в. и даже более позднего времени также прибегает к этому способу выражения сатирического замысла, однако попрежнему пародийно звучат в ней лишь приспособленные для новой цели церковные и документальные жанры. Такого рода пародирование их держалось долго, особенно в безымянной сатирической литературе XVIII и начала XIX в. Например, неизвестный

автор „из бедных дворян“ обличает костромских администраторов времени Отечественной войны 1812 г., пародируя апостол, евангелие и различные виды церковных песнопений.[1] В этой традиционной рамке рисуется неприкрашенная патриотическими декларациями действительность, изображаются костромские администраторы, безответственно распоряжающиеся жизнью и имуществом своих подчиненных.

Популярности этого вида пародий способствовала среда воспитанников духовных школ, которые в массе особенно отличались „образцовым индифферентизмом в деле веры“ (Белинский). Традиции, шедшей из этой среды, отдал дань и Н. Щербина, который высмеял Шевырева в пародической „Хвалебной песне блаженному борзописцу некоему, литературы ради юродивому“.[2]

Пародии на документы, представленные в XVII в. „судным делом“, „челобитными“, нередки в сатирической и юмористической рукописной литературе и XVIII в., где были популярны такие произведения, как „Дело о побеге из Пушкарских улиц петуха от куриц“, „Апшит, данный серому коту за его непостоянство и недоброту“, „паспорта“ беглых крепостных и сектантов, челобитная „праотцу Адаму“ от потемкинских солдат и др. Ту линию, которая характеризуется в XVII в. литературой посадских, младшего причта, — в XVIII в. продолжили солдаты новой армии и грамотеи из крестьян. Сочетание традиций народных с навыками деловой письменности и отголосками литературы „верхов“ (в очень малой степени) определяет своеобразие этой литературы.

Из других форм сатиры, известных уже в XVII в., в дальнейшем можно встретить „толковую азбуку“ и рецепты лечебников. Однако в литературе XVIII и XIX вв. они уже не пародируются, а лишь приспособляются к иным задачам. Тот контраст между привычным содержанием этих жанров в дидактической литературе XII—XVII вв. и сатирической темой, который придавал литера-

---

[1] Эта пародия сохранилась в рукописи архива Института русской литературы АН СССР, собрания В. Н. Перетца, № 46, на лл. 14 об.—16 об.

[2] Н. Щербина, Полн. собр. соч., СПб., 1873, стр. 294 и сл.

туре XVII в. особую заостренность, — в „алфабетах“ и рецептах XVIII в. и позднейшего времени отсутствует. Через „истории по алфабету“ XVIII в. азбучная форма изложения ведет нас к „Революционной азбуке“ 1905 г. С. В. Чехонина и А. Успенского и, наконец, к „Советской азбуке“ В. Маяковского — острой сатире на интервентов, пытавшихся сломить молодую Республику Советов.

Форму рецептов широко используют в XVIII в. сатирические журналы „Трутень“ и „Сатирический вестник“; упражнялись в составлении разного рода рецептов против схоластической науки и в духовных семинариях XIX в.; литературные споры XVIII и XIX вв. также находили отклик в подобных рецептах; встречаем мы их и у Н. Щербины, который предлагал, например, против „повальной болезни, вызванной у петербуржцев присутствием в воздухе особого химического вещества, называемого фразеином“, такой рецепт: „...здравого смысла драхм столько-то, честности столько-то гранов, знания России... прочного образования... труда“.[1] Все эти рецепты были таким же приспособлением данной формы, как „Лекарство душевное“ в старинной литературе.

Таким образом, изучение древнерусской литературной сатиры, особенно сатиры XVII в., открывает возможность для решения ряда вопросов, касающихся истории русской литературной сатиры XVIII—XIX вв., и прежде всего вопроса о художественном ее методе, об органическом родстве этого метода, в его основах, с „сатирической стихией“ народной поэзии. На очередь выдвигается большая проблема исследования народной сатиры совместными силами фольклористов и литературоведов.

Революционно-демократические критики XIX в. и классики русской литературы, уделяя особое внимание сатирическому направлению литературы, давно и правильно указывали, что „иронию“ „произведений Гоголя и стихотворений Некрасова“ — основной признак сатиры — знают уже „первые народные песни“, что она отражает своеобразную черту русского национального характера. Русская сатира в XVII в. представляла значительное явление демокра-

[1] Н. Щербина, Полн. собр. соч., СПб., 1873, стр. 366.

тической литературы, возникшее не как „привозный плод“, а как органическое продолжение народной сатиры, вместе с ней отражавшее историческую действительность и воздействовавшее на нее, способствовавшее становлению реалистических традиций. Справедливое утверждение Добролюбова — „литература наша началась сатирою“, — поскольку оно имеет в виду собственно художественную литературу, мы с полным правом можем относить к демократической сатирической литературе XVII в.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ *

Повесть о Ерше Ершовиче

„Повесть о Ерше Ершовиче“ издается в трех разновидностях.

I (стр. 7—13)

Текст редакции, наиболее близко передающей оригинал повести, издается по списку собрания ИРЛИ, 1.27, 105, конца XVII в., лл. 58 об.—73 об., с добавлением текста утерянных в данном списке листов по рукописи БАН, собрания Тимофеева, № 5, первой половины XVIII в. (Тим.).

1—1 *Заглавие восстановлено по сп. Тим., в рукописи ИРЛИ отсутствует.* 2—2 *В списке ИРЛИ пропуск, видимо, потерян лист, восстанавливаем по списку Тим.* 3—3 *В списке Тим. окончание повести еще больше приближено по стилю к народным прибауткам-небылицам:* Суд судил боярин Осетр да воевода Сом Хвалынского моря. Да туто ж в суде сидели судные мужики Судок да Щука-трепетуха, да земьские были старосты Сазан Астраханской да Карас Болотов, земские избы сторож был Линь Чернышив, палач был кнутнои рыба Костеря да целовалники были, которые живот ершов продавалы

* Сокращения, принятые в текстологическом комментарии:
БАН — Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук СССР.
ГБЛ — Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Гос. Исторический музей.
ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ИРЛИ — Рукописное отделение Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.
ОДРЛ — Отдел древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии Наук.

и денги в ларец клалы и в розряд бояром давалы; имена целовалником: Ичустера, Воблая Чеша, Острогазанец да Вятцкои Пескозобец. А правую грамоту и судной список писал Вьюн подьячей. А печат подносил Стерлят с носом, а печатали грамоту печатные дьяки Рак глазатой левою клещою, а тюремной сторож был Жук Бакадин.

Писана грамота лета утрися, месяца садися.

II (стр. 13—17)

Текст четвертой редакции издается по списку БАН, 45.8.137 (Автономовский сборник), конца XVIII в., лл. 2—10, с исправлениями явно ошибочных чтений по остальным спискам этой группы. В квадратных скобках исправлены явные ошибки в недописанных словах. Текст Автономовского сборника был издан В. И. Срезневским (Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1902 году. СПб., 1903, стр. 103—106).

[1] *В рукописи* одну, *исправляем по другим спискам.* [2] *В рукописи* орере. [3] *Так в рукописи, возможно, ошибочно вместо* нагрубил. [4] *В рукописи* клянется. [5] *Так в рукописи, возможно, ошибочно вместо* нагрубил. [6—6] *В рукописи ошибочно нарушен порядок слов, требуемый рифмой,* — брат болшой. [7—7] *В рукописи ошибочно нарушен порядок слов, требуемый рифмой,* — хотят за реку. [8—8] *В рукописи ошибочно* пред себя привести, *с нарушением рифмы.*

III (стр. 18—19)

Текст рифмованной повестушки, продолжающей рассказ о Ерше после суда над ним, издается по списку ГИМ, собрания Забелина, № 536 (855), XVIII в., лл. 62 об.—63 об. (З), с вариантами по списку ГИМ, собрания Вахрамеева, № 704, XVIII в., л. 7—9 (В).

[1] *Так В; З* х^{б}е. [2] *Доб. В*: Пришол Ананья, понес ерша на поварню. [3] *Доб. В*: Пришол Анисим, насыпал анису. [4—4] *Оба стиха вставлены ниже, на л. 63 об., после окончания текста, здесь же сделан знак, отмечающий пропуск.* [5—5] *Такой же, как выше, пропуск, стихи дописаны после текста.* [6] *Доб. В:* и тут стали молодеш поговаривать: не пора ли нам, братцы, ерша вынимать? И стали они отведывать ухи. Первой хлебнул, сказал: то-то уха. Другой хлебнул, сказал: тотто слаткая уха. Третей хлебнул, да и сам узуроснул. И тут молотцам полюбилася уха, стали они поговаривати: не пора ли нам, братцы, на стол собирать. [7] *Доб. В:* Пришол Фатей, наслал на стол скатертей. [8] *Доб. В:* Пришол Соня, принес соли; пришла Корелка, принесла торелки; пришол Фомка, принес ножи да вилки; пришла Васса, принесла крынку масла; пришла Татьяна, принесла сметаны; пришол Пахом да и хлеба

напахал и по торелкам росклал. И тут сели молодешь все порятком за стол. Пришол повар, принес ерша и поставил на стол. И тут молодешь, похлебавши ухи, не знают, как ерша разделить. И тут вставши Демид и учал ерша делить, и по тому ево делу недостало ерша никому. Пришол Спиря и учал о ерше стырить; пришел Миня, ударил Демида в рыло; пришол Ульян: я-де, братцы, и сам не пьян. Пришел Самсон да Миню совком: я-де, братцы, и сам ерша в глас не видал. Пришол Филимон и стал в дверях с шелепом: не очунь-де, братцы, шумите, и я здесь. И в той у них ссоре, где ни взялся Яков да всего ерша и змякал и сам ушел. Пришол Конон: сустигайте, молодешь, ево на конях. Пришел Елизар, толко котла полизал, а ерша в глаз не видал. Пришол Данило да сестра ево Ненила, толко по ерше повыли и есть ево забыли. А сия повесть писана в серую субботу, в рябой четверк, в соловую пятницу, канун Серпуховского заговенья. Ершу слава и попу Демиду коровай сала да братина пива, а прочитальщику чарка вина, а слушалщиком бадья меду.

Тексты „Повести о Ерше Ершовиче"

Первая редакция

1) ИРЛИ, 1.27.105, конец XVII—начало XVIII в., лл. 58 об.—73 об., без заглавия, начало: „Лета 7105 (1596) декабря в день было в болшом озере Ростовском. . .".

2) БАН, собрание Тимофеева, № 5, первая половина XVIII в., лл. 1 об.—6, „В мори перед болшими рыбами сказание о Ерше о Ершове сыне, о щетине о ябеднике, о воре о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тягалися рыбы Лещ да Головль, крестьяня Ростовского уезду". (Тим.).

3) ГИМ, собрание Уварова, № 1926 (135), конец XVII и начало XVIII в., лл. 1—4, „В море. Перед болшими рыбами сказание о Ерше и о Ершеве сыне, о щетине ябеднике, о воре о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тегались рыбы Лещ да Голавль".

4) ГПБ, Q.XVII.17, вторая половина XVIII в. (до 1768 г.), лл. 1—56, „Список о челобитной кресьян Ростовского озера Леща да Головля да Плотицы с товарищи, писана сице".

5) ИРЛИ, 1.114.162 (собрание В. Н. Перетца, О.98), конец XVIII в., без начала и конца, с оборванными листами, лл. 1—7 об., начинается со слов: „Ерша Ершова сына, щетину, на ябедника, вора, разбойника, на лихую образину, на раковые глаза. . .".

6) ГИМ, собрание Барсова, № 2407, XIX в., небольшой отрывок (рукопись в собрании отсутствует с 1934 г.). В описании Барсова о повести сказано: „л. 2 об., без конца".

Вторая редакция

1) ГПБ, собрание Буслаева, O.XVII.57, петровское время, лл. 111—117 об., „Список судъного дела, как тягался Лещь с Ершом о Ростовском озере и о реках“.

2) Гос. Литературный музей, собрание музея Ростовских древностей, № 463, конец XVII—начало XVIII в., лл. 76 об.—78, „Сказание о Леще и о ябеднике Ерше“.

3) БАН, собрание Пауса, 17.7.12 (Осн. 526), первая половина XVIII в., лл. 75—80, „Сказания о судных делех, о Леще и о Ерше и о суде их, как тегался Лещь с Ершом о Ростовском озере и о реках“.

4) ГИМ, собрание Забелина, № 536 (855), XVIII в., лл. 57—60 об., „Сказание и описание о Ерше и о Леще, как у них была поперечина про Ростовское озеро“.

5) Там же, лл. 61—62 об., „Ещо повесть вторая о Ерше“ (свободный пересказ текста данной редакции).

6) Собрание Забелина, № 67,* XVIII в., „Список с суднаго дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом“.

7) ГПБ, Q.XV. 35, конец XVII в., лл. 9, очень ветхий, большая часть текста оборвана, от заглавия сохранились слова: „суд ростовск. . . боярской Лещь. . . Ерша с товары . . . пишется“.

8) Собрание Ляликова, вторая четверть XVIII в., утерян; издан владельцем (Московский телеграф, 1832, № 18, стр. 291—293), без начала, начинается со слов: „12. И судьи спрашали исца Леща с товарыщи: ты, Лещ, на ково шлесься в том. . .“.

9) ГБЛ, № 1194 (собрание Лукашевича, № 46), 1720-е годы, лл. 1—5 „Список с одного дела, как тягался Лещ с Ершом о Ростовском озере и о реках“.

10) ГПБ, собрание Титова, № 2776, XVIII в., лл. 84 об.—86 об., „Список суднаго дела, как тягался Лещ сь Ершом о Ростовском озере о реках“.

11) ГИМ, собрание Вахрамеева, № 704, XVIII в., лл. 2 об.—5, „Повесть о Ерше и с Лещом“.

12) БАН, 19.2.38, вторая половина XVIII в., лл. 126—128, „Список суднаго дела, слово в слово, как был суд у Леща с Ершом“.

13) Лубочные тексты XVIII и XIX вв., „Повесть о Ерше Ершове, сыне щетинникове“. Изд.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб.,

---

* Этот список отсутствует в собрании Забелина, хранящемся в ГИМ. Списком пользовался А. Н. Пыпин, называющий его в „Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских“ (СПб., 1856, стр. 300). Текст по этому списку издал А. Н. Афанасьев (Народные русские сказки, т. I. Изд. 3-е, М., 1897, стр. 61—62).

1881, стр. 402—405. Рукописная копия начала XIX в. с иллюстрациями в красках содержится в сборнике конца XVIII в., собрания В. Ф. Груздева.

Третья редакция

1) ГИМ, собрание Забелина, № 546, вторая половина XVIII в., лл. 3—6 об., „Гистория о Ерше и о протчих рыбах в сей истории означенных".

2) ГПБ, Q.XVII.37, начало XVIII в., лл. 125—126, без заглавия, небольшой отрывок, начало: „сентября в 3 день... в большом озере Ростовском сьежжалися судии всех земель и всех градов...".

3) ГПБ, Q.XVII.75, XVIII в., лл. 13—26 об., „Суд Ершов".

4) Библиотека АН УССР, собрание бывш. Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, № 471 (О.8.75), XVIII в., лл. 1—8, без заглавия, начало: „Ерша Ершова сына, щетинникова, на ябедника, вора, разбойника...".

5) ГПБ, собрание Погодина, № 1604, конец XVII в., лл. 852—857, „Суд Ершов с Лещом", без конца.

6) ГПБ, собрание Титова, № 1954, конец XIX в., лл. 177 об.—183, „Сказка о Ерше Ершовиче", без конца.*

Четвертая редакция

1) БАН, 45.8.137 (Автономовский сборник), конец XVIII в., лл. 2—10, „Повесть о Ерше".

2) БАН, 45.8.216, вторая половина XVIII в., лл. 76—79 об., без заглавия, начало: „В лето осмори̂чныя тысящы сто тритцать пятаго году, сентября в 9 де...".

3) Неизвестная рукопись, изданная А. Н. Афанасьевым (Народные русские сказки, т. I. Изд. 3-е, М., 1897, стр. 58—61), без заглавия, начало: „1729 года, месяца сентября, 16 числа. Зародился Ершишко плутишко...".

4) Неизвестная рукопись, изданная также А. Н. Афанасьевым (ук. соч., стр. 56—57), без заглавия, начало: „Ершишко кропачишко, Ершишко пагубнишко склался на дровнишки...".

5) Устные варианты. Изд.: А. Н. Афанасьев, ук. соч., стр. 57—58; М. А. Синозерский. Сказка про Ерша. Живая старина, 1898, № 2, стр. 244; Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 2; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества, вып. I. Пгр., 1917, стр. 165—166, 352—353; вып. II, стр. 718.

---

* По неизвестным рукописям изданы тексты „Повести о Ерше" в кн.: И. П. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841, стр. 154—173, 271—272.

Рифмованная повесть-прибаутка

1) ГИМ, собрание Забелина, № 536/855, XVIII в., лл. 62 об.—63 об., „Еще третья сказания о том Ерше“.

2) ГИМ, собрание Вахрамеева, № 704, XVIII в., лл. 7—9, „Повесть о Леще с Ершом“.

3) ГПБ, собрание Буслаева, O.XVII.57, петровское время, лл. 267—270, „Повесть сказуемаго Ерша Ершова, сына щетинника и ябедника“.

4) Лубочные тексты XVIII и XIX вв. Изд.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 402—405. Рукописная копия лубочного издания начала XIX в. (по Ровинскому — вариант „б“), с иллюстрациями в красках, содержится в сборнике конца XVIII в., собрания В. Ф. Груздева.

Повесть о Шемякином суде

„Повесть о Шемякином суде“ издается в двух разновидностях.

I (стр. 20—23)

„Суд Шемякин“ — старший прозаический текст, издается по списку ГПБ, собрания ОЛДП, XVIII (372), конца XVII в. Последний лист этого списка утерян, повесть обрывается на первых словах фразы. Конец повести воспроизводим по списку ГПБ, Q.XVII.41 (в издании этот восстановленный отрывок взят в прямые скобки). Повесть по списку ОЛДП была издана Ф. Булгаковым (Памятники древней письменности, XXXVIII, СПб., 1879) и переиздана Н. К. Гудзием (Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 5-е, М., 1952, стр. 450—453).

II (стр. 23—29)

„Суд Шемякин“ — стихотворная обработка, издается по списку ГИМ, собрания Забелина, № 500, середины XVIII в. Список не имеет окончания; другой список ГИМ, собрания Щукина, № 1080, той же стихотворной редакции, из-за утерянных листов обрывается еще раньше.

Списки „Повести о Шемякином суде“

1) ГПБ, Q.XVII.41, собрание Толстого, II. 230, XVII—XVIII в., лл. 42—45 об., „Суд Шемяки судьи, выписано ис полских книг“. Изд.: А. Н. Пыпин. Шемякин суд. Архив истор. и практич. сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачевым, кн. 4, отд. V, 1859, стр. 1—10 (переизд.: Памятники старинной русской литературы, вып. II, СПб., 1860, стр. 405—406; М. И. Сухомлинов. Повесть о суде Шемяки. Сб. ОРЯС АН, т. X, № 6, СПб., 1873, стр. 8—12).

2) ГПБ, собрание ОЛДП, Q. XVIII, конец XVII в., лл. 415 об.—419 об., без конца, „Суд Шемякин". Изд.: Ф. Булгаков. Памятники древней письменности, XXXVIII, СПб., 1879.

3) ГПБ, Q.XVII.57 (собрание Буслаева, № 92), первая четверть XVIII в., лл. 324—329, „Суд Шемякин. Выписано ис книги з жарт полских". Изд.: Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 1443—1446.

4) ГПБ (номера рукописей XVIII в. не указаны). Изд.: Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности. Изд. 13-е, дополн. и исправл. акад. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 204—206.

5) ГИМ, собрание Уварова, 1926 (135), начало XVIII в., лл. 20—23, без заглавия, начало: „В неких местех живяще два брата блезнецы, един богат, а другой убог. . .".

6) ИРЛИ, 1.114.404 (собрание Перетца, О.2), 1789 г., лл. 94 об.—97 об.

7) ГПБ, собрание Титова, № 2919, XVIII в., лл. 197—200.

8) ГПБ, собрание Титова, № 3761, XVIII в., л. 131 об.

9) ГБЛ, собрание Тихонравова, № 222, XVIII в., лл. 45—47, „Суд Шемякин".

10) ГИМ, собрание Щукина, № 1080, 1797 г., лл. 58—65, без заглавия, начало: „В некоторых палестинах два брата живяще. . .".

Стихотворные обработки

11) ГИМ, собрание Щукина, № 1080, 1797 г., лл. 65 об.—69, „Суд Шемякин".

12) ГИМ, собрание Забелина, № 500, XVIII в., лл. 51—55, „Суд Шемякин".

13) ГИМ, собрание Уварова, № 2011 (637) (491), XIX в., лл. 136—142, „Суд Шемякин".

14) Лубочные тексты первой половины XVIII в., „Шемякин суд". Изд.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 189—192. Рукописные копии: сборник собрания В. Ф. Груздева, с иллюстрациями в красках, конец XVIII в., лл. 39—51; БАН, Ворон. 4, 1830 г.

15) ГИМ, собрание Барсова, № 2416, XIX в., лл. 63—82, „Сказка о судье Шемяке".

Устные варианты „Повести о Шемякином суде"

1) И. П. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841.

2) П. П. Чубинский. Труды этнографической статистической экспедиции в западно-русский край. Юго-западный отдел, Материалы и исследования, т. II, СПб., 1878, стр. 657 (украинский вариант).

3) Е. Р. Романов. Белорусский сборник, т. I, вып. III. Витебск, 1887, стр. 396—400 (белорусский вариант).

4) Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губ. Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XI, № 49, 1891.

5) А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I. Изд. 3-е, М., 1897, стр. 277—278.

Литературные обработки

1) Ф. Задубский. Шемякин суд. СПб., 1780 (переизд.: А. Осипов. Старинная русская повесть „Суд Шемякин" с баснями в лицах. М., 1794 и 1801).

2) К. Льдов. Шемякин суд (по рукописи XVII в.). Стихотворное переложение. Исторический вестник, 1890, № 1, стр. 102—114.

3) Н. Попов. Шемякин суд. Комедия о неправедном судье Шемяке, мужике богатом, мужике горбатом и о мужике убогом. В одном действии. Из старинного сказания, переделал Николай Попов. М., 1900, № 236.

4) А. Глаголин. Шемякин суд. Комедия в 8 эпизодах для кукольного театра. По старинным лубочным картинам, позднейшим литературным вариантам, материалам фольклора и комедии Попова. М., 1936 (на стеклографе).

Азбука о голом и небогатом человеке

Текст „Азбуки" издается в трех разновидностях.

I (стр. 30—32)

„История о голом по алфабету" издается по списку ГИМ, собрания Забелина, № 536 (855), XVIII в. (З). Этот текст издан: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 21—24.

II (стр. 32—34)

Отрывок, озаглавленный издателем „Скорописная азбука XVII века", переиздается по публикации в книге: И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. II. М., 1915, стр. 622—623. (А).

III (стр. 34—36)

„Сказание о голом и небогатом" издается по списку ИРЛИ, собрания Перетца, Q. № 77, конца XVIII в. (П). Текст издан: В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 24—26.

Списки „Азбуки о голом и небогатом человеке“

1) Список Забелина, утерянный до передачи собрания Забелина в ГИМ. По словам владельца рукописи, это была „скорописная азбука XVII в.“. В ней сохранился лишь отрывок азбуки, начиная с буквы „Л“: „Люди богатые живут славно“. Текст известен по изданию: И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, ч. II. М., 1915, стр. 622—623. (А).

2) ГИМ, собрание Забелина, № 536 (855), XVIII в., лл. 70—73, „История о голом по алфабету“. (З).

3) Там же, собрание Вахрамеева, № 704, XVIII в., лл. 9 об.—10 об., „Азбуковник“. (В).

4) ИРЛИ, собрание В. Н. Перетца, Q.77, конец XVIII в., лл. 8 об.—9, „Сказание о голом и небогатом“. (П).

5) ГИМ, собрание Щукина, № 1080, XVIII в. лл. 20 об.—22, „Азбука о голом и небогатом человеке“. Текст оканчивается на букве „Н“. (Щ).

6) Центральный Гос. литературный архив, № 185, XVIII в., лл. 14—15, „Сказание о голеньком небогатеньком“.

7) ИРЛИ, № 16, третья четверть XIX в., лл. 15—19 об., „Азбука“ (поздняя переделка).

Текст „Азбуки о голом и небогатом человеке“, состоящий из отдельных фраз, построенных так, чтобы каждая из них начиналась с очередной буквы алфавита, в списках довольно значительно менялся. Повидимому, переписчики следили главным образом за тем, чтобы сохранять порядок начальных букв, а внутри фразы свободно изменяли и строй и лексику.

В рукописи Вахрамеева, № 704, под соответствующими буквами читается ряд новых фраз, частью пословиц, заменяющих обычный текст рассказа „О голом и небогатом человеке“:

„д. Добро з добрыми людьми знатся, да было бы чем.

е. Есть в людях много добра, да без закладу не верят.

з. Земля моя пуста и былием поросла, своея земли лишится, чужую землю познать, и мне, ходя под окны, поминая: нищь есть и убог, заблуждьшая овца.

и. И живот мой истощал, по чужим дворам волочась, и хочется мне, бедному, з добрыми людми знатца, да нечем.

і. Ічотца мне, бедному, вечор я не ужинал.

к. Какова пряха, такова на ней и рубаха.

л. Люди, вижу, что богато живут, а я от нищеты не знаю, как быть.

м. Мыслию бы я много зделал, да не то на ум идет.

н. Нагота да босота — то моя красота.

п. Покою себе не видил, в своей бедности волочась.

р. Разум мой ничего не осяжет, ум мой не дойдет, как мне, бедному, впредь будет жить.
с. Свои на мя восташа и меня отселе отгнаша.
т. Терд живот мой, а сердце с печали пропало.

[*Текст под буквой „ук“ помещен ниже*].

оу. Увы мне, бедному, увы окаянному и недостойному, куды мне детца от лихих должников.
х. Хотелось было жить, как добрые люди живут, да бедность мешает.
от. Отец мой и мати оставили мне имение много, да мне тем не велел бог владеть.
ъ. Ерзнул по лавке и в старой однорядке.
ю. Юря за бабу, а Лука за быка.
ук. Юсом меня зовут, а дел моих не ведают.
о. Одолила дворянина печаль да кручина.
я. Якиму дают схиму, а он и мантию скинул.
кс. К Симану по тиман, к Ипату по мяту.
пс. Пса бы я держал на злого человека, да того для не держу, хлеба нет и самому есть нечево.
ѳ. Ѳилимон поди вон, а ты, Ватута, сиди тута.
ѵ. Ѵжица к рубахе ближится“.

Послание дворительное недругу

„Послание дворительное недругу“ известно в единственном списке ГБЛ, собрания бывш. Троице-Сергиевой лавры, № 808 (1008), представляющем сборник, в котором между прочими статьями содержится „Письмовник“.[1] На

[1] Содержание „Письмовника“: лл. 265—267 — Предисловие; лл. 267—270 об.— В лавру; лл. 270 об.—272 — Другу; лл. 272 об.—275 — Послание к другу; лл. 275—276 — Послание в монастырь к старцу; лл. 276—277 об. — Послание к тестю; лл. 278—280 — Послание к учителю; л. 280—280 об. — Ко свещеннику послание; лл. 280 об.—281 — Послание отцу своему; л. 281 — Послание матере вдове; л. 281—281 об. — Послание от матери к сыну; лл. 281 об.—283 — Послание дворителное недругу; лл. 283—286 — Послание к другу любителному, иже аще вскоре любо забудет; л. 286—286 об. — Послание к старцу в монастырь; лл. 286 об.—288 об. — Ко отцу родному и матери; лл. 288 об.—289 — Послание отцу своему; л. 289—289 об. — К брату по плоти; лл. 289 об.— 290 — К другу сер[де]шному; л. 290 — К другу бывшему; л. 290—290 об.— В лавру писати; л. 290 об.—291 — В монастырь девичий к старице; л. 291— Ко старцу в монастырь; л. 291—291 об. — К старцу; лл. 291 об. — 292 — Ко старцу в монастырь; л. 292 — К постнику; л. 292—292 об. — Грамотей; лл. 292 об. — 293 — К другу грамотею; л. 293 — К другу в полк; лл. 293— 295 — Ко отцу родному.

лл. 281 об. — 283 почерком начала XVII в. переписано, притом недостаточно умело (о чем свидетельствуют явные ошибки, невозможные в авторском тексте), „Послание дворителное недругу“.* Так, в строке 6-й, очевидно, ошибочно написано „взяти ржа“ вместо „ржи“, соответственно второй части фразы — „в ней лжи“; в строке 9-й — „подворить“ вместо „подворити“, соответственно „уморити“; в строке 11-й стоит „плачюся“, очевидно, вместо „ся плачю“, так как рифма к этому слову — „клячю“. Не вполне ясен смысл строки 10-й: „и тебе, господину моему, недостаток своих, что проел, животишек не забыл“ — возможно, здесь есть какой-то пропуск. Так же точно очевидна ошибка в строке 23-й, и текст в его настоящем виде не ясен: „боюс тебя, сердца ушибешся“. „Послание“ резко выделяется среди остальных образцов писем прежде всего своей рифмованной речью. Обращает на себя внимание то, что при включении этого „Послания дворителного недругу“ переписчик сохранил принятую в „Письмовнике“ систему расположения материала: он выделил заглавие киноварью, текст писал в строку, ничем не обнаруживая своего особого отношения к данному „посланию“.

Сказание о роскошном житии и веселии

Текст „Сказания“ воспроизводится по единственному списку (ГПБ, собрание Буслаева), изданному в „Памятниках старинной литературы“ (вып. 2, под редакцией Н. И. Костомарова, изд. Г. Кушелева-Безбородко, СПб., 1860, стр. 457—458).

Повесть о Фоме и Ереме

„Повесть о Фоме и Ереме“ издается по списку ГИМ, собрания Вахрамеева, № 704, XVIII в., лл. 5 об.—7.

Тексты „Повести о Фоме и Ереме“

1) ГИМ, собрание Вахрамеева, № 704, XVIII в., лл. 5 об.—7, без заглавия.

2) ГПБ, O. XVII. 57, XVIII в., лл. 279—282, „Повесть о Ереме с Фомою“. Изд.: А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII. СПб., 1902, стр. 4—6.

3) ГБЛ, собрание Ундольского, № 1126, петровское время, л. 164 об. (повесть писана позднейшим почерком).

4) Библиотека АН УССР, собрание бывш. Киевского церковно-археологического музея, № 533 (О. 8.32), 1724 г., лл. 37—40 об., „Повесть о дву братах Ереме с Фомою“. Изд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 6—10.

5) ГПБ, Q.XVII.4 (Собрание Толстого, V. № 62), середина XVIII в.,

* Изд.: Л. С. Шептаев. Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 378—379.

лл. 8—9 об., „Повесть о дву братех, о Ереме и о Фоме“. Изд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 1—4.

6) Калининский музей (бывш. Тверской), № 7201.

Устные варианты воспроизведены из изданий XIX в. в книге: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 11—25; ср. также: А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества, вып. I. Пгр., 1917, стр. 421—423; вып. II, стр. 709, 763—764; Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. II, ч. 2. М., 1929, стр. 91—92, 282; Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Пгр., 1915, стр. 490; Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 29, 3-й этнографический сборник, Кострома, 1923, стр. 67.

Служба кабаку

Текст „Службы кабаку“ издается по списку ГИМ, № 3860, 1666 г., лл. 280—314 (П), с исправлениями явно искаженных чтений по двум спискам — ГИМ, № 3859, первой половины XVIII в. (И), и ГБЛ, собрания Беляева, № 1565, середины XVIII в. (Р). Однако такие исправления ограничиваются теми случаями, где ошибки очевидны или где чтение списков Р и И ближе к тексту пародируемых песнопений. Большие пропуски восполнены лишь в тех местах, где список П сохранил хотя бы частично пропущенные эпизоды. Есть все основания думать, что текст „Службы кабаку“ расширялся, дописывался, так как часть лишних, по сравнению со списком П, эпизодов отличается по языку, более книжному, хотя в целом они и выдержаны в литературной манере всего памятника. Такие дополнительные к списку П эпизоды помещаем после вариантов под буквами „А“, „Б“, „В“.

1—1 *Доб. Р; П* остьянских. 2 *Так Р; П неясно.* 3—3 *Доб. Р.* 4—4 *Так Р, И; П* быти. 5 *Так Р; П* светлоков. 6—6 *Так Р; П* вырван лист. 7 *Так Р; П* впадающего. 8—8 *Доб. Р.* 9 *Доб. Р.* 10 *Так Р, И; П* в среду. 11 *Доб. Р, И.* 12 *Доб. Р, И.* 13 *Доб. Р, И.* 14—14 *Так Р, И; П* лише за щеки зиме не водите. 15 *Доб. Р, И.* 16 *Доб. Р, И.* 17—17 *Так Р, И; П* на того ся кажет. 18 *Так Р, И; П* ризы. 19 *Так Р; П* ибо. 20—20 *Так Р, И; П* неблагодарных. 21 *Так Р, И; П* ачи. 22 *Доб. Р, И.* 23 *Так Р, И; П* удержанию. 24 *Так Р, И; П* бане. 25—25 *Доб. Р.* 26—26 *Так Р, И; П* яко хмель десницу положит приезжему пропитися. 27 *Так И; П* найдет. 28—28 *Доб. Р, И.* 29—29 *Так И; П* в число. 30 *Доб. Р, И.* 31—31 *Доб. Р, И.* 32 *Так Р, И; П* Речение. 33 *Так Р, И; П* в бога. 34 *Так Р, И; П* взыде. 35—35 *Доб. Р, И.* 36—36 *Так Р, И.; П* пропоицы и одмеш. 37—37 *Так Р, И; П* иного пастуха. 38 *Так Р, И; П* для. 39—39 *Так Р, И; П* Ибо что найдеш или украдеш, то понеси на кабак. 40 *Так Р, И; П* мазать. 41 *Р, И* почитать; *П, возможно, ошибочно вместо* поести? 42 *Доб. Р, И.* 43—43 *Доб. Р, И.* 44—44 *П ошибочно пропущено, осталась из всего эпизода одна*

фраза, восполняем по Р, И. [45] *Доб. И.* [46—46] *П пропущено; восполняем по Р, И.* [47—47] *Так Р, И; П* отгонях. [48—48] *П конец отсутствует; восполняем по Р, И.*

[А] *Доб. Р, И.* Канон по накрам по краегранесию: Величаю умное во крепости стояние, непоколебимо да будет. Иеремии глаголет: престанем пити. Мы же глаголем зевается с похмелья, изпитися хощет, взять негде, а в стары заклад не верит. Сущую з гущею воздуряем пропойцу.

Канон бражником. Глас пустошной, песнь 1, тормос: Воду прошед, болото перебрел, из двора вышел, от жены, злой жюрбы, убежал, на кабак зашел, три выпил чарки винца, хватился за мошну, мошны не сыскал, песнь победную воспел, одва и платишком пролез.

Запев: Слава бывает всякому человеку по делом его.

Лютыя напасти нося, кабаче злословны, всем еси приходящим пианицам неистощимая нищета. Егда же пьян, тогда же и весело, а как проспится, лакомаго хватится, ажно и хлеба нет.

Запев: Во скорби мя сущеи и в тузе велией сотворил мя еси.

Собранное мною богатство разточил еси и наготы ярем до конца носити сотворил еси. Проклинаю тя, дому разорителя.

Слава отцу Иванцу и сыну Селиванцу.

Всяк, иже к тебе прикоснется, не изыдет, не имея похвалы во устех своих, глаголаше: вчера был пьян, денег было в мошне много, утре встал, хватился за мошну, ничего не сыскал.

И ныне и завтра и на всяком веку человеческом бывает.

С похмелья встав, дуростию и шаловством держим, пить хочется, а взять негде, на кабак поити не с чем, даром не дадут, заложить нечего.

Песнь 7, тормос: Ты еси, кабаче, утверждение с похмелья притекающим к тебе, ты же пьяным тма омрачение и пьющи даруют, стоя на тебе.

Многими и великими язвами с похмелья уязвляемся на кабаке, вси есмы страждем от своего неистовства. Сего ради кленем тя, а не можем лишитися.

Весь обнажися, не имея на себе одеяния ризнаго, вопиющи к полатем, но и тия глаголют: отиди проч, яко и без тебе много голянских валяются зде, а твоего ради безумия, злый рабе самоволной, бешенству работати изволил еси, и от всех человек посрамлен был еси, не можеши лишитися, в песнех поносных воздуряем тя.

И ныне: Многие добрые люди, человече, тебе глаголют, яко престани упиватися вином, ты же им отвеща, глаголя: дайте ми оправитися, уже бо к тому не стану пити. Но не можеши лишитися.

Седален, глас пустошны: Злым делом, кабаче, сокровище бываеши, и нас, приходящих к тебе, обнажаеши, но силою никого не призываеши, а кто приидет, безо всего имения отпущаеши. Да того ради зовем ти: радуйся, радуйся, кабаче веселы, скорбию.

[Б] *Доб. Р, И.* Слава. Глас пустошной: Хвосливо живет всякой браженик, пьет з басы, проспится с позоры. Свинское житие изволил себе восприяти, где найдет, тут рылом нюхает. Слава недобрая про бражников всегда на тебе, кабаче неправедны, и любовь лицемерная составляется. Как видит у нас, так и любит нас и отечество наше почитают тя. У пива и у меду все друшки напьемся, хвалимся, а проспимся, хватимся, в руке тоще, а в другой ничего. В кои поры пили, тогда и хвалили, а как обнажился, так и всяк отлучился, и всяк ненавидит, что в руку у него нет ничего.

И ныне: Кто может изрещи бесование твое, кабаче веселый и пронырливы, множество к себе привлачая на безстудие, в ров погибелны поревая, всякая неправда в тебе содевается, и злоба обнажается, и бесования мечты обявляются, и всякое плясание и песни, и играние, и иная бесования, и высокоречие, нищета и лжа с неправдою, сопелное гудение и бубны биение, скакание бесовское, самоволное грехов умножение, души погубление и благодати умаление. гласовом возвышение, гневу умножение, брани и драки воздвизание, с повелением возми да убей его до полусмерти. Резать повелеваеши, яко люты зверь, всех снедаяи, бедам великим и блудному греху учитель, душевному дому разорение, скаредным рукам грязнение, грабежю наставниче, костем ломание падающих о землю и не можащих в себе пианства утаити. Мнози же не часто на тебе бывают, а часто поминают, чюдеса твоя гнилая и непотребная поведают, а нечистоту проклинают. Беззакония еси исполнен, дурости совершен, во вся страны дурость твоя, корчма, с неправдою славится.

Таже чтение на тюремном дворе, в соборнике до денег, как выкупитися, ему же начало, не знает, как выкупитися, и никто не верит.

Песнь 9, тормос: Ты ми, кабаче, злый учителю, ты ми нагота и босота, ты ми сетование, не оставил еси в дому моем, чем одеятися. Несытством своим все приобрел еси, тем з гольянскими вопию ти: слава дурости твоей, человеконенавистниче.

Хотя с похмелья оправитися, человечество свое и славу ни во что же вменив, и работав диаволу, и злосмрадным своим похотем и всегда к тебе, кабаче, приходя, упиваяся и с блудницами расточих все свое имение, и ныне плачуся своего неразумия, наг пребываю, но даждь ми опохмелитися.

Воровству, кабаче, наставниче, отца и матери лишил еси мя, и друзи возненавидеша мя, и ныне к кому прибегну, понеже ради моего безделья родители мене отвергошася и вмениша мя, аки пса смердящаго.

Слава: Явихся аз сквернен тобою, кабаче, всем в посмеяние и ныне великою бедою одержим есмь. Егда пил, тогда и весел был, ныне же великою скорбию уязвляюся с плачем, но никто может ми помощи, но и паче злословят мя.

И ныне: Ярыжным кабацким подражател явихся, но и те отревают мя, глаголюще: отиди от нас прочь, не умеешь у добрых людей хлеба выпрошать и с похмелья чарки вина никто не даст тебе. Кабаче, священником еси омрачение, иноком посмех, а простым людям нечестная смерть.

Песнь 5, тормос: В бездне кабацкой одержим похмелями неизбытныя пропасти твоея, призываю людей добрых, кто бы меня опохмелил и с кабака свел.

Обнажил мя еси, кабаче, злыдням наставниче, от срама толко чюжая сторона спознати. Тебе ради и сущии родители возненавидеша мя и отревают мя от себе, глаголюще и проклинающе.

Слава: С похмелья встав, скорбию одержим, к тебе, кабаче, обявитися не с чем, но молюся знаемым и ближним моим, да бы мя опохмелили; они же вси отрицаются, глаголюще: пропади от нас, не свой ты нам.

И ныне: От похмелныя болезни каявся и клятву налагах, яко не учну пити. Егда же обзатохся, бываю таков же, яко же и вчера, или паки и дурнее того творюся.

Песнь 6: Очистил мя еси, кабаче, до нага; много было имения, из дому все выносил и на тебе пропил, и к жене прибрел и наг и бос, борже спать повалился, а в нощи пробудился и слышах жену и детей, злословящих мя: ты пьешь и бражничаешь, а мы с голоду помираем.

Тебе ради, кабаче, вся сия претерпех, и друзи мои и ближнии мои далече от мене сташа и гнушахуся мя, и бегающе, аки пса смердящаго. Ты, кабаче, дому моему разоритель и ближним моим разлучитель.

Слава: Несытством и слабостию одержим, к тебе прибегаю, кабаче непотребны, наготою одеяхся, яко щитом неподобным, нелицемерно и непостыдно вооружен есмь на восхищение чюжаго имения.

И ныне: Понурихся во глубину пропасти своим нерадением, собацкое скитание изволих, безместно житие возлюбих, о кабаче непотребне, токмо срамотою побеждаем и знающим и в глаза появитися немощно.

В *Доб. Р*, *И*. Микос: Всохвалим ныне людем, вино пиющим, да пивом на оправку возвеселимся.

Кто явится от вина весь шумен и безумен, да пивом он обзадорится, по мале же нищетою болит, яко разцвел душею, обнажен до нага неподобен. Тем же, яко дурень, явися пианица на пакость, видящим на смех, а себе на убогую нищету. Тем же аз, малоумный, не возмогу изрещи про пианство — поле пекелное, но како возмогу, толико и возглаголю. Тем же от юз содрогнувся, от многия печали малодушне изреку, зане глупостию покровен и недоумением содержим есмь и ужасаюся рещи. Како возмогу глупы аз козни твоя изрещи?

Кто ли возшед в избу кабацкую, изпив вина гораздо, не шален отидет? Кто ли от земнородных изрещи возможет глупость твою, хмель высокоумны? Кто ли не похвалит вино, данное нам на веселие, и мед — во сладость гортани нашей, и пиво — беседа наша добрая? Кто ли не воспомянет частыя твои ковши? Кому ли не воспомянути ниския твоя поклоны, и како ли не ублажатся на завтрое из ковшев сладкия ти пития? Кто ли не воздыхает, пропився до нага? Тем же, умилно подшибши руки к сердцу, зовем: богатства истощителю, прият власть над всеми пьяными и всех в мир пущаеши.

Песнь 6: Дивно и ужасно и студа исполнено трезвому слушать, яко про пианого глаголют, токмо оханием и частым воздыханием усугубляя, да вси от сердечныя болезни тя злословим и похуляем.

Погубих бесчисленное имение. В кою пору у нас пили, в то время нас и величали, а ныне у нас в руках не видят, и они нас же осмехают и дураками называют.

Слава: Радуйся, кабаче, аду сопрестолниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче, душам губителю, имению истощителю.

И ныне: Ин никто же таков явися, яко же ты, кабаче! Всякому человеку неложная пустоха, гневу водворителю, нищета пребедная еси всем.

Песнь 8: Вскую мя, хмель, отринул от лица людей добрых, и света незаходимого с похмелья видети не могу. Покрыла мя есть чюжая тма от похмелья, но обрати к свету, от похмелья пити давай, молюся.

Вскую валяюся с похмелья, жадает ми душа пития, а взять негде. Умилно к целовалнику вопию: помилуй мя, похмелнаго, как будет, хотя вдвое возми, не умори мене напрасно, молюся.

Легок есмь и добро течение сотворю кабацкому двору. Вшед в ызбу, быстро зрение содеваю, кто чарку оплошно держит или пред собою поставит, аз же не устрашихся поушника, взашей пхания, елико возмогох, скочих, взях и востах, и на полати текох, и реку ему: на твоем жалованье челом бью, тебе нелюбо да мне за честь.

Слава: Сокровище некрадомое нашему имению, кабаче несыты, яко в пропасти поныряюще, сами нищетою одержими, а твоея несытыя утробы наполнити не можем.

И ныне: Ныне мы вси от безделья вопием ти: нищета еси сказуемая, поругание иноческому чину, а мирским людем обнищание и одолжение и всего добра лишение.

Песнь 9: Всяк хмелен да взыграется, дуростию озарен, ликовствует же и бесовские полки. Бесовство бо на кабаке почитаемо и в бубны биение и песней воспевание. Радуйся, кабаче, чистоха и лупитель пианицам.

По сем: Достойно есть яко вора батоги бити приставом велети и проспався да на правеж имати. В те поры пить любо было, а теперево платить нечем. Честнее было бы скоро отдати и славнее бы было, чтобы с платежем сам пришел к мне, без всего имения стал скован и изувечен, а опохмелится нечем.

Списки „Службы кабаку“

1) ГИМ, № 3860, 1666 г., лл. 280—314, двумя скорописными почерками второй половины XVII в., водяной знак — голова шута, характерный для бумаги 1660—1680-х годов. По лл. 291—295, внизу, идет запись, датирующая список и устанавливающая место его написания: „. . . сии кабак Никиты Петрова, сына Новоселцова, а подписал по его велению Прилуцкого монастыря

диякон Юрье Попов, назвищем Удачиных, лета 7174 году, марта в 4 день". Названный в записи Прилуцкий монастырь был построен в 40 верстах от Великого Устюга, на левом берегу Северной Двины. Указания на эту местность есть и в самом тексте „Службы". В оглавлении к сборнику, помещенном на лл. 2—6 об., памятник озаглавлен „О службе кабаку". (П).

2) ГИМ, № 3859, первая половина XVIII в., лл. 1—30, скоропись, местами полуустав разных почерков первой половины XVIII в., водяной знак — герб города Амстердама. С л. 31 до конца сборника идут дополнительные статьи на ту же тему о пьянстве: „выписки из божественного писания о тех же пианицах". (И).

3) ГБЛ, собрание Беляева, № 1565, середина XVIII в., лл. 4—39 об., скорописью очень неразборчивой, местами почти затертой. (Р).

„Службе кабаку" в этом списке предшествует пространное предисловие, начало которого не сохранилось, так как первый лист рукописи оторван. В этом предисловии, занимающем лл. 1—3, сообщается о „Службе кабаку", как о „прежде положенной"; рассказывается о том, как некто, „по божию милосердию отторгшийся от пьяниц", возвестил об их „скаредном житии", а другой „письменно издаде" его рассказ; описывается впечатление, вызванное у слушателей этим произведением. Текст этого предисловия, написанного в стилистической манере, не имеющей ничего общего с языком самой „Службы", несомненно был дописан уже тогда, когда эта сатира вызвала отрицательное впечатление в определенных кругах читателей. Составитель предисловия ставит своей задачей оправдать данный литературный способ осуждения пьянства и пьяниц. Приводим сохранившийся отрывок предисловия.

(*л. 1*) „. . . а вместо славословия божия всегдашнее сквернословие з драки, бои и мятеж. И толико быша скаредни и мерски всякому, яко и худши и бедственнейшии их в человецех не обретается. Сего ради ни поведания каковаго чинословнаго быша достойни,* не бо хощет кто от них слышати или разглагольствовати, на (*нрзб.*) по некоему божию милосердию отторгшеся от них, возвещаай мало от (*нрзб.*) про их скаредное житие. Ин же некто от обретшихся и писменно издаде, но да удобее привлечет коегождо к слышаню, сотвори повесть аллигореею их чином, сии есть глаголяй и иная изъявляя. Сотвори убо то (*нрзб.*) (л. 1 об.) от них во образе торжествен начало их праздника, подобно яко бы вечерню и утреню, понеже они обыкли от вечера даже до утра в пустошных беседах упраздившися. Того ради вящие обличая их шаловество, состави яко бы праздник кабацких ярыжек. Но им толико сотвори сей праздниче ненавистен,** елико единаго слова они, ярыжные, слышати не могут, и не токмо же они, но и елицы в доме клитвсострех (*так!*) живущих и сико любящи, и сии такожде слышати ненавидят, и яко нечистым

* В рукописи ошибочно „достоити".

** В рукописи ошибочно „не ненавистен".

духом одержими бесятся, и не престанут (*л. 2*) от молвы, дондеже преминется сей праздник читати.

Сей праздник разсуждается от неких не без прибытка быти человеческаго пребывания, и явно суть в нем приувеляющих и возбраняюще. Аще кто имеет таковую страсть к запойству, да останется неимущии, слышав и возгнушався, опасен будет от нея. Увеселителное аще и возмнит кто применити кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковый да не понуждает[ся] к читанию, но да оставит могущему и читати и ползоватися. Всякое доброе, аще не добре творит, добро побеждает, яко же и при враческом (*л. 2 об.*) художестве в зелиях бывает потребно и ядовие в мерном разстворении ко здравию. Сице и зде, аще благоискусный читатель, иже весть предложити и ко времени и к лицу и к потребе сотворити по намерению своему ползу добрую, яко же и от протчих святых писаний, по злому своему намерению приводя, кощунствует, и сему определения несть, яко же восхощет, тако и сотворит, и от благаго злое и от зла благое по коегождо, яко же рехом, намерению. Но зде аще и начинается смехотворным образом, но напоследок положены (*л. 3*) суть многия выписки из божественнаго писания о тех же пианицах, согласна прежде положенному кабацкому празднику, который вкупе с божественным писанием обличает и гаждает пианиц, да тем устрашают протчих, видевших такое злосмрадное их житие, и да воздержатца не токмо сами, но и домашних своих да научают всякому целомудрию и трезвости. И по сему не есть порочно сие изложение кабацкого праздника, но и полезно по вышепоказанному изявлению, его же начало полагается зде сицевым образом“.

Списки И, Р имеют одинаковые пропуски, перестановки и ошибки и дополнены одними и теми же статьями о пьянстве; все это говорит о том, что они несомненно списаны с одного оригинала. Этот оригинал, по сравнению со списком П, дальше от авторского текста по языку, более книжному, но в отдельных чтениях мы пользуемся списками И, Р для исправления очевидных ошибок старшего списка.

Калязинская челобитная

Текст „Калязинской челобитной“ издается по списку ГБЛ, собрания Попова, № 2432 (191), первой половины XVIII в. (П), с исправлениями явно испорченных чтений по двум спискам — ГБЛ, собрания Ундольского, № 1073, конца XVII—начала XVIII в. (У), и ГИМ, собрания Забелина, № 536 (855), XVIII в. (З). Текст Попова издан: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 118—123.

[1] *Так У; П* Умору. [2—2] *Добавлено на полях другой рукой.* [3] *Так З; П* посажает. [4] *Так З, У; П* плошалися. [5] *Доб. У.* [6] *Исправлено по З, У; П* по-

ругуху. [7] *Так З; П* и. [8—8] *Добавлено на полях другой рукой.* [9] *Так З; П* тем. [10] *Так З, У; П* стать. [11] *Так З, У; П* варили. [12] *Так У; П* прибадим. [13] *Так У; П* токии.

Тексты „Калязинской челобитной"*

Старшая редакция (без разделения на статьи)

1) ГБЛ, собрание Ундольского, № 1073, конец XVII—начало XVIII в., лл. 9—19 об. Изд.: Л. П. Два памятника древнерусского монастырского быта XVII в. Русский архив, 1878, № 9, стр. 1771—1773, 1776—1778.

2) ГБЛ, № 2432 (собрание Н. П. Попова, № 191), первая половина XVIII в., лл. 1—7. Изд.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 118—123.

3) Собрание Мазурина (бывш. Архива Мин. иностр. дел), № 755, середина XVIII в., лл. 15—18.

4) ГИМ, собрание Забелина, № 536, XVIII в. (1753—1755 гг.), лл. 14—17 об.

5) БАН, 17.7.12 (Осн. 526, из собрания Пауса), первая половина XVIII в., лл. 74—74 об.

6) БАН, 16.4.39, первая половина XVIII в. (с записью 1744 г.), лл. 2—6.

7) ГПБ, O.XVII.57 (собрание Буслаева), петровское время, лл. 266—272 об., без начала.

8) ИРЛИ, собрание В. Н. Перетца, О.77, вторая половина XVIII в., лл. 5 об.—7.

„Статейная" редакция

1) ГИМ, собрание Барсова, № 2411, 1792 г., лл. 1—3.

2) ГБЛ, собрание Тихонравова, № 486, вторая половина XVIII в., лл. 95—98.

3) ГИМ, собрание Забелина, № 536, XVIII в., лл. 55—57.

4) ГБЛ, собрание Тихонравова, № 472, XVIII в., лл. 139—141.

5) ГПБ, O.XVII.17 (собрание Толстого, V.62), вторая половина XVIII в. (с записью 1768 г.), лл. 35 об.—38.

6) ГПБ, Q.XVII.4, XVIII в., лл. 35—37.

7) Лубочный текст. Изд.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 406—409.

Сказание о попе Саве

Текст „Сказания о попе Саве" издается по списку ГИМ, собрания Забелина, № 536 (855), XVIII в., лл. 47 об.—49 об. (З.), с вариантами по списку ГБЛ, собрания Тихонравова, № 486 (Т). Текст Забелина издан: В. П. Адриа-

* Не приводим заглавий списков, так как они повторяются однообразно, без существенных вариантов.

нова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 235—238.

1—1 *Доб. Т; З заглавия нет.* 2 *Т* случилось. 3 *Доб. Т:* Москвы. 4—4 *Т* которой не мал. 5 *Доб. Т:* Москвою. 6 *Т* в церкве богу. 7—7 *Т* домой. 8 *Т пропуск.* 9 *Т* пущу. 10 *Т пропуск.* 11 *Т* оных. 12—12 *Т* Савушке. 13—13 *Т пропуск.* 14—14 *Т* хотя у меня будьте да. 15 *Т* пошедши в огород. 16—16 *Т пропуск.* 17—17 *Т* той Савушка над ставленниками. 18 *Т* попадья. 19—19 *Т пропуск.* 20—20 *Т* будешь и сам. 21 *Доб. Т:* тропарь, глас 6. 22 *Т пропуск.* 23—23 *Доб. Т; исправляем явно недописанный стих.* 24—24 *Т пропуск.* 25 *Доб. Т:* было. 26 *Доб. Т:* Савушка. 27—27 *Т* которы за тобою гонятся, и тому попадается. А кто заиграет и веселит, тот везде смело бродит и крепко знатся не хочется. Ему спится и никто под окном не стучится. А кто к нему выдет, и он с ним говорит да просит. 28 *Т* добро. 29—29 *Т* с кем вчера побранился. И как мне, Савушке, не плутовать. 30 *Т* отгулять. 31—31 *Т* слова твои, попадья, збылись. 32—32 *Т пропуск.* 33 *Т* во сне вралось. 34 *Т* много ль де. 35—35 *Т пропуск.* 36—36 *Т* сем камы их. 37—37 *Т* а очутился в. 38 *Доб. Т:* чернец. 39—39 *Т* ни молился. 40 *Доб. Т:* сим. 41—41 *Т пропуск.* 42—42 *Т* Т[ропарь] г[лас] 4. 43—43 *Т* радуйся, Сава поп. 44—44 *Так Т; З* а ум имеет коротки. *Исправляем в соответствии с первой частью стиха.* 45 *Т* дородны. 46—46 *Т пропуск.* 47 *Т* плешивая. 48 *Доб. Т:* Радуйся. 49 *Доб. Т:* поп. 50—50 *Т* долги поп. 51—51 *Т пропуск.*

Списки „Сказания о попе Саве"

1) ГИМ, собрание Забелина, № 536 (855), XVIII в., лл. 47 об.—49 об. без заглавия. (З). Изд. С. Елеонским в: Литературное наследство, 1933, кн. 9—10, стр. 106—111; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 235—238.

2) ГБЛ, собрание Тихонравова, № 486, XVIII в., лл. 3 об.—5 об., „Сказание о попе Саве и о великой его славе". (Т).

3) ГПБ, Q.XVII.57, первая четверть XVIII в., лл. 378—379; текст сильно сокращенный, особенно в последней части.

4) БАН, 45.8.216, дата „1735 год" на л. 38 об., где помещен отрывок из десяти начальных стихов „Сказания", написанный небрежно, затертый и местами читающийся с трудом.

5) ГИМ, Музейное собрание № 381, XVIII в., отрывок, л. 308.

Сказание о куре и лисице

„Сказание о куре и лисице" издается в двух разновидностях.

I (стр. 73—78)

„Сказание о куре и лисице" в старшей, прозаической редакции издается по списку ГИМ, собрания Забелина, № 536 (855), второй половины XVIII в.,

с исправлениями явно ошибочных чтений по всем остальным спискам этой редакции.

[1] *В рукописи* роду. [2] *В рукописи* гласа.

II (стр. 78—106)

„Повесть изрядная о куре и лисице, како его прелстила лисица" — стихотворная редакция, издается по списку ГИМ, собрания Забелина, № 536 (855), XVIII в. (З), с исправлениями по списку ГПБ; Q.XIV.27 (ГПБ).
Обе редакции изданы: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 191—197, 201—224.

[1—1] *Пропущенный стих восстановлен по ГПБ.* [2] *Доб. по ГПБ.* [3—3] *Так ГПБ; З поздним почерком вставлены написанные латинскими и греческими буквами два слова:* оссмь непсмиваа. [4—4] *Так ГПБ; З не согласующаяся с первой частью фраза:* знать они спать. [5] *Так ГПБ; З ошибочно искаженное начало второго стиха:* губитель. [6] *Так ГПБ; З ошибочно начало первого стиха:* окаянной. [7—7] *Так ГПБ; З* очинь не столь горбато. [8] *Так ГПБ; З* укротися. [9] *Так ГПБ;* здесь объятися. [10] *Так ГПБ; З* прошаешь. [11—11] *Пропущенный стих восстановлен по ГПБ.* [12—12] *Пропущенный стих восстановлен по ГПБ.*

Тексты „Сказания о куре и лисице"

Прозаическая редакция

1) ГИМ, собрание Забелина, № 536 (855), вторая половина XVIII в., лл. 51—55, „Сказание о куре и о лисице".

2) ГИМ, Музейное собрание, № 663, первая четверть XVIII в., лл. 416—418 об., „Сказание о петухе и о лисице, како лисица прелсти петуха и предав смерти".

3) Библиотека АН УССР, Житомирский сборник, I. 4011, начало XVIII в., лл. 87—91, „Сказание о куре и о лисице, как седел на древе, а лисица кура к себе з древа манила".

4) ИРЛИ, 1.27.105, конец XVII в., лл. 44—58, без конца, „Сказание о петухе и о лисице, како лисица петуха на покаяние приняла" (близок к списку Житомирского сборника).

5) Собрание В. Ф. Груздева, сборник 1728 г., лл. 10 об.—15 об., без конца, „Повесть и сказание от кримских мудрецах о куре и о лисице, како лисица ложно куря призывала на покаяние".

6) ГИМ, Музейное собрание, № 3215, 1803 г., лл. 17 об.—18 об., отрывок без начала, начинается со слов: „хотя ево схватити и жива проглотити. . .".

7) ГИМ, собрание Барсова, № 2393, XVIII в., 5 лл., без начала и конца,

начинается со слов: „моя мати лисице, вижу я к себе твою лукавую лесть и пронырство. . .“.

8) ГИМ, собрание Барсова, № 2411, 1792 г., лл. 5—8 об., „Повесть о куре и о лисице“.

Стихотворная редакция

1) ГПБ, Q.XIV.27, около 1742 г., лл. 32—52, „История о прекрасном куре доброгласном, как он прииде на покаяние к лисице, к премудрой духовнице“.

2) ГБЛ, собрание Лукашевича, № 46 (Публ. музея, № 1194), 30—40-е годы XVIII в., „История о звере и птице, нарицаемом петухе и лисице, как лисица петуху путь покаяния благовестила“.

3) ГИМ, собрание Забелина, № 536 (855), вторая половина XVIII в., лл. 108—123 об., „Повесть изрядная о куре и о лисице, како его прелстила лисица“.

4) ГИМ, собрание Забелина, № 500, около 1762 г., лл. 7—8 об., отрывок без конца, „Сказание, како лисица куру путь покаяния благовестила и тем лукавая простоту его в конец прелстила“.

5) БАН, собрание бывш. Археографической комиссии, № 162, 20—30-е годы XVIII в., лл. 53—73, „Повесть зело пречюдна о куре и о лисице“.

6) ГБЛ, собрание Мазурина, № 755, XVIII в., лл. 1—13, без начала, начинается со слов: „Кур же, видев ея, мало возвеселился. . .“.

Смешанная редакция

1) ГПБ, Q.XVII.57, первая четверть XVIII в., лл. 174—185, „Повесть о куре и о прекрасной лисице“.

2) ГПБ, Q.XVII.17, вторая половина XVIII в., лл. 98—111, „Повесть о куре, то есть петухе, и лисице“.

3) ГИМ, собрание Забелина, № 536 (855), вторая половина XVIII в., лл. 261—266, „Сказание о куре и о лисице Захарьевне, как ево прелстила“.

4) ГИМ, собрание Барсова, № 2394, XVIII в., лл. 1—23, без начала, начинается со слов: „А буде изволишь мне не итти, то аз и не пойду и здеся тебе дожду. . .“.

5) БАН, 33.15.118, 1770 г., лл. 1—5 об., „Вопросы и ответы о прекрасном куре и лисице“.

6) Рукопись Воловича, Рига, ст. Асари, „Сказание о куре и лисице“.

7) БАН, 21.9.35, середина XIX в., лл. 85—86 об., отрывок.

Сказочные варианты

1) А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. I. Изд. 3-е, М., 1897, № 4, варианты а, в, с (из Пермской и Калужской губ.).

2) Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 51.

3) А. М. Смирнов. Великорусские сказки архива Русского Географического общества, т. II. Пгр., 1917, стр. 756 (из Пермской губ.).

4) А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1894, стр. 212 (переизд.: А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VII. СПб., 1902, стр. 404).

5) О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1921, стр. 112.

6) Сказки и песни Переяславль-Залесского уезда. М., 1922, стр. 97.

7) М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 363.

8) В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 200—201 (текст, записанный в 1928 г. А. И. Никифоровым в деревне Палащелье Архангельской обл., Мезенского района).

Повесть о бражнике

„Повесть о бражнике" издается по списку БАН, 1.4.1 (Ждановский сборник), второй половины XVII в. (Ж), с исправлениями в квадратных скобках явно ошибочных чтений по списку ГПБ, собрания ОЛДП, № XVIII, конца XVII в. (П). Текст Ждановского сборника издан: В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1902 г. СПб., 1903, стр. 98—99.

[1] *Ж пропуск.* [2] *П* Урию. [3—3] *П* Аз от веку жадной жены не мал, толко по ковшу браги выпивал, а за кожним ковшем бога прославлял. [4—4] *Ж в рассказе о споре с Соломоном механически пропущен ответ Соломона бражнику:* И рече царь Соломон, сын Давида царя: „Бражником зде не входимо в рай". *Вместо этой фразы ошибочно переписан конец эпизода:* И царь Соломон отиде прочь.

Весь эпизод спора бражника с Соломоном в списке Ждановского сборника явно испорчен. В списке ГПБ, собрания ОЛДП, № XVIII,* он изложен стройнее, однако здесь неясно, в чем заключается, по мнению бражника, вина Соломона: „«А помниш ли ты, царь Соломон, коли господь бог вывел изо ада праведных и грешных, а тебя во аде оставил, и ты в те поры возопи гласом великим: „Воскресни, боже, суди земля, яко ты наследиши во всех языцех". И ты, царь Соломон, в раю живеши и пребываеши, а меня, бражника, в рай не пустиши». Царь Соломон отиде от врат посрамлен".

Ближе к Ждановскому тексту, но лучше сохранился текст этого эпизода в украинском списке собрания Тиханова (ГПБ), 1788 г. На вопрос об имени

* Текст по этому списку издан: Ф. И. Булгаков. Сборник повестей скорописи XVII века. Памятники древней письменности, Доклад Комитета 16 декабря 1878 г., СПб., 1878—1879, стр. 88—91.

Соломон отвечает: „«Царь Соломон Давидович, создал церковь Святая святых». Бражник же рече ему: «Помниш ли ти, царю Соломоне, коли ти жени своея послухал, до (*следует* од) Христа господня отъреклся, идолом поклонился, во аде еси был; аще би не два раби твои помогли тебе, то Христос извел из ада. И если би тебе не едно слово помогло, гдиж еси рек: „Воскресни, господи боже мой, да вознесется рука твоя, не забуди убогих твоих до конца", — не бил би и ти в райи. О боже милостивый, напускал еси в рай тму, а мене не пускаешь, бившаго християнина!». В том царь Соломон отъйде посрамленный".

В отдельных списках „Повести о бражнике" вводится дополнительный эпизод — спор бражника со святым Николаем. Такой эпизод, например, читается в списке ГПБ, собрания ОЛДП, № XVIII, конца XVII в.:

„Бражник же нача толкатися у врат святаго рая. И прииде ко вратом святый Николае чюдотворец и рече ему: «Кто есть толкущийся у врат святаго рая?». Он же рече: «Аз есть грешный человек, бражник». И рече святый Николае: «Бражником зде не входимо в рай». И рече бражник: «А ты кто еси? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». Святый Николае рече: «Аз есмь святый Николай чюдотворец». И рече бражник: «А помниш ли ты, святый Николае, коли ты нам велел кануны варить, а нам, бражником, велел пить долго, свой праздник величать?». Святый же Николае отиде от врат посрамлен".

Тот же эпизод в списке ГПБ, O.XVII.57 (собрания Буслаева, № 92), первой четверти XVIII в., изложен иначе, со ссылкой на житие Николая:

„«. . .Аз есть Николай». Слышав сия, бражник рече: «Ти еси Николай, и помниш ли: егда святи отци были на вселенском соборе и обличяли еретиков, и ты тогда дерзнул рукою на Ария безумнаго. Святителем не подобает рукою дерзку быти; в законе пишет: не уби, а ты убил рукою Ария треклятого». Николай, сия слышав, отъиде прочь".

Списки „Повести о бражнике"

1) БАН, Ждановский сборник, 1.4.1, вторая половина XVII в., „Повесть о некоем человеке в. . . бражнике", лл. 72 об.—74. Изд.: В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1902 г. СПб., 1903, стр. 98—99.

2) ГИМ, собрание Барсова, № 2406, 1662 г., лл. 43—49 об., „Сказание о некоем бражнике премудрем", без конца.

3) ГПБ, Q.I.1040, XVII в., отрывок без начала и конца.

4) ГИМ, собрание Барсова, № 2397, XVII в., лл. 2—3, „Повесть о бражнике, како вниде в царство небесное", без конца (кончается спором с Соломоном).

5) ГПБ, собрание Титова, № 1545 (Охран. каталог, № 4389), XVII в., л. 13, „Книга беседы евангельския, глава 24. Выписано о пияницах и о бражниках, слово 19".

6) ГИМ, собрание Забелина, № 435, XVII в., лл. 305—306, „Сказание о бражнике, како внидоша в рай божий", отрывок (кончается спором с апостолом Павлом).

7) Львовский народный дом, № 143, XVII в., 36—41, „Сказание о бражнику".

8) ГИМ, Музейное собрание, № 2638, начало XVIII в., лл. 157—164 об., „Сказание о бражнике".

9) ГПБ, Q.XVII. 176, конец XVII—начало XVIII в., лл. 142—147, „Слово о бражнике".

10) ГИМ, собрание Уварова, № 1938 (557) (449), начало XVIII в., лл. 36 об.—39 об., „Слово речено о бражнике, како вниде в рай божий".

11) БАН, 13.6.8 (Яцимир. 85), первая половина XVIII в., л. 124, „Повесть о некоем человеке бражнике, како в рай вниде. Сложено прилогом".

12) Библиотека АН УССР (бывш. Церковно-археологический музей Киевской духовной академии), № 533 (О.8.32), первая половина XVIII в., лл. 165 об.—169 об., „Сказание о бражнике пиюще велми в господские праздники до обеда".

13) БАН, 32.16.13, 1780-е годы, лл. 81—83, „О бражнике".

14) БАН, 4.3.16 (Нов. 4342), вторая половина XVIII в., лл. 24—26, „Месяца августа в 4 день. Слово о некоем бражнике, иже прииде ко вратом святаго рая".

15) БАН, Текущие поступления, № 506, вторая половина XVIII в., лл. 12—14, „Повесть о бражнике, сиречь о пиянице".

16) БАН, I.4.21 (Осн. 179), третья четверть XVIII в., л. 4, „Слово о бражнике".

17) ГИМ, Музейное собрание, № 1628, XVIII в., лл. 168—171, „Слово о бражнике".

18) ГБЛ, собрание Богдановича, XVIII в.

19) ГИМ, собрание Барсова, № 2500, XVIII в., лл. 22 об.—24, „Слово о бражнике разумном и како он разумным своим ответом о пьянстве вшел в рай".

20) Львовский народный дом, № 213, середина XVIII в., лл. 64—67, „Слово о бражнику славном".

21) Калуский сборник, XVIII в. (украинский), лл. 1—5, „Слово о бражнику".

22) Библиотека АН УССР, Нежинское собрание, № 124 (16241), конец XVIII в., 1—4 об., без заглавия.

23) БАН, № 109 (32.2.25), XVIII и XIX вв., на л. 259 об. несколько слов из „Слова о бражнике".

24) Куйбышевская публичная библиотека, О.63, конец XVIII—начало XIX в., лл. 6—8, „Повесть о бражнике“, без начала.

25) ГПБ, Q.I.1041, вторая половина XVIII и XIX в., лл. 10—12 об., „Сказание о некоем бражнике“.

26) БАН, 45.8.181, начало XIX в., лл. 5—6, только начало, „Притча о бражнике“.

27) ГПБ, Q.XVII. 4, XVIII в., лл. 4 об.—6, „Слово о бражнике“.

28) ГПБ, собрание Тиханова, № 8, 1788 г., лл. 93—97 (украинский), „Слово о бражнику, повесть дивная о нем“.

29) ГБЛ, собрание Царского, № 449, начало XVIII в., лл. 36 об.—39, „Слово речено о бражнике, како вниде в рай божий“.

30) „Раскольничья рукопись XVIII века“, без заглавия. Изд.: Н. Я. Аристов. Русская беседа, 1859, № 6, стр. 181—188.

31) „Рукопись XVIII столетия“, „Повесть о бражнике“. Изд.: А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, т. I. Казань, 1914, стр. 145—147.

32) ГПБ, Q. XVII.57 (собрание Буслаева, № 92), первая четверть XVIII в., лл. 158—162, „Слово о бражнике, како вниде в рай“. Изд.: Памятники старинной русской литературы, вып. II. СПб., 1860, стр. 477—478.

33) ГПБ, собрание ОЛДП, № XVIII, конец XVII в., лл. 303—307 об., „О пиянстве“. Изд.: В. Н. Перетц. Из истории старинной русской повести, Унив. изв., Киев, 1907, № 8, приложение, стр. 71—73.

34) ГБЛ, № 1244, XVIII в., лл. 10—11 об. (украинский), „Житие о бражнику“. Изд.: В. Н. Перетц, ук. соч., стр. 74—76.

35) ИРЛИ, № 11, 1820-е годы, лл. 1—10, „Слово о некотором человеке, о пияницы“.

36) ГПБ, собрание Титова, № 2007, XVIII, лл. 57—60, „Повесть о бражнике“.

37) ГПБ, собрание Титова, № 3348, начало XIX в., лл. 38—40, „Сказание о некоем человеке бражнике, как он пил“. На л. 40 об. тем же почерком запись: „Сие сказание со вниманием нада читать и еще с понятием, хто толко может полюбопыствовать, всякои читатель должен взять в голову и толковать“.

38) Собрание В. Ф. Груздева, начало XIX в. (без номера).

39) Центральный Гос. литературный архив, № 185, вторая половина XVIII в., лл. 12—13 об.

Сказание о крестьянском сыне

Текст „Сказания“ издается в двух разновидностях

I (стр. 110—112)

„Сказание о крестьянском сыне“ издается по списку ГБЛ, собрания Тихонравова, № 361, второй четверти XVIII в. Изд.: А. В. Марков. Памятники

старой русской литературы. Тексты и примечания, вып. 1. Тифлис, 1914, стр. 37—39.

II (стр. 112—113)

„Повесть о крестьянском сыне“ издается по списку БАН, 45.8.137 (Автономовский сборник), 1792 г. Изд.: В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1902 году. СПб., 1903, стр. 106—107.

Списки „Сказания о крестьянском сыне“

1) ГБЛ, собрание Тихонравова, № 361, вторая четверть XVIII в., лл. 187 об.—190. Изд.: А. В. Марков. Памятники старой русской литературы. Тексты и примечания, вып. 1. Тифлис, 1914, стр. 37—39.

2) БАН, 45.8.137 (Автономовский сборник), конец XVIII в. (запись переписчика 1792 г.), лл. 11—12 об. Изд.: В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1902 г. СПб., 1903, приложение, стр. 106—107.

3) Собрание В. Ф. Груздева, 1728 г., „Повесть о крестьянском сыне“. Изд.: В. И. Малышев. Коллекция словяно-русских рукописей В. Ф. Груздева. Ленингр. Гос. педагогический институт им. А. И. Герцена, Кафедра русской литературы, Ученые записки, т. 67, 1948, стр. 268—269.

4) Библиотека АН УССР, Житомирское собрание, XVIII в.

Повесть о Карпе Сутулове

„Повесть о Карпе Сутулове“ сохранилась в единственном списке, входившем в рукописный сборник XVIII в., который принадлежал известному слависту М. И. Соколову. Разделенный собирателем на отдельные тетради, этот сборник сохранился не в полном виде и находится в настоящее время в Рукописном отделе ГИМ.

В отличие от других частей сборника, содержащих различные статьи религиозно-дидактического характера и переписанных владельцами-крестьянами, тетрадка с „Повестью о Карпе Сутулове“ переписана, по определению М. И. Соколова, „опытной писарской рукою“, не без ошибок, с повторениями отдельных слов и выражений. Список представляет несомненную копию, местами уже испорченную, с оригинала XVII в. Повесть по этому списку издана: Ю. М. Соколов. Повесть о Карпе Сутулове. (Текст и разыскания в истории сюжета). Труды славянской комиссии Московск. археологического общества, т. IV, вып. 2, М., 1914, стр. 3—8.

Ниже помещаем текстологические примечания М. И. Соколова к изданию повести, извлеченные Ю. М. Соколовым из бумаг его отца (ук. соч., стр. 3—8) и отмечающие расхождения печатного текста с рукописью.

[1] Текст напечатан во всем согласно с рукописью; отступление допущено в пользу современного правописания в употреблении букв ѣ и і, в отделении предлогов, распространении сокращений — ради удобства чтения и вследствие отсутствия однообразного правописания в этих случаях подлинника. Все поправки искаженных мест отмечены в выносках.

[М. И. С.].

[2] *В рукоп.:* сестер (*так*!). [3] *В рукоп.:* но что. [4] *В рукоп.:* мои. [5] *В рукоп. за сим слова:* другу моему, *написаны, вероятно, по ошибке.* [6] *В рукописи опять повторено:* плотию своею. [7] *В рукописи здесь неуместно стоят слова:* и рече ему отче, *повторяющиеся в своем месте ниже.* [8] *В рукописи:* приедет. [9] *После сего в рукописи повторено:* на потребу брашна. [10] *В рукописи стоит излишне:* рече. [11] *В рукописи стоит:* ныны. [12] *В рукоп.:* с тобою. [13] *В рукоп. за сим стоит:* что. [14] *В рукоп.:* пре. [15] *В рукоп.:* они же. [16] *В рукоп.:* злотворяшаго. [17] *В рукоп.:* зло. [18] *В рукоп.:* она же. [19] *В рукоп.:* понеже. [20] *В рукоп.:* прославляеши. [21] *В рукоп.:* окушку. [22] *В рукоп.:* победа. [23] *В рукоп.:* она же. [24] *Здесь испорченное место. Смысл его уясняет встречающееся в Пчеле и в словах о женах и, очевидно, приводимое здесь изречение*: „Некто вниде богат в дом к вдове и оженися ею; но бяше зла, людие же хваляху [*по друг. варианту* „хвалять“] ему; он же рече: «не ныне ми хвалите, но [ег]да же избуду ея»“. *Врем. О-ва Ист. и Др., кн. 25. Книга Пчела. Издание Бессонова, предисловие, стр. X/IV. То же в слове Василия о злых женах, в Златоусте XVI в.. по рукоп. Инст. Кн. Безбородко в Нежине. [М. И. С.].* [25] *В рукоп. лишнее слово:* рабы. [26] *В рукоп.:* шедков. [27] *В рукоп.:* мою. [28] *В рукописи лишние слова:* него купца. [29] *В рукоп.:* делше. [30] *В рукописи далее лишние слова:* и себе в дом. [31] *Далее лишнее:* и повеле воеводе. [32] *В рукописи далее повторены слова:* а в другом сундуке попа во единой же.: [33] *В рукописи далее:* о великаго беда иди воспоминание и рече. [34] *В рукоп.* посромление. [35] *В рукоп.:* неразумеша. [36] *В рукоп. повторено:* жено. [37] *В рукоп.:* каких. [38] *В рукоп.:* мой. [39] *В. рукоп.:* мне. [40] *В рукоп.:* со мною. [41] *В рукоп.:* иму.. [42] *В рукоп.:* он же.

Лечебник на иноземцев

„Лечебник на иноземцев“ издается по списку ГПБ, Q.XVII.96, петровского времени, лл. 27—29 об. (ГПБ), с вариантами по списку ГИМ, собрания Щукина, № 1080, конца XVIII в. (Щ). Текст ГПБ издан: В. Н. Перетц. Из старинной юмористики XVIII века. Литературный вестник, 1902, кн. 7, стр. 203; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 247—249.

[1—1] *Щ пропуск.* [2] *Доб. Щ:* конаго. [3] *Доб. Щ:* жестокаго колоколнаго звону 10 золо. [4—4] *Щ* не етчи. [5] *Доб. Щ:* вишнево. [6] *Доб. Щ:* к тому цвету. [7] *Доб. Щ:* легок. [8] *Доб. Щ:* иноземцев лечение от руских людей скорое. [9—9] *Щ пропуск.* [10—10] *Щ* соловьевых дивых песеных вещей полтора фунта. [11—11] *Щ пропуск.* [12] *Щ пропуск.* [13] *Доб. Щ:* сушеных. [14—14] *Щ* золо, барабанова бою 16 золо. [15—15] *Щ* басовова глазу. [16—16] *Щ* мухина сала фунт, камарова сала от окорока пол фунта, слатко слышных песней 3 золотника, жестокаго. [17] *Доб. Щ:* девичья скаканья. [18—18] *Щ* пол. [19—19] *Щ* то все вышеписаное в ледяную сухую ступу и его истолки. [20—20] *Щ пропуск.* [21—21] *Щ* не перепалнывая. [22—22] *Щ* ему лехко. [23—23] *Щ* Ахеткой вещи. [24] *Доб. Щ:* рыбья следу 2 золо, грибнова цвету 7 золо. [25—25] *Щ* зеленой. [26—26] *Щ пропуск.* [27—27] *Щ* поутру и после полден пить. [28] *Щ* вторы. [29—29] *Щ* пролес рог. [30] *Доб. Щ:* ту воду. [31—31] *Щ пропуск.* [32] *Так Щ: ГПБ ошибочно* быть. [33—33] *Щ пропуск.* [34] *Щ* имет. Сей состав вышеупомянутых руских людей на иноземцов, лечение иноземцов. [35—35] *Щ* потом из зелья да в землю на свет без задержания поставить. [36] *Доб. Щ:* легок и. [37—37] *Щ пропуск.* [38—38] *Щ* истертой полосы и парить. [39—39] *Так Щ; ГПБ явный пропуск.* [40—40] *Щ* как таскались дровни. [41] *Щ* ево.

Списки „Лечебника на иноземцев"

1) ГПБ, Q.XVII.96, петровское время, лл. 27—29 об. Изд.: В. Н. Перетц. Из старинной юмористики XVIII в. Литературный вестник, 1902, кн. 7, стр. 203; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 247—249.

2) ГИМ, собрание Щукина, № 1080, конец XVIII в., лл. 17—20 об.

Роспись о приданом

Текст „Росписи о приданом" издается в двух разновидностях.

I (стр. 124—127)

Текст старшей редакции, относящейся к XVII в., полностью воспроизводится в записи 1733 г., по изданию И. Е. Забелина (Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е, М., 1872, стр. 430—433) и в отрывке по списку ГПБ, собрания Буслаева, O.XVII.57, начала XVIII в. Края первого листка последного списка оборваны, к ним подклеен кусок бумаги, на которой дописаны другой рукой помещенные в прямых скобках слова и буквы.

II (стр. 127—131)

Текст редакции XVIII в. „Роспись приданому жениху лукавому" издается по списку ГИМ, № 2857, XVIII в.

Тексты „Росписи о приданом“

1) ГПБ, собрание Буслаева, О.XVII.57, начало XVIII в., лл. 275—277, дефектный.

2) Текст, сообщенный в 1733 г. Изд.: И. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е, М., 1872, стр. 430—433.

3) ГИМ, № 2857, XVIII в., лл. 134—135.

4) Лубочный текст в изданиях второй половины XVIII и первой половины XIX в. Изд.: Д. Ровинский. Русские народные картинки. кн. 1. СПб., 1881, стр. 367—374.

При всей дефектности списка О.XVII.57 он дает возможность восполнить некоторые пропуски Забелинского текста и исправить в одной строке ритм. Несомненно, что оба эти текста представляют один и тот же вариант „Росписи приданого“.

Текст „Росписи приданого“ легко приспособлялся к новым условиям быта, и появление новых предметов обихода, особенно одежды, отличных от тех старинных русских, которые перечислялись в росписи XVII в., нашло немедленно отражение в новом варианте росписи, характерном для XVIII в. Так, обширный перечень новых предметов быта, в том числе „питербурскова маниру“, содержится в росписи в списке ГИМ, № 2857, в 4-ку, XVIII в., лл. 134—135. Текст этой росписи (с вариантами) был издан в виде лубочной картинки. Первое издание второй половины XVIII в. (Ахметьевской фабрики) воспроизводилось в 1803—1805 гг., вторично — 1820—1830-х годах. Сокращенный текст издавался в XIX в. — в 1820—1830-х годах и в 1850-х годах.* К тексту приложена картинка: на круглом столе, за которым сидит жених, лежит роспись, на нее указывает стоящая слева „приданая девка“; еще левее стоит разряженная невеста; господин во французском кафтане, также находящийся слева, подносит жениху рюмку водки, а справа слуга несет ему стакан пива. Жених и невеста во французских нарядах.

Слово о мужах ревнивых

„Слово о мужах ревнивых“ издается по единственному сохранившемуся списку БАН, 45.10.9, конца XVII—начала XVIII в., лл. 123 об.—125 об. Текст по этому списку был издан: В. И. Срезневским. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1900 и 1901 годах. Приложение 1-е. СПб., 1903, стр. 192—193.

---

* Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 367—374.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Повесть о Ерше Ершовиче

Распределение списков „Повести о Ерше" по редакциям было сделано мной в „Очерках по истории сатирической литературы XVII в." (М.—Л., 1937). Однако вновь найденные списки повести — собрания ИРЛИ, 1.27.105, и БАН, собрания Тимофеева, № 5, — показывают, что в это распределение должна быть внесена существенная поправка. В первоначальном виде повесть, судя по этим спискам, лучше сохранилась в той редакции, которая в „Очерках" характеризуется как вторая. Таким образом, эту вторую редакцию правильнее считать первой, а первую „Очерков" — второй.* Текст повести, сохраненный первой редакцией, несомненно содержит уже некоторые изменения по сравнению с авторским, так как в нем отражены формы судопроизводства, выработавшиеся уже после издания Уложения 1649 г., тогда как сама повесть создана не позднее первой половины XVII в.

Третья редакция „Повести о Ерше" в некоторых подробностях ближе к первой, чем ко второй редакции: в содержании челобитной Леща, в рассказе Сома о нанесенной ему обиде; в том, что Лещ и здесь „сирота", т. е, крестьянин, а Ерш лишь назвался крестьянином; в указании в начале текста даты, хотя здесь она и изменена; в ссылке Ерша на то, что „пути" у него сгорели, когда горело Ростовское озеро, и т. д. В третьей редакции, однако, изменен самый порядок судопроизводства: рассказ начинается с того, что за Ершом посылают понятых, приводят его на суд, и только тогда Лещ

* Настоящая работа была уже закончена, когда Н. А. Бакланова в статье „К вопросу о датировке «Повести о Ерше Ершовиче»", включенной в X том „Трудов ОДРЛ", также предложила считать тип повести, сохраненный списком ИРЛИ, более близким к первоначальному. Этот тип Н. А. Бакланова называет „полной" редакцией, а тип, представленный списками той редакции, которая в „Очерках" именуется первой, — „сокращенной" редакцией.

выступает со своей челобитной. Оправдываясь, Ерш заявляет, что он „на Москве государю дань“ платит, что у него есть „купчая, закладная и платежницы“, что его „пути“ спрятаны в Переяславском озере. Но из допроса Сельди, на которую здесь ссылается не Лещ, а Ерш, выясняется, что она и Ерша никогда не видела и о путях его не знает, и только тогда Ерш объявляет, что „пути“ его сгорели, когда горело Ростовское озеро. Как и в первой редакции, Ерш наказан кнутом и батогами и выселен из Ростовского озера.

В третьей редакции — видимо, как свидетельство хорошо сохранившегося, лежащего в ее основе начального текста — Осетр и Сом не названы в числе судей, они вызываются „из виноватых“ Лещом; Ерш же не признает их за „общую правду“, так как у него была с ними „великая заетка“. Об этой „заетке“, т. е. об обидах, нанесенных Ершом Осетру и брату Сома, рассказывают последние суду, и обвинительный приговор Ершу связывается скорее с этими жалобами „воеводы“ и „окольничьего“, чем с жалобой „сироты“ Леща. Так подчеркивается тема „неправедного“ суда.

По схеме этой редакции ведется рассказ и в четвертой редакции, которая является переходной к устным пересказам и которая существенно отличается от предыдущих своей стилистической формой. В четвертой редакции изложение строится в манере народных прибауток, с повторением в одних и тех же выражениях вопросов, ответов, допросных речей. Рифмованная речь уже подготовляет переход этой повести в комическую сказку.

„Повесть о Ерше“ во всех ее редакциях изображает земельную тяжбу из-за Ростовского озера между Ершом и Лещом „с товарищи“. Н. А. Бакланова в упомянутой выше статье считает дату, с которой начинается список ИРЛИ, — „Лета 7105 (1596)“, — подтверждающей создание повести в самом конце XVI в. За отнесение первоначального текста „Повести о Ерше“ именно к этому времени говорят, по мнению Н. А. Баклановой, и другие данные списков двух старших редакций. Так, в „полной“, т. е. первой, редакции отсутствует указание на „Земский двор“, где, согласно „сокращенной“, т. е. второй, редакции, знают Ерша. К середине XVII в. вместо этого названия входит во всеобщее употребление наименование „Земский приказ“; следовательно, уже вторая редакция повести возникла не позднее первой половины XVII в. „Полная“ редакция сохраняет ряд подробностей, выпавших из текста более поздних редакций вследствие того, что их реальное значение стало непонятным. В „полной“ (первой) редакции отражена практика обвинительного процесса, после Уложения 1649 г. заменившегося следственным, „розыскным“. Самая земельная тяжба, изображенная в повести, носит черты, позволяющие связывать ее с формами борьбы за землю во второй половине XVI в.*

---

* Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 310.

Н. А. Бакланова предлагает видеть в этой земельной тяжбе отражение борьбы за землю между помещиками и крестьянами в период установления поместной системы, т. е. во второй половине XVI в., когда разоренные крестьяне бросали свои наделы, а помещики сажали на опустевшие земли своих отпущенных на волю холопов. Такая именно ситуация изображена, по Баклановой, в „Повести о Ерше", где „мелкий сынчишка боярский" Ерш заверяет, что Лещ был его холопом, а затем отпущен им на волю и посажен на землю.

Если считаться с датой, названной в начале повести, то события, в ней описанные, падают на самый канун „смуты". Не имея прямых данных, чтобы отказаться от датировки повести этим временем или первыми годами XVII в., мы вместе с тем не можем и окончательно отвергнуть связь сюжета „Повести о Ерше" с обстановкой, сложившейся в годы после „смуты". Борьба за землю и рабочие руки между двумя группами феодалов, также отраженная повестью, продолжалась и в первой половине XVII в.; крестьяне попрежнему уходили из своих разоренных хозяйств; насильственные захваты земель, даже дворцовых, еще долго оставались предметом судебных разбирательств. Одно несомненно в свете анализа реалий, произведенного Н. А. Баклановой: „Повесть о Ерше" сложилась до Уложения 1649 года, ближе к началу, чем к середине XVII в.

В старшей редакции „Повести о Ерше", как она представлена списками ИРЛИ и Тимофеева, а также отражающими их списками третьей редакции социальный облик тяжущихся из-за земельных владений представлен вполне ясно. Лещ и Головль — „сироты божии", „крестьянишка", „Ростовского озера жильцы". По их словам, озеро Ростовское „как зачалось" „дано в вотчину на век нам после отцев своих". Обращаясь к судьям, истцы называют себя „ваши крестьянишка", „крестияне ваши", как бы указывая этим на то, что они еще живут на „черной", а не частновладельческой земле. Ерш, отвечая на челобитную, утверждает, что истцы были у его отца „в холопах": „. . . по батюшкове душе отпустил их на волю и з женишками и з детишками, а на воле им жить за мною во християнстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе". Ерш предъявляет встречное обвинение Лещу и Головлю: они-де от „хлебной скудости" с Ростовского озера „сами сволоклися на Волгу-реку". Но Лещ продолжает утверждать: „. . .всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево", но „пути-де у нас и даные утерялися".

Ерш, обманно назвавшийся в Ростовском озере „крестьянином", на суде признается: „. . . аз изстаринший человек, детишка боярские, мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы". Ростовское озеро Ерш называет своим наследственным владением: „А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушку моему Ершу Ростовскому жильцу". Итак Ерш — землевладелец, у него были холопы. Оказывается, что эти холопы, отпущенные им „по батюшкове душе", в Ростовском озере „никогда и свету не дали"

Ершу. А Лещь стоит на том, что Ерш „тем озером завладел сильно“. У Ерша, по его словам, „были пути и даные и всякие крепости на то Ростовское озеро“, но „в прошлых годех“, когда горело Ростовское озеро, те „даные сгорели“.

Истцы и свидетели единодушно характеризуют Ерша как вора, ябедника, обманщика. Таков весь его род — Вандышевы, Переславцы: „А из старины словут Вандышевы, Переславцы, а промыслу у них никакова нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей“. Боярин Осетр и воевода Сом рассказывают суду о том, как они пострадали от обманщика Ерша.

Не тем ли и объясняется приговор судей — „Лещу с товарищем правую грамоту дать, и выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою“, — что этот „сын боярский“ претендовал на государственные земли? Приговор удается привести в исполнение лишь в части, касающейся владения Ростовским озером. Но Ерша истцы вынуждены были отпустить на волю, так как он и тут их обманул, предложив проглотить его „с хвоста“.

В чем же заключается сатирический смысл повести? Прежде всего — в осуждении насилий землевладельцев над крестьянами, ставших особенно частыми в период широкого развития поместной системы землевладения. Эти насилия описаны и в челобитной Леща с Головлем, и в показаниях их свидетелей. Но вместе с тем „Повесть о Ерше“ представляет собой и старшую сатиру на пристрастный феодальный суд. Хотя в старшей редакции повести тяжба заканчивается внешне справедливым приговором — Ерш выдан головой истцам, — однако этот приговор вынесен не сразу после показаний свидетелей, подтвердивших исконные права на Ростовское озеро „Леща с товарищи“, а после пространных рассказов „боярина Осетра“ и „воеводы Сома“ о том, какие обиды нанес им ловкий Ерш. Таким образом, создается впечатление, что не столько справедливый иск „божиих сирот“ определил обвинительный приговор „сынчишке боярскому“, сколько эти рассказы о дерзких выходках Ерша против „сильных людей“. К тому же и самый приговор оказывается неосуществимым. Издеваясь над своими обвинителями, Ерш предлагает им: „Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещ с товарищем, проглоти с хвоста“. Тут то и обнаружилось „лукавство“ Ерша и лицемерность приговора: Лещ „подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю“. Так и в жизни крестьянину трудно было отстоять свое даже законом подтвержденное право, если противником его выступал феодал-землевладелец. В этой обстановке иронически звучит и заключение „Повести о Ерше“: „. . . а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омутом рыбным бить ево кнутом нещадно“, так как из предшествующего текста видно, что поймать Ерша для наказания не удалось.

В списке Q.XVII.17 первой редакции заострены выпады против „сильных“ людей. Рассказ воеводы Сома о том, как Ерш заманил его (в списке ИРЛИ

правильнее — его брата) в невод, дополнен ответной репликой Ерша: „Я завел тебя в невод, пусть-де бы меня, Ерша, и другие толстосумы, ваша братия, в том знали и при мне бы хвастать и заплескиваться ни в чем не дерзали. Понеже вы люди глупыя и неразсудныя, только-де вы надеетесь на свою спесь и богатство, а нас, малых людей, во всем уничтожаете, и нас, умных людей, за дураков исчисляете и ни во что вменяете, того ради вы от своей спеси и глупаго высокоумия и погибаете“. Однако редактор повести счел необходимым в заключении предупредить читателя, что этот выпад в адрес „толстосумов“ отнюдь не означает оправдания поведения Ерша, наоборот, теперь он уподобляет обидчику Ершу „нынешних ябедников“: „Аще кто сей суд Ершевноволит читати, тогда ясно может обиду кресьян ростовских, Леща с товарищи, от Ерша и раззорение познати, а ево, Ершевы ябеды разсуждати, а себе от того воздержати, и в ево ябеды (опасаяся шуих случаев) не вступатися, понеже что он, Ерш, был лукав и речист, и на увертки ловнив, и во ответех скор и смышлен, и на все готовыя в суде ответы имел, а по делу и по ясным свидетельством весма по суду обвинен, и бит кнутом по всем омутом нещадно, а обижденныя от него прославились и над ним вознеслися и честны явились. Так же и нынешния ябедники в обидах и тяжбах Ерша подражают и погибель другим и пагубу учинити смышляют, а сами скоряя погибают. И тая ж якоже и Ерш возмездия принимая, страждут, ров другим честным и достойным так же и своей братии умышленно изрывает, а первее сам в него и попадает“.

В дальнейшей жизни повести именно отдельные моменты суда дают повод усилить сатирический смысл рассказа, а в то же время Ерш вызывает все большее сочувствие читателей тем, что он издевается и над судьями-взяточниками и над „большими рыбами“. Так, часть текстов второй группы заканчивается торжеством „ябедника-вора Ерша“: выслушав приговор, он заявляет судьям, что они „судили не по правде, судили по мзде“ и, вильнув хвостом, уходит, иногда перед этим „плюнув в глаза судьям“.

Во второй редакции появляется дополнительное объяснение, почему Мень был освобожден от роли понятого: „посулами великими“ он убедил пристава Окуня отпустить его. В третьей редакции отказ Мня итти понятым звучит как выпад против дворян: „. . . с боярами говорить не умею . . . да с Ершом заедаться не хочу . . . возмите Харьюся . . . та бо рыба верченна, на ношку легонька, з дворяны говорить горазда“. Усиление социальной остроты рассказа наблюдается и в сказочных переделках повести, хотя в целом они превращаются в сказку-прибаутку. Здесь с доносом на Ерша к Киту приходит „пройдоха купец лоха“; Налим, отговариваясь итти понятым, замечает „. . . у меня язык толстый, неповоротной, не могу против чиновников говорить“.

Не позднее конца XVII в. возникло и своеобразное продолжение „судного дела“ — рифмованный прибауточный рассказ о том, как искали Ерша, который ушел в хворост, недовольный приговором судей, как готовили из него уху,

делили его, как пришел Я́ков и „один Ерша смякал“. Вся эта повестушка построена на игре рифмами к собственным именам, — на приеме, нередком в пословицах-поговорках, записанных в XVII в. Основное ядро этой повестушки могло разрастаться, в зависимости от уменья рассказчика нанизывать рифмы к собственным именам.

[а] судные мужики (мужи) — отголосок участия в суде населения, представляли для XVI в. уже пережиток старины. Они как знатоки местного обычного права должны были наблюдать за правильностью судебного процесса и могли вмешиваться в его ход (Н. А. Бакланова. К вопросу о датировке „Повести о Ерше Ершовиче“. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 313).

[б] Жалоба, господа, нам на Ерша — ср. судные списки XVI в.: „Жалобами, господине, на...“ (Акты юридические. СПб., 1838, стр. 17, 47).

[в] Смилуйтеся, господа, дайте нам на него суд и управу. — ср. конец всех челобитных: „Государи, смилуйтесь, пожалуйте“ (А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. IV, Сергиев Посад), реже: „дай нам свой царьской суд и управу“ (Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I. СПб., 1857, стр. 569).

[г] а полишнаго у меня никакова не вынимывали — ср. челобитную 1671 г.: „поличное у них выняли“ (А. А. Титов, ук. соч., стр. 16).

[д] Уличаем божиею правдою — ср. в судных списках XVI в. вопрос судей: „Скажите в божью правду“ (Акты юридические, стр. 17), или в ответе истца: „Уличаю, господине, их божьею правдою“ (там же, стр. 47—49). „Божия правда“ — свидетель, признанный на суде обеими сторонами; ср. в том же значении „общая правда“, „общая ссылка“.

[е] кресным целованием — присяга на суде как доказательство правдивости показаний.

[ж] Да сверх кресново целования есть ли у нево — ср. в актах: „сверх крестного целованья шлюсь на...“, „да сверх крестного целованья истец подал...“ (Акты, относящиеся до юридического быта..., стр. 647).

[з] всем то ведамо — ср. в судных списках XVI в.: „кому то ведомо“, „кому то у вас ведомо“, „а ведомо людем добрым“ (Акты юридические, стр. 17).

[и] Сшлемся, господа, из виноватых — „ссылкой из виноватых“ в судебном процессе XVI в. называлась ссылка одной из тяжущихся сторон на свидетеля с условием подчиниться обвинению, если свидетель покажет против сославшегося на него. „Ссылка из виноватых“ имела безусловное значение в обвинительном процессе (Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 317).

[к] общую правду — то же, что „божию правду“, см. примечание „д“. В Судебнике Ивана Грозного „общая правда“ обычно называется „общей ссылкой“. „Общая правда“, или „общая ссылка“, — остаток третейского решения споров на суде, ссылка обеих сторон на одного и того же послуха, имев-

шая безусловное значение в судебном процессе XVI в. (Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 317).

[л] шлюся на них в послушество — ср. челобитную 1647 г.: „шлюся, господине, в послушество“ (Акты юридические, стр. 17); в Судебнике Ивана Грозного, как и в Уложении 1649 г., есть оба вида ссылки — „в послушество“ и „из виноватых“; шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге. И оне хлеб и соль с теми людми водят меж собою; Лещ свидетелям во племяни . . . он с ними во племяни; Почему тебе те люди недруги?; Дружбы у нас и недружбы . . . не бывало, а слатся на них не смею — по Судебнику Ивана Грозного каждая сторона могла отводить и судей и свидетелей по причине дружбы или родства с противной стороной. Ср. в документе 1534 г.: „на тех ся, господине, не шлем, те, господине, Тимофею племя же“ (Акты, относящиеся до юридического быта . . ., стр. 177). Уложение 1649 г. сохранило отвод „по какой-нибудь недружбе“.

[м] а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем. — По Уложению, когда брали свидетелей издалека и посылали за ними понятых и приставов, „езд“, т. е. оплату доставки, „доправляли без суда“, причем за доставку „общей правды“ платили пополам истец и ответчик. Но самый термин „езд“ имеется и в Судебнике Ивана Грозного.

[н] приставу сьездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их пред судиями. — В XVI в. за свидетелями отправлялся также пристав: „И пристав обоих . . . пред судью поставил“ (Акты юридические, стр. 17). „Третий“ — то же, что „общая правда“, т. е. свидетель обеих тяжущихся сторон.

[о] пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых — пристав с понятыми, по Уложению, отправляется за ответчиком и свидетелем; термин „понятые“ известен и ранее: в следственном деле 1613 г. упоминаются „понятые люди“ (Акты юридические, стр. 17).

[п] чье изстарины то Ростовское озеро. . . То-де озеро изстарины Лещево да Головлево — ср. в актах: „называет те деревни государя своего отчиною“, „изстарины земли митрополичьи“ (Акты юридические, стр. 17).

[р] Пути у меня и даные згорели. — С XV в. обычна эта ссылка в документах: „а грамоты (на владение, — *В. А.-П.*) погорели в пожар“, „были да погорели в пожар“ (Акты, относящиеся до юридического быта. . ., стр. 164, 170).

[с] И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою, [т] бить ево кнутом нещадно. — В Уложении, если ответчик несостоятелен,—дается наказ „бить ево кнутом нещадно“, „отдать истцу головою“.

[у] Форма „судного дела“, использованная автором „Повести о Ерше“, вызвала сама по себе интерес читателей, и один из них, переписав „Список судного дела, как тягался Лещ с Ершом о Ростовском озере и о реках“ (сборник ГПБ, О.XVII,57, петровского времени) пересказал в той же форме басню о волке и лисице, бытующую в списках XVII в. под заглавием „Слово от

вадящих ко князю на друга“ (сборник, составленный в 1676 г. в монастыре Саввы Звенигородского; описание сборника см.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1874, LXII; на стр. 367—368 опубликован и текст этой басни по списку Копенгагенской библиотеки).

В пересказе, стилизованном в манере „судного дела“ о тяжбе Леща с Ершом, басня получила новое заглавие: „Список суднаго дела как тягался волк с лисицею“. Воспроизводим текст этого пересказа по рукописи ГПБ, O.XVII,57:

(л. 283) „Бысть в некоторой Палестине у лва заболит голова великою болезнию. Тогда вси зверие стекошася ко лву на посещение. Одна лисица не притекла на болезнь лву, понеже бо лев пишетца царь всем зверям.

И во сто девяносто 46 год генваря в 21 день бысть у волка с лисицею великая недружба. И нача волк царю своему лву наносити на лисицу, как бы ему недружба своя оттомстити. И рече волк: «Пречестнейши зверю, царю лве, услыши мою болезнь. Все звери стекошася, одна лисица не притекла на посещение». Царь лев, не зная недружбы волка с лисицею, и повеле лисицу перед себя поставить. И послал пристава косова заеца.

Заец пошел по лисицу и обрете лисицу. Лисица же ему возмолитца, и дает ему откуп велик. Заец рече: «Милая моя жена лисица, не бойся волка исца. Поди ты скажи, бутто ходила за врачями». И лисица заеца послушала и поиде пред царя своего.

Царь же лев на нее гневен ста. И рече ему лисица пред лицем ево: «Я ходила за врачами, уведав твою великую болезнь». И рече царь лев к лисице: «Что врачеве сказаша о моей болезни?». И рече ему лисица с великою лихостию и лукавством: «Врачеве сказаша, что жива волка убить и кожу с него снять и главу твою кожею обвить, и то буде главе твоей здравие».

И царь лев убил волка и сня с него кожу и главу свою обвил, облехчения не бысть. И тако бысть лисица рада, что избыла недруга своего волка. Конец тетради сей. (л. 286) Лисица лукавая зверь“.

Повесть о Шемякином суде

„Повесть о Шемякином суде“ в списках конца XVII и XVIII вв. сохранилась в одной прозаической редакции с незначительными стилистическими вариантами. В XVIII в. этот краткий рассказ был переложен неравносложным силлабическим стихом того же типа, каким в это время изложено было и „Сказание о куре и лисице“. В этом стихотворном пересказе воспроизводится весь сюжет прозаической повести, но в несколько более пространном изложении, не вносящем, однако, ничего нового в самый ход действия. Вторично „Повесть о Шемякином суде“ была переложена тоническим стихом; этот поздний пересказ сохранился лишь в списке XIX в. Лубочный текст XVIII в.

воспроизводит в сокращенном виде, с иллюстрациями, лишь основные моменты прозаической редакции повести.

„Повесть о Шемякином суде“ датируется второй половиной XVII в. на основе ее реалий, отражающих практику городского суда этого времени (см. примечания, стр. 227). По внешнему сходству сюжета повести с восточными сказками о судьях, она относилась исследователями-компаративистами к группе переводов с одного из восточных языков. В сборниках конца XVII—XVIII вв. эта повесть иногда помещалась рядом с фацециями и жартами, переведенными с польского языка, поэтому два переписчика внесли в заглавие указание на тот же источник — „выписано ис полских книг“, „выписано ис книги з жарт полских“. На основании этого указания пытались связать русскую повесть с польским народным сатирическим рассказом „о показывавшем судье камень“; этот рассказ известен в литературной обработке середины XVI в., принадлежащей Николаю Рею из Нагловиц.

Однако еще А. Н. Афанасьев указал на наличие народных сказок о богатом и бедном брате, обнаруживающих несомненное сходство с „Повестью о Шемякином суде“, и поставил вопрос: „Овладела ли народная фантазия книжным рассказом и стала его варьировать по-своему, или самая книжная редакция есть только обработка устного народного рассказа, принадлежащая перу старинного грамотника?“.* При наличии малого количества записей устных сказок ответить окончательно на этот вопрос нелегко. И все же более вероятным представляется переделка книжником сказочного сюжета. В противном случае трудно объяснить полное исчезновение в устных пересказах всяких следов того, что в повести связано с судебной практикой XVII в., всяких элементов книжного языка, весьма ощутительных в повести.

Неразрывно связанная именно с русской исторической действительностью, повесть помещает действующих лиц в русскую бытовую обстановку. Поэтому при наличии в языке повести намеренно архаизированных глагольных форм (живяше, прииде, приидоша и т. п.) в ней много общенародных бытовых слов — названий предметов (хомут, дровни, подворотня, кнут, воз, полати, зыбка, баня и др.) или действий (ссужал, не замай, выставить подворотню, ночевать, ужинать, ушибитися, начаялся и др.). Живые интонации разговорной речи („и того у тебя нет, что своего хомута“, „а не ити, ино будет езд приставом платить“, „он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати“ и т. д.) врываются в книжный синтаксис рассказа.

Тема „Повести о Шемякином суде“ — обличение произвола богатых и взяточничества судей. Автор повести по-сказочному заканчивает рассказ благополучным для бедняка исходом: чтобы не приводить в исполнение уродливо комический приговор судьи-взяточника, все истцы откупаются от бедняка

---

* А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. II. Изд. 3-е, М., 1897.

богатыми подарками, а судья, представленный глупым и жадным, но трусливым, благодарит бога, что он „по нем", т. е. в пользу бедного, судил, иначе бы последний „ушиб" его тем камнем, который жадному взяточнику показался мешком с золотом. Это наказание всех, кто пытался изобразить несчастные случайности как преступления бедняка, это осмеяние судьи, не сообразившего, что у бедняка, берущего взаймы лошадь, не может быть трех мешков золота, нагромождение невероятных ситуаций, разрешающееся счастливой развязкой, — все это доказывает несомненную связь повести с народной сатирической сказкой, с приемом сатирического заострения, преувеличения и вместе с тем с неизменно оптимистическим окончанием.

Обрабатывая литературно народную сказку, автор ввел в изложение черты быта XVII в., уточнил юридические реалии, придал книжность языку, но сохранил сказочную мотивировку поступков, самую основу художественного метода народной сатиры.

[а] Шемякин — Шемяка как второе имя или прозвище известно начиная с XIII в. в княжеской среде; с XVI в., исчезая в княжеском обиходе, оно нередко встречается как имя или отчество у крестьян, дворовых людей, служилых людей, помещиков. Выражение „Шемякин суд", как пословичное, обозначающее „кривосуд", произошло от соответствующей повести. См. подробно об имени Шемяка и выражении „Шемякин суд" статью И. П. Лапицкого „Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII века" (Труды ОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 79—99).

[б] ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити, ино будет езд приставом платить. — Уложение 1649 г. сохраняет известное с XV в. название „пристав" для лица, приводившего на суд ответчика; за доставку к месту суда взималась пошлина — „езд" (подробнее см.: И. П. Лапицкий, ук. соч., стр. 61—64).

[в] Принесе же брат его челобитную на него исковую. — В XVII в. жалоба истца излагалась письменно в документе, носившем название „исковая челобитная" (И. П. Лапицкий, ук. соч., стр. 68—70).

[г] ис приказу — „городовые приказы", „приказные избы" или „приказные палаты" были местом, где воевода „с товарищи" производил суд. Широко известны „приказные избы" во второй половине XVII в. (И. П. Лапицкий, ук. соч., стр. 64—68).

Азбука о голом и небогатом человеке

Тема „голого", т. е. разорившегося по разным причинам человека, посадской литературе XVII в. подсказывалась самой действительностью. В течение всего XVII в. в посадах шла ожесточенная борьба „середних и молодших людей" со светскими и духовными феодалами; „беломестцы", захватывавшие

городские земли и торговые места, и „мужики, горланы и ябедники“, как называют челобитные „лутчих посадских людей“, т. е. богачей, представителей нарождавшейся буржуазии, чинили злоупотребления при раскладке посадского тягла и разными способами доводили до обнищания трудовое население посада. Обедневшие посадские бросали свои дворы, если их еще не успели захватить „насильством“ посадские богатеи или более сильные родственники, в результате чего оставались „места пусты“, а бедняки „бродили меж двор“, „скитались меж двор“, — этими постоянными терминами определяют документы XVII в. положение обнищавших посадских тяглецов.

Именно такой представляется биография „голого и небогатого человека“, изложенная в форме „толковой азбуки“ и представляющая собой монолог-рассказ бедняка о его безвыходном положении, перемежающийся воспоминаниями о жизни в родительском доме, гневными обвинениями тех, кто довел „голого“ до разорения, жалобами на заимодавцев, все отобравших за долг и не дающих больше взаймы, размышлениями о том, что смерть лучше „позорна живота“.

Биография „голого“ выясняется из этого монолога лишь в самых общих, но типичных для посадского человека XVII в. чертах. „Молодец“ жил в довольстве: „У отца и матери моей бывала всегда аладьи да масляные блины горячие и пироги хорошие“. Ему достались от родителей дом и имение, но он был еще „млад“, и „сродичи животы отца“ его „рознесли“ (список А). В утерянном списке Забелина, относящемся к XVII в., история разорения „молодца“ описана наиболее определенно: „От сродников зависть, от богатых насильство, от сосед ненависть, от ябедников продажа, от льстивых наговор, хотят меня с ног свесть... Цел бы был дом мой, да богатые зглотали, а родственники розграбили“. Эта типичная для посадского быта XVII в. картина с течением времени в поздних списках „Азбуки“ становится менее выразительной. Однако некоторые детали ее сохраняются. Например, в списке П упоминается, что имением, которое оставили герою „отец и мати“, „лихие люди завладели“. Эти „лихие люди“, видимо, продолжали преследовать „молодца“: „Увы мне, бедному и беспомощному, где мне ото многих лихих людей деватися?“. Все движимое имущество ушло за долги: „Феризи были у меня самые добрые рогозиные, а завязки мочалные, да и то люди за долг взяли“, — иронизирует „голый“, отмечая крайнюю степень обнищания. О своем прошлом богатстве, точнее зажиточности, он вспоминает с горечью: „Я коли был богат, и тогда голенких ворами нарекал, а до сего дни и сам в ту славу попал“. „Лихих людей“ винит в своих несчастьях „голый“ и в тексте по списку З, но он вспоминает, кроме того, отдельно какого-то „богатого мужика“, которому „икнетца“, потому что бедняк „его всегда“ поминает, „а он тово не знает“. Видимо, этот „богатый мужик“ особенно виноват в разорении „молодца“, который теперь с нескрываемым озлоблением бросает упрек всем богатым: „Люди, вижу, что богато живут, а нам, голым, ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што

денги берегут". Прямой угрозой звучит этот упрек в старшем списке: „Люди богатые живут славно, а голенких не ссужают, на беду себе денги копят" (А). Если вспомнить ряд восстаний в посадах в середине XVII в., во время которых было побито немало богачей, своими „насильствами" вызвавших ненависть трудового населения, то станет ясным, о какой „беде" предупреждает „голый" богатых. С особой угрозой он обращается к обидевшему его „богатому мужику": „Охнул бы у меня мужик, как бы я ево дубиною по спине ожег, чтоб впред бы на меня зла не мыслил" (А).

Противопоставление богатых „голенким" звучит не раз в тексте „Азбуки": „Люди богаты живут, а нас, голенких, не слушают" (П), „Страмно мне, убогому, з богатыми в пиру сидеть, на них платья цветная, а на мне балахонишко и то в полденги" (П), „Есть в людях много добра, да без закладу не верят" (В).

Разоряемый „молодец" запутался в долгах и часто вспоминает „лихих людей", „должников", которые последнее отняли за долги и теперь „без закладу" не дают, а „голому" уже и есть нечего. Безвыходность положения рождает у него отчаяние: „На што живот мой меня позорит, не лутче ль живота смерть мне принять" (З), „На что же живот мой позорен бысть, лутче бы смерть принял, нежели уродом ходил" (П). Путь к смерти он видит через преступление: „Чужова было мне не хотелось, а своего не случилось, тепереча не знаю, как промышлять, не лутче ли итти воровать, так скорея меня повесят" (З).

Резкое осуждение феодально-крепостнического строя, при котором „лихие люди", „богатые мужики" безнаказанно могут „зглотать" имущество соседа, — кроется за этой обобщенной биографией когда-то зажиточного „молодца", превратившегося в „голого". Грустно-иронический тон его размышлений над настоящим безвыходным положением („Ферези были у меня хорошия рагоженныя, а завяски были долгия мочалныя", „Шел бы я в город и купил бы себе сукна и сшил бы шубу с королки, да тем лиш, что животы та у меня коротки", „Ерзнул бы за волком с сабаками, да не на чем, а бежать не могу", „Ехал бы в гости, да не на чем, да никуда не зовут" и т. д.) лишь подчеркивает полные гнева обвинения против богатых. В этой характеристике произвола богатых и заключается сатирический смысл „Азбуки о голом и небогатом человеке".

Герой этого произведения — один из многих пострадавших от безудержной эксплуатации и произвола, разоренных бедняков, которые либо, подобно „молодцу" из повести о Горе-Злочастье, разливались в жалобах, считая уход в монастырь единственным способом избавиться от своего бедственного положения; либо, как „голый" в „Азбуке", прямо обвиняли в своих несчастьях богатых, т. е. господствующий класс, угрожали им „бедой" и „дубиной" — личной расправой, или хотя бы думали о „воровстве" (так называли в XVII всякое выступление против законов); либо, наконец, действительно принимали участие в антифеодальных движениях посада и крестьянства. У наиболее активной части этой среды росли ненависть к властям, как светским, так и

духовным, антиклерикальные, а порой и антирелигиозные настроения, неприятие всего феодально-крепостнического строя. В „бунташное время“, как называли современники период антифеодальных выступлений XVII в., именно в этой среде слагались „воровские письма“ — прокламации, призывавшие к расправе с виновниками произвола и злоупотреблений, и литературные произведения, в обобщенных образах обличавшие гнет феодально-крепостнического государства.

„Азбука о голом и небогатом человеке“ не была, видимо, единственной попыткой изобразить обездоленного „насильством“ человека. Сохранился отрывок пародии на исповедь, в которой другой „нищий“ смело признается в своих „беззакониях“: „Сего ради нищь есмь, села не имею, двора своего не стежаю, по морю плавания не сотворяю, князю я не служю, и боярам я не точен, и в слугах я не потребен, книжному поучению забытлив, церкви божии не держюся, отца своего духовного заповедь преступаю, темь бога прогневляю, на всякая дела благо не паметьлив, беззакония исполненн, грехи совершен. Дай же мне, господи, преже конца покаяне“.* В отличие от героя „Азбуки о голом“, доведенного до отчаяния, до мыслей о смерти, этот „исповедник“, тоже нищий, скорее с веселой иронией признается в том, что он „беззакония исполнен“, однако считает себя вправе получить „покаяние“, т. е. прощение, „прежде конца“, — он еще умирать, как видно, не собирается.

Приурочивание „Азбуки о голом“ к XVII в. подтверждается и некоторыми реалиями ее. Так, к этому времени ведут некоторые названия одежды, употребленные в „Азбуке“, например, ферязь и однорядка, шитая из сукна „с королки“, которые носили средние слои городского населения.** В списке XVII в. сохранилась деталь, позволяющая отнести сложение „Азбуки“ ближе к середине века: здесь упоминается „мыт“ — один из видов пошлин, существовавших в Московской Руси и отмененный новым торговым уставом 1667 г. („Ял бы я, молодец, рыбу осетрину свежую, да мыт меня изоимет“ — в списках XVIII в. эта фраза, видимо уже непонятная, опускается).

Есть некоторое основание полагать, что „Азбука“ сложена в Москве. Два списка XVIII в. упоминают о том, что герой живет в Москве, в утерянном же списке Забелина отсутствовало начало текста, где идет об этом речь. Во всяком случае текст „Азбуки“ в Москве был известен: список П кончается рас-

---

* Х. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, стр. 144—145. — Текст издан по рукописи собрания ОЛДП, О. CXXXII, начала XVIII в.

** Ферязь и однорядка известны по памятникам с XVI в.; см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1898, стлб. 619; т. III, СПб., 1912, стлб. 1354; ср.: Н. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887, стр. 53—95.

сказом героя о его жене „Соломиде“ (Соломониде?), которая просилась у него „ко всем святым на Кулишки богу молится“. Кулишки — часть города Москвы, где были церковь в честь „всех святых“ и богадельня для неимущих.* Если даже эту приписку сделал не автор, а переписчик XVIII в., то все же она говорит о его хорошем знакомстве с Москвой.

„Азбука о голом и небогатом человеке“ разрабатывает свою тему в характерном для литературы второй половины XVII в. направлении: автор ее обнаруживает живой интерес к душевным переживаниям своего героя. Монолог „голого“ — это не столько рассказ о фактах его биографии, сколько о переживаниях, вызванных этими фактами, о настроениях обездоленного человека, размышления его и над своей судьбой и над окружающими людьми. Авторской речи в этом произведении нет, весь рассказ ведет герой, он сам дает оценки своим обидчикам, сам описывает и свое душевное состояние. Вот он вспомнил о том, как некий „добрый человек“ „посулил“ ему денег взаймы, да не дал; с помощью умело подобранной пословицы дается оценка такого поступка: „на что б сулить, коли нечево дать“. „Голый“ видит, что „люди богато живут“, у них „всего много“, они „пьют и едят“, но до бедных им дела нет: „нас, голенких, не слушают“, „мне не дают“. „Голый“ недоумевает: человек он „доброй и славной“, а „покушать“ ему „нечево и никто не дает“; „хочется“ ему „пожить, как добрые люди живут“, да „нагота и босота с ног свалила, а взять негде“. Такими грустными размышлениями постоянно прерывается его рассказ. Грусть переходит в горькую иронию над своей бедностью, над тем, что люди его покинули, никто не поможет.

Весь рассказ ведется живым выразительным народным языком; речь „голого“ — бытовая, украшенная ритмичностью народнопоэтического сказа („Щеголил бы частенко да нарядился б хорошенко“, „Обмылся бы я беленко, нарядился хорошенко“, „Земля моя пуста и травою вся поросла“, „Люди, вижу, что богато живут, а нам, голым, ничего не дают“ и т. д.), устойчивыми фразеологическими словосочетаниями („нагота и босота“, „холоден и голоден“, „наг и бос“ и т. п.), сближающими иногда „Азбуку“ с челобитными жалобщиков, оказавшихся в положении разоренного „молодца“ („насильство от богатых“, „продажа от ябедников“, „богатый мужик“, „земля пуста“, „шатаюсь. . . меж двор“ и т. п.). Когда „голый“ начинает иронизировать над своими несчастьями, автор вводит в его речь народные поговорки на эту тему, с характерной для них в народной поэзии того времени иронической интонацией, слегка лишь изменяя эти поговорки, известные нам по записям в сборниках пословиц и поговорок конца XVII в.: „Ехал бы в гости, да не на чем, да никуды не зовут“ (З, В), „Ехал бы в гости, да никуды не зовут“, „Шел бы я в гости, да никто меня не зовет“ (ср. поговорку: „Ехал бы в гости, да никто

* С. Соловьев. История России, т. II. СПб., 1894, стлб. 2108.

не зовет“ *), „Сшил бы к празднику однорядку с королки, да животы та у меня коротки“ (В) (ср. поговорки: „Носил бы однорядку с королки, да животы коротки“ или „Зделал бы однорядку с королки, да животы коротки“ **). Эти пословицы и поговорки вводятся не как цитаты, подтверждающие мысль, а вливаются органически в ткань рассказа.

Монолог „голого“ вставлен в рамку „толковой азбуки“. Эта форма требовала такого изложения темы, при котором каждая следующая фраза начиналась бы со славянского назв́ания идущей по порядку алфавита буквы. Эта система выдерживалась не всегда, так как названия букв типа „буки“, „ук“, „ферт“ и т. п. трудно было вставить в текст. В таких случаях требовалось лишь воспроизведение начальной буквы названия.

Форма „толковой азбуки“ была известна в русской литературе уже в XII в., когда были усвоены церковно-славянские переводы византийских азбучных молитв; затем до XVI в. включительно азбучная форма используется часто для изложения церковно-догматических или церковно-исторических тем, причем часть этих толковых азбук начинается словами „Аз есмь“, большинство имеет в начале „Аз“ как название первой буквы алфавита. В XVI в. был сложен в азбучной форме монолог кающегося в грехах человека: „Аз есмь обязался куплями житейскими и печалми суетными. . .“ (рукопись ГПБ, О. XVII. 164, XVI в.). Часть „толковых азбук“ включалась в программу первоначального обучения, вошла в XVII в. в печатные грамматики и прописи. С XVII в. тематика „толковых азбук“ расширяется вопросами бытовой морали, причем общая тенденция этих новых „азбук“ — укрепить в сознании читателей консервативную мораль прошлого. Например „Азбука писана о хмелю“ (рукопись ГБЛ, собрания Ундольского, № 552, XVII в.) подбирает под каждую букву алфавита накопившиеся в обличительной литературе наставления на тему о том, как надо „во славу божию испити“ вино, не предаваясь пьянству, потому что „пьяницы царствия божия не наследят“.*** С организацией в XVII в. общественных школ начали создаваться виршевые „азбуковники“ — своды правил школьного поведения; в этой форме был написан и панегирик розге как необходимому спутнику обучения и воспитания — „Аще ли же без розги измлада возрастится, старости не достиг, удобь скончится“.

На таком фоне применение азбучного жанра для монолога „голого и небогатого человека“ представляется сознательно выбранным средством подчерк-

---

* П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц и поговорок, загадок и проч., XVII—XIX ст., вып. 1. СПб., 1899, I, № 1653; II, № 398; Сборник пословиц собрания бывш. Петровской галереи БАН СССР, № 629.

** П. К. Симони, ук. соч., I, № 1789; Сборник бывш. Петровской галереи, № 315.

*** Изд.: В. В. Попов. Азбука о хмеле. Известия общества археологии, истории и этнографии, т. XVII, вып. 5—6, стр. 349—361.

нуть контраст между привычным содержанием „толковых азбук", утверждавшим незыблемость феодально-крепостнического строя, и размышлениями разоренного человека над „насильством" „богатых мужиков", которые „зглотали" его „живот". Традиционное начало „Аз есмь. . ." имеет поэтому в „Азбуке о голом" оттенок пародии.

В начале XVIII в. появляются такие произведения, располагающие материал по разделам, начинающимся с очередной буквы алфавита, как „Роман в стихах" — история двух несчастных разлучаемых любовников,* или стихотворная биография подьячего.** К этому же времени относится, видимо, „Азбуковник о прекрасной девице", текст которого воспроизводим по рукописи собрания Вахрамеева, № 704, XVIII в. (лл. 9—10). Тема этого „Азбуковника" — рассказ о любви девушки до замужества, о необходимости скрыть эту любовь — известна по песне XVIII в., где можно найти такое же натуралистическое изображение встреч с милым,*** а также более подробно развита в отрывке „Романа в стихах" конца XVII — начала XVIII в.

АЗБУКОВНИК О ПРЕКРАСНОЙ ДЕВИЦЕ

Аз

Аз есмь прекрасная девица.

Б

Была есмь утрось рано у заутрени.

В

Видила доброго молодца.

Г

Говорила с ним возлюбленное слово.

Д

Добродетель с ним, молодцем, учинился, в сахарные уста целовался.

Е

Есть мне ево за что любить, прекрасного молотца.

* В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 45—58.

** В. Ф. Покровская. Стихотворная биография подьячего. Труды ОДРЛ, т. II, 1935, стр. 292—300.

*** См. песню „Худа жена мужу сухота" в записи XVIII в., изданную в книге: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские И. А. Вахрамеева, вып. 3. Сергиев Посад, 1892, приложение, стр. 180 и сл.

Ж

Живот мой иссох по добром молотце.

З

Зело мне миленькой полюбился.

S

Земля мне своя продать, а друга милого докупитца.

И

Иного я не обретаю себе таковаго дородного молотца.

І

І ему мене любить, а мне ево целовать, а ему за то не стоять.

К

Как мне ево не любить красного молотца.

Л

Люди мне, девице, завидуют.

М

Мысли мене имают на доброго молотца смотреть.

Н

Наши соседи завидливые.

О

Ох мне, красной девице!

П

Пухни на них кожа на б. . . детях.

Р

Рекл мне миленкой, хотел ко мне побывать.

С

Сени у девицы не дотворены и перина приготовлена.

Т

Трои куры пропели, а милого долго нет.

V

Vчетца мне, девице, по добром молодце.

У

Увы мне, красной девице.

Ф

Фители у девицы пригорают, а милого долго нет.

Х

Холопа послать стыжуся, а сама итти и боюся.

Ѿ

От своих соседей завидливых.

Ц

Цимвалы про милого приготовлены.

Ч

Чем с надежею веселитися.

[Под буквами Ш—Ь натуралистически описывается встреча с милым, а с буквы Ю идет рассказ о покаянии у попа].

Ю

Юрий поп молитву дает.

КС

К Симону попу не иду и грех не скажу.

ПС

Пси мои на милого не лают, разлучников б... детей не знают.

Ѳ

Ѳилипу попу каюся во всех грехах.

V

V как мне ни жить, а с миленьким свидится.

Послание дворительное недругу

В числе форм деловой письменности, служивших в XVII в. для сатирического или юмористического изложения темы, были образцы письменных обращений к лицам разного звания и положения, находящимся в различных слу-

жебных или родственных отношениях к пишущему. Эти „письмовники“, или „формулярники“, особенно широко бытовавшие в XVII и даже в XVIII в., предусматривали самые разнообразные потребности деловой и семейной, дружеской и официальной переписки. В них можно было найти примерные обращения к лицам духовного звания — от патриарха до „отца духовного“, военного звания — от „воеводы в полк“ до воина, к „честнейшему человеку и великого рода“ и к „человеку просту“, к „посадскому человеку“, к родным — отцу, матери, жене, мужу, к „другу верну и благочестиву“, но и к „другу гордому и спесивому“, „от любовника к любовнице“, и т. п.

Среди этих образцов были и такие, в которых уже самое начальное обращение давало тон дальнейшему содержанию письма: „к другу с бранию великою“, „ко учителю гордому“, „ко другу гордому и спесивому“ и, наконец, „непостоянному другу с помехою“.* Наличие таких осудительных интонаций в примерных образцах писем могло послужить стимулом к созданию в форме „посланий“ литературных пародий, разнообразного — то юмористического, то сатирического — содержания. Элемент пародии намечался уже в самих „формулярниках“, когда рядом, например, с хвалебным обращением „к учителю“ („Крепкоумному смыслу и непоколебимому разуму, художеством от бога почтенному, риторскаго и философскаго любомудрия до конца навыкшему, учителю моему имрек“) предлагалось такое начало послания к „учителю гордому“: „Фарисейским величаньем возносителю, учения же любозрительнаго уклонителю, . . . не наученым своим кичением философиши и мудрътвуеши и мятешися, и плевелы своя в мир всеваеши, государю своему имрек“. Или параллельно с торжественным началом письма к „другу“ („Любителю моему и благодателю сладостныя гортани медоточнаго словеси, по образу божию и по подобию созданаго, и благообразного вида и добродетелнаго, паче же во благочестии сиящу, государю моему сердешному имрек“) предлагается обращение к „другу с бранию великою“: „Столпу повапленому, тмы темныя чадомрачному, племени Гавопицкому, семени Холдейскому, телу позлащеному, ефиопу прегордому, роду Ханаанского хамоде (так!), прирожденныя прелести помраченыя, другу моему имрек“.**

Уже от начала XVII в. известен пример использования формы послания для создания полушутливого-полусерьезного произведения. Речь идет о так называемом „Послании дворянина к дворянину“,*** сохранившемся в единствен-

* См. образцы таких „формулярников“ в статье: А. Ф. Бычков и Н. Н. Калачов. Старинные формулярники. Летопись занятий Археографической комиссии. 1861 год. СПб., 1862, стр. 34—49.

** Там же, стр. 42—43.

*** Не вполне точно издано: Н. К. Никольский. Рифмованное „Послание дворянина к дворянину“ XVII-го века. Библиографические запи и, 1892, № 4, стр. 1—2.

ном списке ГПБ, собрания бывш. Софийской библиотеки, № 1480, где оно занимает лл. 152—155 об. И. И. Смирнов весьма убедительно доказал,* что Фуников Иванец, от лица которого написано послание, — историческое лицо: в писцовых книгах Тулы и Тульского уезда за 1587—1589 гг. сохранились сведения о „сельце Рожественом“, которое принадлежало двум братьям Фуниковым — Ивану и Кузьме Васильевым. В описании этого владения есть еще сведения об отце Фуниковых; таким образом, оправдывается сообщение послания, что Ивану Фуникову „немало лет“, что он уже „сед“.

Исторически точная передача расправы крестьян с помещиком Фуниковым в послании позволяет датировать его временем, близким к подавлению восстания Болотникова, т. е. весной 1608 г. Судя по тому, что автор послания скрыл своего адресата под неопределенным „имярек“, можно предполагать, что такого реального адресата и не было, что рассказ о разорении поместья Фуникова лишь облечен в форму послания. Начало послания выдержано в типичном стиле „формулярников“, даже с сохранением „имярек“. По самому стилю этого начала можно думать, что автор обращается со своим рассказом о пережитом прежде всего к людям такого же, как у него, общественного положения, возможно даже к более высокому „покровителю“, поэтому он и начинает его обращением, напоминающим письма „к боярину“ из „формулярника“. Рассказ состоит из двух резко различающихся по их литературному выражению частей: злоключения Фуникова описаны в характерном для народного юмора стиле, бедствия же всего государства изложены в духе повестей о смутном времени, описывающих разорение государства. Воспроизводим собственно эпистолярную часть этого послания.

„Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скуднаго моего жителства присносущу питателю, государю моему имярек и отцу имярек, жаданный видети очес твоих светло на собя, яко же преже бе не сытый зримаго и многоприятнаго милосердия твоего Фуников Иванец, яко же прежней рабец, греха же моего ради яко странный старец.

Вожделен до сладости малаго сего писанейца до твоего величества и благородия, не простирает бо ся сицево писанейцо за оскудение разума моего и за злу ростоку серца моего. Точию рех ти: буди, государь, храним десницею вышнаго параклита.

А по милости, государь, своей, аще изволишь о нашемь убожестве слышати, и я, милостию творца и зижителя всяческих, апреля по 23 день, повидимому, в живых. А бедно убо и скорбно дни пребываю, а милосердия твоего, государя своего, всегда не забываю. А мне, государь, Тулские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки,
да вкинули в тюрьму, и лавка, государь, была уска,

---

* И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. Л., 1949, стр. 517—519.

и взяла меня великая тоска,
а послана рогожа, и спать не погоже.
Седел 19 недель, а вон ис тюрмы глядел.
А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе,
за старые шашни хотели скинуть з башни.
А на пытках пытают, а правды не знают.
Правду-де скажи, а ничего не солжи.
А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился:
не много у меня ржи, нет во мне лжи,
истинно глаголю, воистину не лжу.
И они того не знают, болши того пытают.
И учинили надо мною путем, мазали кожу двожды кожу кнутом.
Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил,
баня дурка да и мовник глуп.
Высоко взмахнул, тяжело хлыснул,
от слез добре велик, и по ся места болит.
Прикажи, государь, чем лечить,
а мне, государь, наипаче за тебя бога молить,
что бог тебя крепит, дай господи, и впредь так творить.
Да видех, государь, твоего, государя моего имрек, рукописание прослезихся,
и крепости разума твоего удивихся,
а милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся,
и богу моему за тобя, государя моего, помолихся.
Да от сна вставая и спать ложась, ей-ей всегда то ж сотворяю.
А тем, государь, твое жалованье платить,
что за тебя бога молить, да и всяк то говорит: добро-де он так творит.
Да писал бы, государь, немало,
да за великой смуток разума не стало.
Приклоних бо главу свою до земля, рех ти: здравствуй, государь мой, о Христе Аминь.

Да немало, государь, лет,
а разума нет, и не переписать своих бед.
Розван, что баран, разорен до конца, а сед, что овца.
Не оставили ни волосца животца, и деревню сожгли до кола.
Рожь ратные пожали, а сами збежали.
А ныне воистинну живем в погребище, и кладем огнище,
а на ногах воистинну остались одне голенища, и отбились голенища.
Зритель, государь, сердцам бог, не оставили шерстинки,
ни лошадки, ни коровки, а в земли не сеяно ни горстки.
Всего у меня было живота корова, и та не здорова.
Видит бог — сломило рог.
Да бог сердца весть — нечего есть.

Велел бог пожить, и не о чем тужить.
А я тебе, государю моему, преступя страх,
из глубины возвах, имя господне призвах,
много челом бью. . .
Не прогневайся, что не все беды и разорения пишу, не бо ум мой постигнути или писанию предати возможет. Да и тебе, скорбьна, скорбь не наложу. Твоя ж и моя вся взята быша без останка".

„Послание дворительное недругу", сохранившееся в копии начала XVII в., близко к „Посланию дворянина к дворянину" и по времени своего сложения, и по литературной манере. Оба послания подражают примерным посланиям „письмовников", в них наблюдается одинаковая рифмованная проза, даже почти тождественные фразеологические обороты. „А писать было к тебе немало, да разуму не стало", — так обращается к „недругу" один автор; так же пишет „государю" своему и второй автор от имени Иванца Фуникова: „Да писал бы, государь, немало, да за великий смуток разума не стало". Оба автора рифмуют, как и в народных пословицах, „рожь" и „ложь".

Этим стилем описаны злоключения Фуникова во время нападения на его поместье крестьян, ушедших в отряды Болотникова; автор „Послания дворительного недругу" обращается в ироническом тоне, видимо, к взяточнику, берущему взаймы без отдачи, принимающему любые подарки. Оба автора иронически относятся к своим героям, оба прибегли к сходной форме изложения.

В „послании дворянина" нет антифеодальной тенденции, но назвать „старыми шашнями" поведение помещика мог лишь тот, кто, даже явно не сочувствуя восстанию крестьян, считал заслуженной расправу их с помещиком. Вряд ли сам Фуников допустил бы в письме такое самообвинение; „послание" сложено от его имени кем-то, хорошо знавшим его быт.

Автор „Послания дворительного", видимо посадский, пострадавший от взяточника приказного или землевладельца, иронизирует над своим классовым врагом в стиле народной сатиры, используя не только ее стилистическую форму, но и антифеодальный смысл.

Сказание о роскошном житии и веселии

За описанием сказочного изобилия „поместица малого", пожалованного дворянину, в „Сказании о роскошном житии и веселии" скрывается сатирический замысел. В этом „поместице" все „самородно", здесь никто не трудится, „никакия печали не бывает". Но на пути к этому изобильному поместью, как иронически заканчивает описание автор, „берут пошлины неболшия: за мыты, за мосты и за перевозы — з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям". А „прямая дорога до тово веселья" обозначена таким маршрутом, который выдает сразу „небылицу", рассказанную с целью высмеять мечту о „веселом житии" без труда, без забот. Гиперболизм самого описания сказочного изобилия, откровенная насмешка автора над „охотником", который

„пьян напьется“, а ему и постели и „перины мяхкие пуховые“ приготовлены, а потом „похмельному“ и „похмельные яди“ поставлены, комическое описание „озера вина“, „пруда меду“, „болота пива“ и т. д. — все это показывает, что перед нами социально заостренная пародия на сказки о реках медовых с берегами кисельными. В действительности эта сказочная страна оказывается „дворянским поместицом“, где с народа за все берут пошлины.

Самый стиль этого „Сказания“ — рифмованная ритмическая проза — сближает его с сатирической литературой XVII в. Чем больше развивается повествование о сказочной стране изобилия, тем яснее становятся в нем черты типичного для демократической литературы ритмического сказа; даже рифмы и устойчивые словосочетания напоминают эту литературу и ее пословичные образцы: „сорочек и порт... шесты повешены полны“ (ср. „наготы и босоты понавешаны шесты“ в „Службе кабаку“), „всяк пришел, пей да и на голову лей“, „лошки и плошки“ (ср. пословицу: „животы у старца толко лошка да плошка“) и т. д.

Это описание страны сказочных богатств ни в малой мере не напоминает традиционные представления древнерусской литературы о рае, с его „светом неизреченным“, „самосиянным“, которого „не мощи человеку исповедати“, „ликованием“, „веселия гласами“, откуда ангел „ветвь приносил“, Ефросим три яблока вынес, а Агапий „часть хлеба взял“.* В „Сказании о роскошном житии и веселии“ все чрезвычайно конкретно. Начав рассказ в несколько повышенном риторическом тоне („езера сладководные“, „земли доброплодные“, „цветы разноцветущие“ и т. д.), автор чем дальше, тем больше насыщает его конкретными подробностями, нагромождая названия деревьев, птиц, рыб, судов в „корабельных пристанищах“, животных, кушаний, напитков, одежд и проч. Вместе с тем в рассказ вплетаются эпизоды, которые показывают, что, сознательно преувеличивая изобилие „поместица малого“, автор стремится вызвать у читателя насмешливое отношение к жизни в этом поместье, где никто ничего не делает, все „самородно“. Потому-то он рисует комическую картину двора, где на голос человека птицы слетаются сами, врываются в окна, двери, чтобы человек их поймал, а ненужных отогнал; где „великими стадами подходят“ рыбы, которых тоже ловят через двери и окна. Комизм становится все острее, когда перед читателем открывается „болото пива“, из которого „пей, да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся“. Так постепенно „Сказание“ превращается в небылицу. Но на пути в это дворянское поместье за все берут пошлины: автор наводит на мысль, что изображенная им беспечальная жизнь не для всех: хозяин ее — „добры и честны

* Апокрифические сказания о рае см.: Памятники старинной русской литературы, вып. 3. Изд. Г. Кушелева-Безбородко, СПб., 1862, стр. 134—142; Послание архиепископа новгородского Василия к Тверскому епископу Федору о земном рае. Полное собрание русских летописей, т. VI, СПб., 1853.

дворянин". Описав эту жизнь в стиле небылицы, доведя ее изображение до карикатуры, автор тем самым вскрыл иронический оттенок эпитетов, присвоенных дворянину: этот „добры и честны" дворянин — образец человека, не знающего труда.

Возможно, что за этим „Сказанием" стоял какой-то польский оригинал, до сих пор не установленный исследователями. В языке „Сказания" встречаются польские слова: „самохотне", „плоды объявляя", „остаточных", „мосяровых" (медных), „кружцов" (руды), „мили польские", „кокоши", „охотник" — в значении расположенный, „самородно", „уломки" „роскоши" и др. Но в том виде, в каком он дошел до нас, рассказ наполнен русскими бытовыми подробностями, число которых все возрастает по мере развития сюжета, а перечень пошлин напоминает разнообразные их виды, тяжело ложившиеся в XVII в. именно на русское трудовое население.

Сделанное в стиле небылицы описание пути в чудесную страну пародирует популярные в XVII в. „дорожники" — своеобразные путеводители, указывающие маршруты и внутри России и за ее границами.*

Судя по перечню украинских городов (Чернигов, Переяславль, Черкасск, Чигирин), это сказание сложилось где-то на юго-западе, но прошло через руки переписчика великоросса.

Повесть о Фоме и Ереме

Текст „Повести о Фоме и Ереме" очень неустойчив и в рукописной традиции, и в устных вариантах. Смысл ее иногда уточняется определением двух братьев: „Были себе да жили два брата родные, некуды негодные" (список ГПБ, О. XVII. 57, л. 279, очень близкий к списку Вахрамеева). Если в том варианте, который представлен списками Вахрамеева и ГПБ, О. XVII. 57, братья — дворянские дети, то список Ундольского, № 1126, иронически называет их „знатные люди", „торговые".

В списке ГПБ, О. XVII. 4, братья — „торговые люди", и рассказу о том, что им и есть нечего, и денег в мошне нет, и ничего делать они не умеют, предшествует ироническая характеристика их жизни: „Славные люди, славно живут, сладко пьют и едят, носят хорошо". Кончается повесть в этом списке нравоучительным выводом: „Обоим дуракам упрямым смех и позор!". Это явно позднее добавление писца XVIII в. Список Киевского церковно-археологического музея, № 533 (О. 8.32), 1724 г. приписывает конец: „Как они жили, так они умерли, кончина им пришла, некрасная их смерть. Здесь были не люди, а там не родители. Житию и повести Еремы с Фомою и чудесе их конец".

Надпись к лубочной картинке XVIII в. подчеркивает неудачливость братьев: они, „седчи на бугор, о промыслах раздумались: нет нам, брат, с тобой

* Ср.: Д. М. Лебедев. География в России в XVII веке. М., 1948.

удачи ни в чем". И далее описывается лишь, как они одинаково неудачно пробовали охотиться и рыбу ловить, утонули и, „оба упрямы, со дна нейдут". Эта надпись вводит новое лицо — „Парамошку Кадыка", который избил братьев.*

В поздних вариантах, записанных с устного исполнения, шире круг занятий, которыми пытаются добыть средства братья: они пробуют „пашеньку пахать да и хлеб засевать", „обеденки служить", „овинчики сушить да рожь молотить", „при дороженьке стоять да обозы разбивать", наконец, „белу рыбицу ловить"; за последним занятием они и тонут, как и в старших рукописных текстах.** В варианте, записанном в Терской области, братья пробуют „лапти плести и на место нести", „горшки лепить и на продажу носить", „в церковь ходить, надо бога молить", и, как обычно, „рыбку ловить, свою душу живить".*** В варианте из Вологодской губернии братья пробуют и пахать, и „по миру ходить", „и торги торговать".**** В Вятской губернии эта старая песня-сказка записана как плясовая, в сильно сокращенном виде.***** В самый рассказ проникают элементы небылицы, и в конце концов утонувшие братья через три года снова появляются на торгу, в прежнем облике неудачников. В Казанской губернии под названием „обыденной" записана песня, герои которой хотя и переименованы в Лаврушеньку и Кузьму, в то же время сохраняют свои обычные черты; однако песня оканчивается иначе: потонув, братья „три года ныряли, на четвертыим году проявились в торгу" — один с рыбой, другой с икрой, но и здесь неудача: „У Кузьмы рыба утла, у Лаврушки промзгла".****** Сходный вариант как детская песня записан там же,

---

* Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 426; переизд. : А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII. СПб., 1902, стр. 10—11.

** Вариант из Симбирской губернии см.: Древняя и новая Россия, 1876, т. I, стр. 365 (публикация Н. Я. Аристова; переизд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 11—12); вариант этого текста из Тамбовской губернии см.: там же, стр. 364 (публикация Н. Я. Аристова; переизд.: Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 13—15).

*** Сборник материалов для описания местностей Кавказа, вып. XVI, стр. 306 (переизд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 16—17).

**** Отечественные записки, 1841, № 5, библиография, стр. 58 (переизд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 20—21).

***** Н. Абрамычев. Сборник русских народных песен. СПб., 1879, № 36 (переизд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 21).

****** В. Магнитский. Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 75 (переизд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII стр. 22—23).

в Казанской губернии, но в сокращенном виде.* Элементы небылицы варьируются у отдельных исполнителей. Так, например, в Яранском уезде, в селе Ижевском, в 1847 г. был записан вариант, в котором развит эпизод, повествующий о том, как братья решили пахать: „Ерема впряг кота, а Фома петуха, у Еремы не тянет, у Фомы не везет“; когда пришла пора „рожь зажинать“, „Ерема та взял шило, а Фома кочодиг, у Еремы то не режет, у Фомы то не берет“. Когда братья стали „кладушку класть“, то „на печной на столб котик скочил, кладушку уронил“, и т. д. Таким приемом усилен рассказ о незадачливых братьях, ничего не умеющих делать.** В пермском варианте — прозаической сказке — также усилен рассказ о беспомощности братьев, берущихся за труд: они „пашню распахали, ржи накидали; уродилась рожь хороша, ядрена, колосиста, волокниста. Колос от колосу — не слыхать голосу, сноп от снопа — палками кидали; суслон от суслона — перегонами гоняли“ и т. д.*** Последняя по времени запись, сделанная в Пошехонском уезде Ярославской губернии, показывает превращение этого рассказа в плясовую песню, с припевом „Уж вы лапти мои, лапоточки мои“, повторяющимся после каждых двух стихов песни. Четкий ритм характеризует эту песню, оканчивающуюся стихами:

Вот Ерема стал тонуть, Фому за ногу тянуть,
Вот Ерема то на дно, а Фома то там давно“.****

„Повесть о Фоме и Ереме“ во всех ее вариантах, разнящихся между собой лишь подробностями приключений, которые встречаются на пути двух братьев, неизменно показывает этих героев ни к чему не пригодными, ничего не умеющими делать. Эта сатира явно сложена в среде, ценившей труд, осуждавшей меткой пословицей или сатирической сказкой паразитов, живущих за чужой счет. Повестушка высмеивает братьев за то, что они ничего не умеют, в этом и видит причину их бедности, неудач и т. д.

А. Н. Веселовский пытался связать „Повесть о Фоме и Ереме“ с западной „смехотворной повестью“, образцы которой были переведены во второй половине XVII в.***** Эта книжная повесть, по Веселовскому, разошлась „в прозе и стихах чуть ли не по всей России: она известна в пересказах

* А. Можаровский. Из жизни крестьянских детей. Казань, 1882, стр. 57 (переизд.: А. И. Соболевский, ук. соч., т. VII, стр. 34).

** А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества, вып. I. Пгр., 1917, стр. 421—423.

*** Там же, вып. 2, стр. 763—764.

**** Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 29, 3-й этнографический сборник, Кострома, 1923, стр. 67.

***** См. раздел о повестях в книге: А. Галахов. История русской словесности, т. I. Изд. 3-е, М., 1894, стр. 502—505.

архангельской, вологодской, тверской, тульской, тамбовской, симбирской и саратовской губерний". Содержание этой повести Веселовский оценил как „плоское", комизм усмотрел „не в типах, а в ряде грубых неловкостей, уснащенных 'ударами".* По его мнению, герои повести — „неумелые упрямые шуты, постоянно принимающиеся за какое-нибудь пустое дело, и всегда неловко и без успеха". Веселовский не обратил внимания на то, что Фома и Ерема, которых повесть отделяет от народа, называя их то дворянскими детьми, то торговыми людьми, знатными, — берутся без успеха не только за „пустые дела": так же безуспешно они пробуют пахать, сеять, жать, молотить, строить, торговать, охотиться, рыбу ловить. Это не просто „неумелые упрямые шуты", это представители господствующего класса, не приученные к труду, те, о которых пословица XVII в. говорила: „Белые руки чужие труды любят". И когда они пробуют браться за дело, то при первой же неудаче его бросают. За внешне балагурной формой ощущается серьезная мысль: осуждение неспособного к труду паразита.

Вряд ли можно согласиться и с другой мыслью Веселовского: будто повесть „спустилась" в устную традицию. Именно широкое распространение устных вариантов на огромной территории свидетельствует о том, что они старше книжной повести. В книжной обработке, видимо, распадалась выдержанная ритмическая форма этого рассказа, в нем ритмические эпизоды чередовались с прозаическим текстом. Однако в целом повестушка сохраняла тенденцию к ритмическому строю. Что же касается самого облика героев, то он оставался без изменения, как постоянной была и насмешка над непригодными к труду братьями.

Веселовский прав лишь в том, что „Повесть о Фоме и Ереме", сохранившаяся в списках не раньше начала XVIII в., „известна была уже в XVII веке, потому что в начале следующего она попала на лубочную картинку".**

В сознании народных исполнителей Фома и Ерема, как и в книжной обработке, также являлись представителями господствующего класса. Поэтому в ряде вариантов песни о Щелкане Дудентьевиче Фома и Ерема названы в числе тех, кого „Возвяг Таврульевич" пожаловал селами, поместьями, городами с пригородками": „И Хому дарил Тотьмою, и Ерему Новым-городом".*** Самый этот факт отмечен Веселовским, но объяснение ему дано неверное, не учитывающее классовой оценки героев: „Неумелое шутовство Фомы и Еремы шло на руку певцам, сказывавшим про неправедный суд и ряд татарского

* См. раздел о повестях в книге: А. Галахов. История русской словесности", т. I. Изд. 3-е, М., 1894, стр. 503.

** Там же, стр. 504.

*** А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. III. Изд. 3-е, СПб., 1900, стр. 257, 372, 412, №№ 235, 269, 283.

хана; для сказочника они были готовыми типами, с именами которых наперед соединялось определенное «смехотворное значение»".*

На лубочной картинке Фома и Ерема изображены в немецких шутовских костюмах.** Однако использование западных образцов в практике лубочных изданий, вызванное слабо развитой в России XVIII в. техникой гравирования, еще ни в коей мере не доказывает западного происхождения самого рассказа о Фоме и Ереме. В нем нет ни малейших следов чуждого быта, никакого отпечатка языка иноземного оригинала. Традиция же сатирического изображения неспособного к труду человека в русской устной народной поэзии, а через нее и в литературе была издавна прочной и сформировалась вполне самостоятельно. Не случайно в старшем рукописном варианте „Повести о Фоме и Ереме" герои являются дворянскими детьми, получившими в наследство один „деревню", а другой „сельцо". Все приключения незадачливых братьев протекают в обстановке русского быта, рассказ ведется на живом народном языке.

Служба кабаку

Тема „кабака" — питейного дома, организованного правительством в середине XVI в. с целью пополнять его доходами царскую казну, — приобрела в XVII в. особую остроту. Постоянные напоминания целовальникам, ставившимся „на вере" торговать в кабаках, что они обязаны „искать перед прежним прибыли", действовать „бесстрашно, за прибыль ожидать его государевы милости, и в том приборе никакого себе опасения не держать, питухов не отгонять", — способствовали тому, что эти выборные вели себя в кабаке поистине „бесстрашно". Они спаивали и грабили народ, брали в заклад всякое имущество, поощряли воровство, драки и даже убийства, а затем отправляли „питухов" на „правеж" и на казнь. Оправдываясь тем, что они заботятся о царских доходах („Я, государь, никому не норовил, правил твои государевы доходы нещадно, побивал на смерть", — писал один из целовальников в 1618 г.), целовальники не забывали пополнять и свой карман, делая это так открыто, что правительство жаловалось в 1679 г.: „. . .объявилось многое воровство и питейной казне кража и во многих городах большие недоборы".***

В кабак загоняли народ, запретив крестьянам и посадским людям курить вино и варить пиво дома. Но насильно введенный в быт кабак, в котором головы и кабацкие целовальники обирали „нещадно", был ненавистен народу, и ряд челобитных XVII в. обращается к властям с просьбой „свести" „кру-

* См. раздел о повестях в книге: А. Галахов, ук. соч., стр. 504—505.

** Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 427.

*** И. Прыжов. История кабаков в России. СПб., 1868.

жечные дворы". Несмотря на жестокие наказания, вино продолжали курить тайно и продавать в корчмах.

В этой обстановке создается литературная сатира, которая, осуждая пропойцу, бьет прежде всего по кабаку, в живых реалистических картинах представляя именно кабацкое пьянство, поощряемое целовальником. Благодаря этому переключению внимания на условия, в которых людей спаивали, сатира приобретает социальный смысл, в отличие от многочисленных „поучений", осуждавших пьянство в общем моральном плане, рассматривавших его лишь в отношении к личному поведению человека.

Уже с первых строк раскрывается картина „кабака шалного", куда, выполняя наказ властей („питухов бы с кружечных дворов не отгонять", „искать перед прежним прибыли", — наказывала царская грамота 1659 г. архангельскому воеводе *), целовальники зазывали посетителей: „. . .кабаче погибелны, по вся дни привлачая к себе на веселие и на пропитие платья и денег. . . молча уловляеши человеки. . . долго быти повелеваеши у себе. . . говоришь, понеси, размахни, почерпни, наливай, потащи, закладывай, выкупай". Здесь пускают „в меньшей заклад в перстни, и в ногавицы и в рукавицы, и в штаны и в портки", здесь происходит „вседневное обнажение": пьющий „в три дни очистился еси до нага", „был со всем, а стал ни с чем". Рисуя эту картину, автор иронически обращается к пьющему: „Перстни, человече, на руке мешают, ногавицы тяжело носить, портки на пиво меняешь"; кабак „избавит тя до нага от всего платья", оставит „безо всего имения"; здесь ты „рукоделие заложил еси", здесь за неимением денег идет в заклад все, что ни попало; поэтому автор, пародируя язык книг, описывающих порядок церковных служб, приглашает от лица пьяниц: „позвоним во все платье", „зазвоним во все животы".

Именно этот мотив — кабак обирает людей до нага — проходит через всю „Службу кабаку", насыщая ее соответствующей лексикой.

Не менее последовательно через весь текст проходит и второй мотив — кабак учит воровать. Когда все пропито, а „в старый заклад не верят", тогда пьяница в кабаке принимается за воровство. Украденное пропивается тут же, и потому до поры до времени целовальник закрывает глаза на воровство. Этот мотив также порождает лексику, характерную для всего текста „Службы кабаку".

Когда пропито все и ограбленный приезжий пьяный „поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой, поидут стрелы ис поленниц", тогда „вознегодует на них целовальник и ярыжные напрасливы з батоги приводит, яко вихорь, развиет пьяных и очистя их до нага, да на них же утре бесчестие правят и отпустит их во свою землю безо всего". Так целовальник заканчивает „обнажение велие" пьяного, на этот раз уже в свою пользу, поэтому

* И. Прыжов. История кабаков в России. СПб., 1868, стр. 69—71.

„Служба“ и обвиняет всех целовальников, которые „неправым богатством возбогатеша“.

Рассказ о кабацком воровстве влечет за собой обычно и описание наказания вора. В отличие от дидактической литературы, угрожавшей пьяницам „небесной карой“ после смерти, „Служба кабаку“ лишь один раз вспоминает „дно адово“, однако обещает его не пьянице, а хозяевам кабака — целовальникам и тем „ярыжным“, которые помогают им отправлять на „казнь“ пьяных: „. . .целовальники неправым богатством возбогатеша, с веселием ждет вас дно адово, а ярыжные на криве божбою своею души свои ломайте, вам бо невозбранно адова врата отворяются и во аде болшое место готовится“.

Не видевший в жизни наказания этих хозяев кабака, автор вынужден утешать себя мыслью, что их ждет наказание „на том свете“. Но он хорошо знает, как расплачивались за кабацкое воровство и буйство пропившиеся пьяницы, с которых целовальник уже не надеялся что-либо получить, и потому их „казнь“ описана вполне реалистически, иногда с привычной для народной поэзии грустной иронией над безвыходным положением бедняка. Эта тема наказания также проходит через значительную часть „песнопений“ „Службы“. И заключительное „житие“ пьяниц заканчивается описанием их наказания: „Аще ли стерегущии изымают, то многия раны возлагают на тело их, последи же и узами железными свяжут и уранят и в темницу отдадут. . . Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда воспомянут родители своя и наказание их и ничто же им поможет“, — так грустно кончает автор своеобразно построенный рассказ о судьбе пропившегося на кабаке человека.

Во всех злоключениях пьяницы автор обвиняет кабак — воплощение бедствий, настигающих пропившегося человека. От имени пьяницы звучат „песнопения“, прославляющие кабак, перечисляющие тяжелые последствия кабацкого разгула. В этих „песнопениях“ кабак выступает вместо „святого“, добродетельные поступки которого восхваляются в церковно-служебной литературе. Пародируя эти „хвалы“, автор начинает такие „славы“ кабаку традиционными „радуйся“, „величаем“, нагромождая затем бранные эпитеты и снова прослеживая все ступени несчастной судьбы пьющего на кабаке человека; само физическое состояние пьяницы, описывать которое с натуралистическими подробностями считали обязательным также и „поучения“ о пьянстве, дает материал для эпитетов кабака. „Тебе ради, кабаче непотребне, — обращается к нему спившийся до нага, — люди меня ненавидят, взаймы мне не дадут, с похмелья еси великая стонота, очам еси отемнение, уму омрачение, рукам трясание, старость еси человеком недобрая, не христианскою смертию мнози человеци на тебе умирают“. Как в церковном „величании“ святому выделяется основная черта его подвига, так и в „Службе кабаку“ „величание“ напоминает прежде всего, что кабак — „обнажение велие“: „Величаем тя, кабаче веселый, и чтем собину свою, ты бо лупиши с нас и велиш нам по миру скитатися“.

„Стихиры“, построенные как прославление и начинающиеся традиционным „радуйся“, подробнее развивают все основные темы „Службы“: кабак доводит до нищеты, учит воровать, делает пьяницу ненавистным даже его родным, приводит его к наказанию кнутом и к тюрьме: „Радуйся, кабаче непотребный, несытая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная нищета, чужая сторона от тебе неволею познавается“, „Радуйся, корчмо несытая, людем обнажение велие в мале часе, а на опосле печали умножение. Во всю землю слава идет про тебя неблагодарная“, „Радуйся, кабаче веселый, яко мнози тобою хвалятся и хвастают, по мале же и нищетою болят, проповедают чюдеса твоя великая“, „Радуйся, кабаче веселый, с плачем людский губителю, приезжим гостем досада великая! Кто на тебе побывает, тот всего повидает, учителю молодым и старым и безумным“, и т. п.

Как видим, автор „Службы кабаку“ строит свое „злословие“ на материале самой жизни, избегает оценочных эпитетов общего характера, дает реальные картины кабацкого быта. Не уводя в размышления о „греховности“ пьянства, не морализируя „вообще“, автор обличает конкретное зло и зовет тем самым бороться с ним. Вот почему он, давая оценку кабаку, не более двух-трех раз прибегает к книжной фразеологии. „Се довлеет нам, братие, отбегати, яко ото лва, снедающа человека“, — так определяет он пьянство, выразительно описав, как постепенно человек приучается пить. Характерно, что этот вычурный образ появляется там, где нет еще речи о самом кабаке. В другом месте автор называет пьянство „рвом самохотным“, „рвом погибели“. Эти образы встречаются в „песнопении“, которое отходит от главной темы произведения и традиционными цитатами из учительной литературы напоминает о вреде пьянства: „Невинно бо есть нам вино, но проклято есть пьянство с неудержанием. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель. Яко бог прославится в разумном человеце свет бо ему разум, им же ся озаряет, рассуждение таковых зол отлучаетца, тех достойно ублажаем“. Это единственная „стихира“, которая выпадает из всего стиля „Службы“ в силу своего традиционно учительного тона, и она лишена конкретности.

Зато там, где речь идет о подлинном быте пропойцы, ограбленного в кабаке, автор умеет мастерски использовать дидактические цитаты. В стихире „Егда славнии человеци“, рисующей поведение до нага пропившихся в кабаке, автор вспоминает изречение, которое повторяется в группе „слов“, зовущих собирать богатства „небесные“, а не „земные“: „. . .злато ваше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша“. Автор „Службы“ применяет это изречение к своим героям: „. . .а пьяницы же и пропойцы злату ржавчину протираху и своему житию веятели являхуся. Наг объявляшеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка“ и т. д. Эта ирония над пропившим „ризы“ посетителем кабака уводит данное изречение далеко в сторону от благочестивых размышлений о преимуществах добродетели перед златом.

В „паремии“, пародирующей библейский текст из книги „Премудрости Соломона“, „бес“, „муки“, „всеплодная жертва“ и подобная книжная фразеология появляется как прямой отзвук пародируемого оригинала: „Пьяниц безвоздержанных и непослушливых душа в руце божии и не прикоснется им мука“, „Непщевани быша во очию мудрых и мрети без покаяния“ (ср.: „Непщевани быша во очию безумных умрети“) и т. д. Однако в целом и эта „паремия“ продолжает рассказ о том же пропойце в кабаке.

Во второй паремии „от мирскаго жития чтение“, также пародирующей текст из книги „Премудрости Соломона“, как и в оригинале, появляются своеобразные метафоры, переведенные, однако, автором „Службы“ в реалистический план: „шлем суд нелицемерен“, „щит непобедим преподобие“, „праволучне стрелы молниины“ и подобные выражения оригинала превратились у него в „шлем дурости“, „щит наготы“, „стрелы ис полинниц“ и т. п.

Таким образом, единичные литературные цитаты в „Службе кабаку“, использованные в их прямом смысле, являются в ее тексте случайным элементом. Но цитаты входят органически в ткань „Службы“ в тех случаях, когда ими поддерживается связь с пародируемым оригиналом; в таком применении они получают новое значение, непосредственно связанное с темой кабацкого пьянства.

Направив всю силу своего гнева на кабак, изобразив его как виновника трагедии пропойцы, автор „Службы“ не пощадил и пьяницу. Там, где автор ищет в прошлом пропойц условий, которые довели их до кабака, он иногда строит биографию пьяницы по схеме, в XVII в. использованной в повести о Горе-Злочастье и родственных ей „стихах умильных“, а также в „Комедии-притче о блудном сыне“ Симеона Полоцкого. В „житии“ изображаются рожденные „от добру и богату родителю“ юноши, которые „не изволиша по отеческому наказанию жити, но изволиша по своей воли ходити“. Родители не смогли удержать их и „предаша воли их“, а те начали „ходити на вечери и на вино многое“. Эти юноши, не занимаясь никаким делом („не быша же не древоделцы, ни земледелцы“), были „буяви и храбри“; они, как блудный сын притчи, „взяша же некую часть имения ото отец своих“, пошли „на корчмицу“, и с тех пор жизнь их сложилась так, как описано в „Службе“: нищета, воровство, казнь.

Но бывают, рассказывает автор в одном из „песнопений“, и другие случаи, когда родители или „други ближние“ „нудят неволею пити“ человека. Затем „мало по малу и сами гораздни станем пити и людей станем учити“. В то время, когда пьяница не умел еще пить, вспоминает он, его все звали к себе и гневались, если он не шел. А теперь, „где и не зовут, и мы идем“. Так автор подходит к изображению той душевной перемены, какая происходит в пропившемся человеке, и здесь наблюдательность позволяет автору создать психологически тонкие и верные портреты. Вот пьяница, которого в глаза осуждают за то, что он идет незваный, а он делает вид, что не слышит:

„...мы терпим, глухой клобук на себя наложим“. Другой, увидя, что все пропито, кается, сожалеет, „клятву налагаше, яко и впред не пити“, но затем „похотию, яко стрелою, уязвляшеся, как бы мощно испити во славу божию“; он жадно пьет и „в позор человеком“ становится. Третий же, и это чаще всего, потеряв стыд, не хочет думать о прошлом: „Слава тебе господи, было да сплыло, не о чем думати, лиш спи, не стой, одно лише оборону от клопов держи“, — утешает себя такой пьяница и лезет в кабаке на полати к таким же пропившимся „гольянским“. Но и в подобном положении пьяница иногда размышляет о том, что „за дурость ума“ и родители „отлучившеся“ от него.

С большим искусством автор „Службы“ описывает поведение такого, потерявшего чувство собственного достоинства, пропойцы, когда он в кабаке ради подачки ухаживает за теми, у кого есть еще что пить: „...что бес пред заутренею лстиш... пьющему потакаеш, вежлив ся твориш пред ним“; пьяница вырывает из рук ярыжных „огонь“, угодливо осуждая их: „не гораздо светиш“; он сам „руку со огнем вверх протягает“, „на место пропойцу садиш и место ему одуваеш, чтоб ему сесть седалища не изгрязнити“. Так ухаживает пропойца за пьяницей, пока не „опьет“ его, а тогда насмешливо зовет его на полати „сажи мести“ вместе с „нашим стадом“.

Картинами такого будущего, а не только тюрьмой и казнью пытается автор устрашить пропойц, совершенно устраняя из своего рассказа угрозы муками на „том свете“, которыми пугали слушателей „поучения“ религиозно-дидактической литературы.

Сохранилось свидетельство конца XVII в. о том, как воспринимали пропойцы такое описание их быта, поведения, душевного состояния. Какой-то враг пьянства, добавивший к „Службе кабаку“ ряд „выписок из божественного писания о тех же пианицах“, в предисловии к этой группе произведений на общую тему рассказал о впечатлении, производимом „Праздником кабацких ярыжек“ (так называет он „Службу кабаку“) на самих пьяниц: „...им толико сотвори сей праздниче ненавистен, елико единого слова они, ярыжные, слышати не могут“; они „бесятся“, шумят, пока не перестанут читать им „сей праздник“.

Конечно, не в этой среде „Служба кабаку“ могла быть воспринята как одно из ярких проявлений борьбы народа с новой формой эксплуатации — с поощряемым властями способом перекачивания народных средств в царскую казну. Литературное изображение „несытой утробы“ кабака, как и челобитные, настаивавшие на закрытии „кружечных дворов“, зародилось и нашло полное сочувствие в той демократической среде, которая в течение всего XVII в. активно участвовала в разных формах антифеодального движения. Именно здесь это произведение бытовало как подпольная литература, не имевшая широкого распространения в рукописях, но усердно читавшаяся, судя по затертым и зачитанным сохранившимся спискам.

Своеобразная форма этой сатиры — пародирование церковной службы в честь мученика, преподобного — органически связана с задачей: резко осудить кабак и пьяницу теми стилистическими приемами, которые в сознании каждого читателя той эпохи ассоциировались с прославлением святого. Использовать этот контраст не только в содержании, но и в форме — было смелым замыслом в условиях того времени. Эта форма для каждого грамотного человека древней Руси, учившегося читать по Часослову и Псалтыри, была отлично знакома, и потому пародирование ее не могло не быть ощутимо. Следовательно, цель такого пародирования — выразить крайнюю степень осуждения кабака и пропойцы, вызывая в памяти читателя самой формой повествования представление о противоположном образе, образе мученика „бога ради", — несомненно достигалась. Именно потому, что этот образ возникал перед читателями, некоторые из них расценили „Службу" как кощунство, другие же восприняли ее как „смехотворную", „увеселительную". Тем и другим, а также всем вообще, „кто имеет таковую страсть к запойству", автор предисловия конца XVII в. разъясняет „ползу добрую" и такого способа изображения „злосмрадного жития" кабацких завсегдатаев.

Как видим, форма церковного праздника, приуроченной к нему службы, в данной сатире не отделима от авторского замысла. Параллель — пропойца, на кабаке пострадавший, и мученик, пострадавший за веру, — определяющая все построение „Службы кабаку", наиболее убедительно для читателя XVII в. раскрывала гибельные последствия того организованного спаивания и грабежа, на котором держалась доходность царских кабаков, „кружечных дворов".

Как выше отмечено, „Служба кабаку" обнаруживает профессиональное знание автором церковных служб. Он пародирует не только отдельные церковные „песнопения", „чтения", „житие", но и точный распорядок всей службы; он различает термины, определяющие разные виды служебных текстов; не забывает указывать, на какой напев исполняется то или иное песнопение, отмечает сопровождающие его „стих", „запев", „славу". Мастерски владея церковной формой, автор иногда пародирует не только общее построение церковного текста, поддерживая связь с оригиналом повторением отдельных его слов и выражений, но воспроизводит самый его звуковой рисунок. Так поступает он обычно с текстами наиболее хорошо знакомых каждому читателю, часто употреблявшихся молитв. Например, вместо церковного текста „святый боже, святый крепкий, святый безсмертный, помилуй нас" в „Службе кабаку" звучит: „Свяже, хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас, гольянских". Чаще же автор опирается на главные моменты церковного текста, умело приспособляя их к своей теме. Например: молитва пьяницы — „Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напитися нам, лягу спати, благ еси нам, хмелю ищущим и пьющим, и пьяни обретошася, тобою хвално и прославлено имя твое во веки нами" — является пародией соответствующего места церковного текста: „Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохра-

нитися нам, благословен еси... и хвално и прославлено имя твое во веки аминь. Буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя“ и т. п. Нередко пародия воспроизводит лишь начальные фразы оригинала, а затем свободно развивает свою тему.

Задумав „праздник“ в честь новых мучеников, на кабаке пострадавших, автор, конечно, не использовал одну какую-либо определенную службу святому мученику, он пародировал общую схему, повторяющуюся в каждой подобной церковной службе. Соответственно церковному прославлению святого, его родины и места его подвигов, автор „Службы“ „злословит“, по его словам, пьяницу и место его страданий — кабак. Завершающее „Службу кабаку“ „житие“ пьяниц мастерски пародирует тот шаблон, по которому составлялось житие святого, повествующее о происхождении его от благочестивых родителей, о ранних подвигах, послушании, раздаче бедным имущества, мученических подвигах в бедности и т. д. В „житии“ пьяниц также говорится о родителях их — то добрых, то „неподобных“, о раннем непослушании, о том, как пьяницы „разточиша имение не бога ради“, об их мучениях и „нехристианской“ смерти. В „житии“ пьяницы, обобщающем то, о чем так красочно, с живыми бытовыми подробностями рассказывалось во всей „Службе“, заметно стремление автора говорить более книжным языком.

Пародируя церковно-славянский текст церковной службы, автор не мог избежать заметного воздействия языка своего оригинала. Это воздействие сказалось не только на терминологии (стих, стихира, глас, запев, паремия, лития, тропарь, полиелеос, величание, псалом, канун, светилен и т. д.), но и в фонетических и морфологических славянизмах, которых особенно много в начальных словах молитвословий, нередко повторяющих церковные оригиналы, в паремийных „чтениях“ и в „житии“. Гораздо слабее книжная струя сказалась в лексике повествовательной части „Службы“, если не считать прямых повторений текста пародируемых образцов.

Основная ткань языка „Службы кабаку“ — народный язык, без которого и невозможно было изобразить в такой полноте и выразительности кабацкий быт. Автор рассказывает об этом быте тем языком, на каком говорили его герои. Главными посетителями царских „кружечных дворов“ были те слои населения, которым уже с XVI в. было запрещено курить вино дома. Язык этой демократической среды и служит автору для создания красочных картин той жизни, где целовальник и его „ярыжные“ спаивают и грабят, а их разнообразные посетители доходят до полного обнищания и морального падения. Этих посетителей автор внимательно перечисляет в одном из „песнопений“, рассказывая о том, как каждый несет в кабак и свое имущество, и свои „рукоделия“, и даже „служебные вещи“. В кабаке он встречал многих: попа и дьякона, чернецов и дьячков, служилых людей, пушкарей и солдат, сабельников и лекарей, „татей и разбойников“, холопов, зернщиков и костарей, купцов, десятников и доводчиков, поваров, лесников, кузнецов и даже „муж-

них жен добрых“. К ним обращается автор и говорит с ними на общем им всем народном языке.

В кабаке бывали и те, кто „в гусли играет“, здесь пели „песни безумия“ бражникам, „скоморохи вострубили“, пьяницы „скакали и плясали“; кабак звал „на веселие“, „плескание“, „сатанинские песни“.

Если учесть этот пестрый состав посетителей кабака, станет понятным, что автор владеет не только всем богатством живого народного языка, но и устной поэзией, тем своеобразным ее вариантом, какой представлял широко развитый в XVII в. репертуар народных скоморохов. Наклонность к ритмичности рассказа, нередко даже рифмованного („дом потешен, голодом изнавешан, робята пищат, ести хотят, а мы, право, божимся, что и сами не етчи ложимся“), обилие пословиц, вошедших в сборники пословиц конца XVII в., стремление и собственную речь нередко строить по типу лаконичных поговорок — все это обнаруживает отличное знакомство автора с особенностями устнопоэтической речи. Искусство скоморохов, можно думать, сказалось и на наличии в „Службе кабаку“ грубо натуралистических эпизодов, особенно в описании уже пропившихся посетителей кабака.

Не от скоморошьих ли прибауток и небылиц идут в „Службе кабаку“ такие обращения к кабацким гостям, как „глухие, потешно слушайте, нагие — веселитеся“, „безрукие, взыграйте в гусли“, „безногие, возскочите“, которых автор зовет на „нелепое сие торжество“? Не от скоморохов ли и „кропивные венцы терпения“, „соломянные венцы“, „запечная звезда“ и пародийное изображение цепей и колод, надеваемых на схваченного пьяницу, битья кнутом: „ожерелье в три молоты стегано и перстен бурмитской на обе руки“, „жалованье. . . даеш по всему хребту плети и крепко шиты да кафтаны даеш, часто стеж“, „зарукавья железные“, „кормиш с похмелья сущьем с гряд или их дариш осетриною вязовою по всему хребту“ и т. п.

Какие данные могут уточнить обстановку, породившую эту сатиру? В „стихире пустошной“ автор обращается не к кабаку вообще, а к хорошо ему, видимо, знакомому кабаку в одном из северных районов страны: „. . . радуйся, кабаче, отемнение Вычеготскому Усолию, а ныне не токмо тя Усолие почитает, но и в далных языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге и на Виледе, и на Лале, и в протчих волостях сердечное воздыхание и в перси биение“.

Все географические названия этой „стихиры“ ведут нас в Сольвычегодский край, во владения Строгановых, которые, закабаляя местное население разными ссудно-денежными операциями, ведя хищническую торговлю пушниной с полудикими в ту пору северными народами („в далних языческих странах“), конечно, не упустили возможности закабалить население и через кабаки. В этой обстановке появление памфлета против кабаков именно во владениях Строгановых вполне вероятно. Не случайно и старший сохранившийся список ведет нас в ту же местность: Прилуцкий монастырь, названный

в записи на старшем списке, находился как раз в центре между бассейнами трех названных в стихире рек — Вычегды, Лалы и Виледи.

Профессиональное знание церковной службы, особое внимание к посетителям кабака из младшего духовенства, с одной стороны, и живой, выразительный, насыщенный устнопоэтическими пословицами язык, с другой стороны, позволяют предположить, что автор „Службы кабаку" принадлежал к той „плебейской" части церковнослужителей, которые в антифеодальных движениях „молодших" людей посада и крестьянства выступали на стороне последних против господствующего класса.

Цитаты из церковной литературы, пародируемые в „Службе кабаку"*

[Ia—Ia] „... и изшед благовестит в колокол, звонит во вся колоколы три звона" (Часослов).

[б—б] „Да уповает Израиль на господа" (Часослов).

[в—в] „В третий день воскресл еси, Христе, из гроба, яко же есть писано" (Трефологий).

[г—г] „И той избавит Израиля от всех беззаконий его" (Октоих).

[д—д] „Приидете, мучениколюбцы вси... благочестно прославим славнаго" (Минея служебная).

[е—е] „Стихиры, глас второй, подобен: Дом Еуфрафов" (Минея служебная).

[ж—ж] „Стих: Многи скорби праведным" (Минея служебная).

[з—з] „Праведник, яко финик, процветет" (Минея служебная).

[и—и] „... и отпуст по обычаю... По отпусте же... творим метание на кийджо стих" (Минея служебная, Часослов).

[к—к] „Изведи из темницы душу мою" (Часослов).

[л—л] „Всякий град и страна чтет мощи ваша" (Триодь цветная).

[м—м] „Приидите, песньми венчаем страдалца Христа, яко..." (Минея служебная).

[н—н] „Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Иуда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся, беззаконным судиям..." (Часослов).

[о—о] „Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, сыне божий, живот даяй всему миру, его же ради весь мир славит тя" (Часослов).

[п—п] „Всяк бо пияница отлучится от бога и князей и облечется в раздраныя рубища" („Поучение к царем и князем... еже не упиватися", Пролог 7 апреля).

[р—р] „От премудрости Соломони чтение, глава 3: Праведных душа в руце

---

* В скобках указываются названия церковнослужебных книг, содержащих приведенные тексты „песнопений" и „чтений".

божии и не прикоснется им мука, непщевани быша во очию безумных умрети, и вменися озлобление исход их, и еже от нас шествие сокрушение, они же суть в мире. Ибо пред лицем человеческим аще и муку приимут, упование их безсмертия исполнь, и малом показани быша, великая восприимут, яко бог искуси их и обрете достойны себе, яко злато в горниле искуси их и яко всеплодну жертву прият их, и во время посещения их восияют и, яко искры, по стеблию отекут. Судят языком и обладают людьми, и воцарится господь в них во веки, надеющиися нань разумеют истину, и вернии любовию пребудут в нем, яко благодать и милость в преподобных его и посещение во избранных его“ (Минея служебная).

с—с „От премудрости Соломони чтение, глава 5: Праведници во веки живут, и от господа мзда им и помышление их пред вышним. Сего ради приимут царьствие благолепия и венец доброты от руки господни, яко десницею покрыет их и мышцею защитит их. Приимет все оружие ревности его и вооружено сотворит создание в месть врагом и облечет я во броня правды, и возложит шлем суд нелицемерен, и приимет щит непобедимь преподобие, поострит же напрасен гнев во оружии и поборет с ним мир на безумныя, и поидут праволучные стрелы молниины, яко от благокругла лука облаков на намерение летят, и от пращ каменных ярости исполнь падут грады, вознегодует на них вода морьская, реки же потекут жесточае, сопротив станет им дух силы, и, яко вихорь, развеет я и отпустит всю землю беззаконие, и злодеяние превратит престолы силных. Слышите убо, царие, и разумейте и накажитеся судии концем земли, внушите содержащим множества и гордящиися о народех язык, яко дана бысть от господа держава вам и сила от вышняго“. (Минея служебная).

т—т „От премудрости Соломони чтение, глава 4: Праведник аще постигнет скончатися, в покои будет. Старость бо честна, не многолетна, ни в числе лет изочтена, седина же есть мудрость человеком и возраст старости житие нескверно. Благоугоден богови быв возлюблен бысть, и живый посреди грешник преставися, восхищен бысть, да не злоба изменит разума его или лесть прельстит душю его, рачение бо злое губит добрая, и желание похоти пременяет ум незлобив. Скончався вмале, исполнит лета долга, угодна бо бе господеви душа его. Сего ради потщася от среды лукавьствия. Люди же, видевше и не разумевше, ни положиша в помышлении таковаго, яко благодать и милость на преподобных его и посещение во избранных его“ (Минея служебная).

у—у „Сподоби, господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, благословен еси, господи, боже отец наших, и хвално и прославлено имя твое во веки аминь“, „Буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя“ (Часослов).

ф—ф „В терпении твоем стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах непрестанно терпя, нищих возлюбив, и сих удоволил еси...“ (Часослов).

х—х „Кто не дивится и кто не прославит, кто не воспоет верно мудрых и славных чудес безсребреник... О двоице святая, о честныя главы, о премудрости и славо...“ (Минея служебная).

ц—ц „Ныне отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей. Свет во откровение языком и славу людий твоих Израиля“ (Часослов).

ч—ч „Святый боже, святый крепкий, святый безсмертный, помилуй нас“ (Часослов).

ш—ш „Слава отцу и сыну и святому духу, и ныне и присно и во веки веком аминь“ (Часослов).

щ—щ „Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли, хлеб наш насущьный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго“ (Часослов).

ю—ю „Хвалите имя господне, алилуиа. Хвалите, раби господа, алилуиа. Хвалите господа, яко благ господь наш над всеми боги... Исповедаитеся господеви, яко благ, алилуиа, яко в век милость его, алилуиа .. Исповедайтеся богу небесному...“ (Трефологий).

я—я „Величаем тя, пророче божий, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа бога нашего“. (Минея служебная).

IIа—IIа „Псалом избранной. Терпя потерпех господа“ (Минея служебная).

б—б „Спаси, господи, люди своя и благослови достояние свое“ (Часослов).

в—в „Взбранному и дивному чудотворцу нашея земли днесь притецем любовию, тебе плетуще песнь... но яко имея дерзновение ко господу, многообразных нас избави обстояний, да зовем ти: радуйся, утверждение граду нашему“ (Часослов).

г—г „На хвалу потекл еси господню, Николае, во временней жизни и той тя прослави на небесней и истинней жизни, тем же дерзновение стяжав к нему“ (Трофологий).

д—д „Что тя наречем, обрадованная, небо, яко восияла еси, солнце правды рай, яко возрастила еси цвет нетления... моли спастися душам нашим“, „Стихиры, глас 8, подобен: что вас наречем. Что тя именуем, апостоле, небо ли, яко славу исповедал еси божию, реку ли, яко тварь напояеши тайно... моли о спасении душ наших“ (Часослов, Минея служебная).

е—е Пародируется тот же текст, который приводится в предыдущем примечании.

Калязинская челобитная

Сохранившиеся списки „Калязинской челобитной показывают, что текст этого произведения не потерпел особо существенных изменений, которые позволили бы говорить о нескольких редакциях его. Но есть один внешний

признак, на основании которого можно различать две группы списков: одна из них воспроизводит челобитную ближе к той форме, какую она имела в XVII в., другие искусственно разбивают текст на „пункты“, соответственно тем требованиям, какие предписывались указом Петра I от 5 ноября 1723 г.: „как челобитные, так и доношения писать по пунктам“.* Эта форма деловой письменности быстро проникла и в литературную практику. Так, уже в 1725 г. появилась написанная в стихотворной форме сатира на Феодосия Яновского, озаглавленная „Гистория. Объявление пунктов“, где в 34 пунктах выдвигаются против него те обвинения, которые содержались и в судебном „объявлении“, также разбитом на пункты, и в показаниях Сильвестра Холмского. В мало искусных, неравносложных виршах пародируется форма изложения судебного дела, принятая с 1723 г. По всей вероятности, слагатель этих виршей принадлежал к кругу людей, втянутых в судебное следствие по делу Феодосия Яновского.** В соответствии с этой новой, „статейной“ формой и челобитная XVII в., использованная автором „Калязинской челобитной“, рукой переписчика XVIII в. была разбита на пункты, число которых в разных списках было не одинаково.

Время возникновения данной разновидности списков „Калязинской челобитной“ определяется датой издания указа, т. е. относится к периоду не раньше второй четверти XVIII в.

Списки первой, „безстатейной“, группы различаются между собой незначительными подробностями. Например, список собрания Ундольского имеет в конце пародирующий подлинные челобитные перечень вымышленных лиц, будто бы написавших челобитную: „. . . а подлинную челобитную писали и складывали Лука Мозгов да Антон Дроздов, Кирила Мельник да Роман Бердник да Фома Веретенник“; самый подбор рифмующих имен сделан в манере игры словами, свойственной народным пословицам в записях XVII в. Этот перечень имен иногда опускается переписчиками, которые вообще склонны сокращать текст, относящийся к описанию монастырского быта. Поскольку сохранившиеся списки в большей части относятся к XVIII в., в них наличествует и замена устаревших слов, особенно терминов, более новыми: вместо „государь“ — „господин“, вместо „иноческое“ — „монашеское“, и т. п. Наиболее характерный пример позднего чтения — превращение попа „без грамоты“, т. е. без „ставленной грамоты“, дававшей право служить в церкви, в попа „безграмотного“: возможно, что для читателя XVIII в., т. е. времени, когда уже существовали специальные школы для будущих церковнослужителей, этот недостаток попа представлялся более осудительным.

В группе „статейных“ списков наблюдается то же стремление сокращать

* Полное собрание законов Российской империи, № 4344.

** См. издание и характеристику этой сатиры в статье: В. П. Адрианова-Перетц. Из сатирической литературы XVIII века. Сатира на Феодосия Яновского. Труды ОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 199—206.

иногда текст в части его бытовых подробностей, но вместе с тем усиливать его занимательность добавлением прибауточных рифмованных выражений. Так, в списке собрания Тихонравова, № 486, новая концовка сделана в стиле тех небылиц, которые идут от скоморошьих пародийных челобитных еще XVII в.: „Подана сия челобитная лета утряса, месяца китовраса, в шестопятый день, в серой четверток, в соловую пятницу, а читателю предражайшему за работу великой огурец и сей челобитной конец". В прибауточном тоне сделана концовка и в списке Барсова, № 2411, хотя она, как и заключения „судного дела Ерша" в некоторых списках, стилизует подписи в челобитных XVII в.: „. . . а писал сию челобитную сяк и так Исак, пометил дьяк — морской рак, месяца осеннего, а числа последнего нынешнего года".

Один из списков „статейной" группы лег в основу лубочного издания.* Д. Ровинский без достаточных к тому оснований связывает это издание с проектом Екатерины II об отчуждении монастырских земельных владений: „Наша картинка была пущена в народ в то время, когда Екатерина II только что составила свой план об отобрании у монастырей недвижимых имений, и, без сомнения, с высочайшего соизволения, без которого издатели картинки, ввиду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвинению не только в кощунстве, но и в богохульстве.** Однако Екатерина II вела борьбу за монастырские земли с высшими церковными властями, между тем „Калязинская челобитная" рисует по преимуществу пьянство монастырской „братии", поэтому как агитационное средство вряд ли в данном случае она могла сыграть действенную роль. Вероятнее, что лубочное издание „Калязинской челобитной" либо избегло цензурной проверки, которой безусловно подвергались лишь „священные изображения", либо вообще время ее издания совпало с теми годами, когда Екатерина II „играла в либерализм", и памятник, прямо не задевавший церковную администрацию, мог и не вызвать возражений со стороны цензоров.

„Калязинская челобитная" рисует в форме жалобы-челобитной, составленной пьяницами монахами, картины монастырского быта при „лихом архимарите" и при „добром", когда монахи пользуются полной свободой. „Черной дьякон Дамаско с товарыщами" с обидой и возмущением описывают архиепископу порядки, заведенные „архимаритом", который „забыл страх божий и иноческое обещание" и досаждает богомольцам, требуя выполнения правил монастырского устава. Автор „Калязинской челобитной", не вмешиваясь в рассказ, изображает, как монахи, привыкшие к легкой и беззаботной жизни в монастыре по собственным „крылоским" и „келейным правилам", восприняли требования „лихого" начальника. В своей жалобе они противопоставляют

* Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I. СПб., 1881, стр. 405—409.

** Там же, стр. 405.

прежнее легкое житье „пьяных старых" новым порядкам, расцененным ими как „разорение монастырского чину", „изгон", „измора", как нарушение установившихся обычаев.

Контрастирующие описания разных укладов монастырской жизни выдержаны в разной тональности, несколько расходятся и по самому способу литературного их выражения. Глубокая обида и серьезное возмущение „изморой" от строгих требований „потерявшего смысл и ум" „архимарита" звучат в рассказе жалобщиков, стремящихся вызвать к себе сочувствие, когда они в преувеличенном до гротеска виде изображают вред, наносимый мероприятиями новой власти не только им, но и всей монастырской казне. Напротив, прошлое вспоминается им как достойная подражания жизнь „знающих людей... великого смысла", от которой и „казне прибыль"; мечтой о такой привольной жизни, без докучных церковных служб, постов и наказаний, тешат себя огорченные новыми порядками челобитчики. Легкое преувеличение есть и в этих описаниях прошлого и ожидаемого будущего, однако в целом они весьма близко передают реальный быт многих монастырей XVII в.

Доказывая в своей жалобе, что требования „лихого архимарита" наносят ущерб монастырской казне, монахи просят „архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих", „колоты да доски" учесть „числом". Кроме того, еще тем „архимарит" „казне поруху учинил, а себе он корысти не учинил", что, часто наказывая пьяниц, он о них „батоги приламал и шелепы прирвал". Длинные церковные службы по уставу, оказывается, тоже убыточны для монастыря: „архимарит" „ладану да свечь много прижог", „а монастырские слуги, теша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина". Жалобщики просят „учесть архимарита" „в уголье мерою".

Пьяницы возмущенно жалуются, что „архимарит" „почал монастырской чин разорять": он, оказывается, „пьяных старых всех разганял" и „чють монастырь на запустошил", „некому впредь стала заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить и на остальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных".

У „архимарита вдруг ума не стало": „... один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет", „мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем". Для большей убедительности монахи сравнивают, что подают им на стол при „лихом" начальстве и что они сами поставили бы: им дают „репу пареную да ретку вяленую, кисель с братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают", а хотелось бы „для постных же дней вязига да икра, белая рыбица телное да две паровые, тиошка б во штях да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другие с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б подделное мартовское, да переварной бы мед". Эта довольно точная выписка из хозяйственных книг богатых монастырей показывает, что автор „Калязинской чело-

битной", говоря от имени „крылошан" о будто бы привольном их быте, на самом деле имеет в виду главным образом широкую жизнь за монастырский счет местных властей, начиная с архимандрита, келаря и т. д.

Много внимания в жалобе уделено суровым наказаниям, которыми „архимарит" „с похмелья оправливает" пьяниц, „крепко смиряет" опоздавших на церковную службу; челобитчики обиженно жалуются, что он „монашескому житию не навычен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вменяет", не понимает, что, засидевшись ночью „у пивного ведра", монахи „на утро встать" не могут, „где клобук с мантиею" не вспомнят, и потому, конечно, „немножко умедлят" к службе: „к девятой песне (т. е. к последней) поспеем, а иные к росходному началу".

Вспоминая с сожалением о „всенощных бдениях" у „ведра пива", о прогулках в слободу, о сытной еде, о „старых пьяных", т. е. „лучших бражниках", которые хозяйничали в монастыре, жалобщики в конце челобитной дают волю своей мечте о жизни при „добром архимарите". Этот новый, „добрый" начальник будет „горазд лежа вино да пиво пить, а к церкве бы пореже ходил". При нем „в анбаре простору" прибавится: „рожь да ячмень в солоды обрастим да пива наварим, брашки насидим", „вина накупим", колокола „велим в Кашин провозжать да на вино променять", „ризы да книги вынесем в сушило, церковь замкнем, а печать в лупки обогнем, пономарей вышлем в слободу жить... да велим им звонить... в год по однножды". Описанная с любовью подобная жизнь при „добром" архимандрите — не вымышлена челобитчиками: документы XVII в. именно в таком виде изображают быт многих монастырей.

Эта монастырская „идиллия", изображенная пьяницами, представляет сатирическую картину полного разложения монастырского быта. Едкой насмешкой клеймит автор монастырские нравы, создавая, „положительные", с точки зрения пьяниц, образы „доброго архимарита" и его „крылошан", пропивающих монастырское имущество.

Такое гротескное изображение жизни по монастырскому уставу, хотя и данное через восприятие пьянствующих монахов, наводит на мысль, что автор „Калязинской челобитной" был уже достаточно затронут тем вольномыслием, которое в XVII в. порождало антиклерикальные и даже антирелигиозные настроения. Трудно думать, чтобы тот, для кого авторитет монастыря был еще прочен, мог бы даже в шутку представить исполнение монастырского устава как забвение „страха божьего и иноческого обещания", мог бы вообще так широко развить тему осуждения пьяницами строгой монастырской жизни, с длинными церковными службами, постами, суровыми наказаниями за нарушения устава. Очевидно, эта сатира на монастырское пьянство сложилась в среде, уже потерявшей былое почтение к „богомольцам". Историческая действительность XVII в. давала для таких настроений богатый материал.

Монастырские нравы, описанные в „Калязинской челобитной", не были чем-то исключительным: о разложении монастырской жизни, о расхищении

монастырской казны и имущества нередко доносили надзиратели, посылавшиеся из Москвы для наблюдения за хозяйством крупных монастырей, особенно так называемых „степенных", находившихся в ведении царского или патриаршего двора. Однако документы свидетельствуют, что расхищали монастырские богатства главным образом сами архимандриты и вообще монастырские власти. Быть может, автор сатиры сознательно несколько смягчил свое осуждение, заместив „крылошанами" настоящих виновников разграбления монастырской казны, хотя „доброй архимарит", о котором мечтают калязинские монахи, представлялся им как раз покровителем пьяниц и любителем „лежа вино да пиво пить". Сами пьянствующие монахи не имели права так свободно распоряжаться монастырским имуществом, как они угрожают это сделать в „Калязинской челобитной". Монастырские надзиратели всегда называли не монахов, а архимандрита, игумена, казначея и их ближайших сотоварищей по управлению монастырем в качестве виновников „безчинств и неистовств", творившихся в XVII в. по „обителям".*

На почве реальных фактов автор „Калязинской челобитной" остается и тогда, когда он рассказывает об угрозе монахов уйти бродить по монастырям в поисках лучшей жизни, если от них не уберут „лихого" архимандрита. Монахи Вепревой пустыни, например, жаловались в 1680-х годах на „строителей" этого монастыря, которые „пили и бражничали, и церковь божия у них стояла без пения", а „пропився", они „бродили по миру с иконами и деньги собирали обманом, будто на церковное строение, и те деньги пропивали на кабацех".**

Опираясь на многочисленные примеры монастырского пьянства, автор „Калязинской челобитной" обобщил свои наблюдения и представил яркую картину полного разложения монастырской жизни. Он, как мы видели, решился, хотя бы и устами пьяниц, высмеять даже монастырский устав и его блюстителя, строгого архимандрита Гавриила. В таком смехотворном виде изобразить борьбу с распущенностью монастырских нравов мог лишь автор, уже утративший былое почтение к обрядовой стороне религии. В XVII в. поп и монах были уже нередко героями и народной сатиры и шуточной песни; сами пьянствующие монахи слагали „смехотворные" песни об игумене, который зовет их в церковь, а они хотят итти в „погреба глубокие", где хранятся „бочки толстобокие", или, пародируя церковные песнопения, составляли „хвалу" „достойной перцовке", и т. д.

---

* См. тексты донесений об этих „безчинствах" монастырских властей: В. И. Срезневский. Отчет ОРЯС АН о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии, июнь 1902 г. СПб., 1904, стр. 295—297; А. Викторов. Описание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 95.

** А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь. М., 1902, стр. 19—20.

Картины монастырского быта воспроизведены в „Калязинской челобитной", несмотря на необходимое в сатире преувеличение, очень живо и реалистически, выразительным общенародным языком, которому пословичный лаконизм и меткость придают особую красочность. Авторская оценка мастерски передана с помощью иронической интонации, просвечивающей сквозь обиженно-гневные и мечтательные речи пьянствующих монахов. Интерес читателей к этому, художественно обобщенному описанию монастырской распущенности не ослабел и в XVIII в., чем и вызвано было лубочное издание его. Исторические документы и народные песни показывают, что тема „Калязинской челобитной" — сатирическое изображение монастырского быта — и в XVIII в. оставалась попрежнему злободневной, оттого и это произведение ощущалось как художественно полноценное.

[а] Список с челобитные — обычное заглавие старинных копий документов.

[б] Калязина манастыря — Троицкий Калязин монастырь на левом берегу Волги, против города Калязина, в посаде, основан в 1444 г. Макарием Калязинским. Для изображения пьянства монахов этот монастырь выбран, видимо, не случайно, так как, по документам начала XVIII в., он славился невысоким нравственным уровнем монахов.

[в] Гавриила. — Имеется в виду архимандрит Калязина монастыря в 1681 г.

[г] Симеону архиепископу Тверскому и Кащинскому. — Симеон занимал архиепископию с 16 апреля 1676 г. до июля 1681 г.

[д] господину преосвященному ... бьют челом богомольцы твои. — В подлинных челобитных монахов или вообще лиц духовного звания постоянное наименование их „богомольцы твои" (В. И. Срезневский. Отчет ОРЯС АН о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губ., июнь 1902 г. СПб., 1904, стр. 295; А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. IV. Сергиев Посад, 1897, стр. 16).

[е] Жалоба, государь, нам — обычное начало рассказа о содержании жалобы (А. А. Титов, ук. соч., стр. 44).

[ж] Да он же — с помощью подобных переходных слов („да он же", „да тот же") в челобитных обычно нанизывались факты в жалобе (А. А. Титов, ук. соч., стр. 7, 14, 23 и др.).

[з] да с Покровки без грамоты попа Колотилу. — В Москве у церкви Покрова богородицы в XVII в. была устроена „поповская изба", находившаяся в ведении патриарха. Здесь распределяли безместных попов, не имевших грамоты о поставлении. Собираясь у Спасского моста, эти попы затевали драки и всякого рода „бесчинства великие", распространяли „укоризны скаредные и смехотворные" (И. Е. Забелин. История города Москвы, ч. I. М., 1905, стр. 630—634). Улица от церкви Покрова до Варварских ворот называлась в XVII в. Большой Покровской (И. Снегирев. Москва, т. I. М., 1865, стр. 178, 186) Ср. пословицу: „Живи Колотило за рекою, а к нам ни ногою"

(П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц и поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. 1. СПб., 1899, № 1005).

[и] Кашин — ближайший к Калязинскому монастырю небольшой город Тверской области.

[к] „часы“... „блаженна“ — части церковной службы.

[л] ретка да хрен, да чашник старец Ефрем — ср. пословицу в записи XVII в.: „Ефрем любит хрен“ (П. К. Симони, ук. соч., стр. 99, № 849).

[м] весь мед перекис, а сам воду пьет — ср. пословицу: „Разорение монастырю — квас густ, а игумен воду пьет“ (там же, № 620).

[н] после мору — видимо, воспоминание о моровой язве 1654 г., когда царская семья, выехав из Москвы, поселилась временно в Калязинском монастыре (Д. Ровинский. Русские народные картинки, гл. IV. СПб., 1881, стр. 282).

[о] рожь да ячмень в солоды обростим... в год по одножды. — Разгульная жизнь, о которой мечтают челобитчики, калязинские монахи, была довольно обычным явлением в монастырском быту XVII в. Из Москвы отправляли по крупным монастырям надзирателей, которые в своих донесениях сообщали многочисленные факты, художественно обобщенные и сатирически заостренные в „Калязинской челобитной“. Один из подобных надзирателей, Стефан Наумов, после обследования Ферапонтова монастыря так описал поведение игумена Афанасия и других монастырских властей: „Игумен Афонасей, покинув монастырь и братию и всех вотчинных крестьян ... выехал из монастыря в вотчине в селе Ситке с советники, с казначеем старцем Авраамием да с конюшим старцем Лаврентием и с служками ... монастырь и всю монастырскую вотчину запустошили и пропили без остатку, и многое время бывает церковь божия без пения ... пьют и бражничают безобразно и, напився пьяни, дерутца до крови. И в монастыре у них смертное убойство от их безчинства и безмерного пьянства чинитца ... из монастырского хлеба пива варят и вино курят и на монастырские казенные деньги про них вино покупают безпрестанно. И тем они безчинством своим монастырь пропили и разорили и монастырскую вотчину всю запустошили“ (челобитная издана по рукописи БАН, 45. 7. 155, в кн.: В. И. Срезневский. Отчет ОРЯС АН о поездке в Олонецкую. Вологодскую и Пермскую губернии, июнь 1902 г. СПб., 1904, стр. 295—297).

Подобную же картину рисуют монахи Вяземского Предтечева монастыря в челобитной, поданной ими на архимандрита этого монастыря Феодосия: он, пишут монахи, „всегда пьет, ездя по гостям, и в своей келье, в день и в ночь... и напився пьян, нас бьет напрасно своими руками и в чепь всегда сажает безвинно... бранит неподобными словами всячески... посылает во Ильинский девич монастырь ко игуменье крупы гречневые и овсяные, и муку оржаную и пшеничную, и масло конопляное и коровье, и яйцы и рыбу, вино и пиво и солод и овес и хмел почасту. И отослав и сам ездит в тот Ильинский девич монастырь ко игуменье почасту ж и приезжает после вечерни

поздно и в ночном часу пьян" (А. Викторов. Описание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 95).

[п] нажитку у себя имеют только лошка да плошка — ср. пословицу: „Животы у старца толка плошка да лошка" (П. К. Симони, ук. соч., № 938).

[р] Смилуйся, пожалуй — обычное заключение челобитных на царское имя „Царь, государь, смилуйся" (А. А. Титов; ук. соч., стр. 5, 6, 10—14 и др.).

Сказание о попе Саве

„Сказание о попе Саве" датируется по характеру темы и ряду содержащихся в нем реалий серединой XVII в., когда особенно начала обостряться борьба против распущенности духовенства, вообще против всего того, что именовалось тогда „скверной" внутрицерковной жизни. Место действия „Сказания" — Кадашевская слобода за Москвой-рекой (см. примечание „б"), герой его — замоскворецкий поп, сманивающий к себе „ставленников" (см. примечание „г"), обирающий их до последней рубашки, а затем за свои „вины" посаженный на цепь в патриаршую „хлебню", — все это прямо указывает на то, что сюжет „Сказания" сложился в Москве, повидимому, в годы, когда патриарх Иосиф наделил московских попов особыми привилегиями в деле посвящения ставленников (см. примечание „д"), т. е. в 1640—1650-е годы.

В „Сказании", в отличие от других сатир XVII в., ведется рассказ от лица автора, которому принадлежит и осудительная характеристика, знакомящая уже в самом начале читателя с „долгим попом, премым дураком", попом Савой. В ритмическом рифмованном рассказе, обильно насыщенном пословицами и пословичными выражениями, излагается история о корыстном сутяге-попе, который и „по приказам волочится, ищет, с кем бы ему потегатца", и зазывает к себе ставленников, чтобы обобрать их. С помощью оборотов „я-де", „у меня-де" автор передает хвастливые, бесстыдные обещания попа ставленникам обобрать их до гола, как „бубнов". Он описывает, как поп напивается допьяна привезенным ставленниками „винцом" и „медом", как посылает их „капусту поливать" и „баню топить". Нравоучительной фразой — „И как над ними наругался, толко сам в беду попался" — начинается рассказ о злоключениях попа. Свою оценку поведения попа Савы автор дает через полную укоров речь попадьи, которая перечисляет все проступки Савы и предсказывает ему „головою своею наложить". В этой речи — нравоучительные сентенции перемежаются с упреками попу в том, что он „воровал", „плутал", „добрых людей" ворами называл, ставленников посылал „обедни служить, а сам на постели" лежал. Затем следуют три части, имеющие каждая свое заглавие: „Ответ попа Савы х попадье", „Сон попа Савы" и „Его же, безумнаго попа, смешной икос". „Ответ" — краткое признание попа в том, что уже нельзя ничего исправить, что „от цепи" ему „не отлинять", и прощание его с попадьей, потому что „уже и приставы приволоклися". „Сон

попа Савы“ вводит в „Сказание“ элемент шуточной фантастики, пародирующей „вещие“ сны. Именно поэтому автор начинает рассказ попа словами народных песен о „вещем“ сне невесты или доброго молодца. Во сне попу являются „два аньела“, которые вынули у него „из мошны“ все деньги. Эту пропажу поп обнаруживает, проснувшись после „вещего“ сна „в патриаршей хлебне на рогозине“, а не „дома на перине“, и грустно сам разъясняет смысл своего сна: „А мню, те два аньела вытресли“. Смелая символика этого сна — ангел в виде вороватого пристава — представляет попа, далекого от каких бы то ни было религиозных настроений, попа, для которого, согласно с народной пословицей, плешь (т. е. простриженное при посвящении „гуменце“) является „лавочкой“, который от церкви „сыт бывает“, самое имя которого в народной поэзии связывается с рифмой — поп—клоп.

„Его же, безумного попа, смешной икос“ пародирует церковные прославления — акафисты и каноны, в которых каждый стих-строка начинается обязательным „Радуйся“, вслед за чем идет перечисление одной за другой заслуги прославляемого. В „смешном икосе“ сохраняется начальное „Радуйся“, а затем перечисляются проступки Савы и дается им оценка, но не в хвалебных, как в церковном акафисте, а в резко осудительных эпитетах: „шелной“, „дурной“, „глупы попенцо“, „воистину дурак“ и т. п. Кроме этого начального „Радуйся“, пародируемый оригинал не оставил никаких следов в языке „Сказания“.

Сосредоточив весь рассказ на описании проступков попа, автор не только высмеял и осудил его сам, но и показал постигшее его наказание, в чем и заключается единственное отступление автора от реалистического воспроизведения действительности. Морализующая тенденция, прямо обнаруженная в рассказе, несколько отличает его от других сатир XVII в., которые лишены такого „оптимистического“ конца. Конечно, в „патриаршую хлебню“ и в другие „темницы“ нередко попадали на цепь попы, подобные Саве, однако в условиях крепостнического строя убеждение в неизбежности справедливого возмездия („А кто за ябедою гоняетца, тот скоро от нее погибаетца“, „Кто друга съедает, тот всегда сам пропадает“) далеко не всегда оправдывалось самой действительностью.

В сатире сугубо бытовая тема изложена живым общенародным языком, в который органически входят пословицы и поговорки, привычные народные рифмы (Сава—слава, рожа—непригожа, Тула—стула, нос—рос, и т. д.). В искусстве рифмовать автор иногда обнаруживает свойственную именно народной поэзии изобретательность. У него рифмуются не только одинаковые части речи, но есть и такие пары: шея—сея, покличу—встречу (наречие), сидя—сидне, нос—рос, кондак—так. Однако огромное большинство стихов построено на простейшей глагольной рифме.

Лексика „Сказания“ определяется всецело его темой. Изображая быт замоскворецкого попа, автор пользуется и лексикой, ему соответствующей: „приход“, „по приказам волочитца“, „по площеди рыщет“, „ставленников манит“,

„в попы ставлю, рубашки не оставлю“, „винца принести“, „меду привезти“, „капусту поливайте“, „баню топите“, „воровать“, „обедни служить“, „перина“, „хлебня“, „рогозина“, „цепь“, „шелеп“, „муку сея“, „мошна“, „денег ни пула“, „бараденка“, „русак“ и т. п.

[а] Сказание о попе Саве и о великой его славе — заглавие сатиры построено на привычной пословичной рифме — „Сава—слава“. Ср. в записях XVII и XVIII вв. пословицы: „Был Сава, была и слава“, „От Савы славы“, „От Савы хочешь славы“ (П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц и поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. 1. СПб., 1899, I, №№ 167, 2521, II № 509), или „Зделали славу — поколотили Саву“, „Доброму Саве добрая и слава“, „Каков Сава, такова ему и слава“ (Сборник пословиц 1779 г. собрания Библиотеки АН УССР).

Старая пословичная рифма „Сава—слава“, использованная в „Повести о попе Савве“, в XVIII в. послужила слагателю обличительного стиха, героем которого был владелец бумажной фабрики купец Савва Яковлев. Этот стих сохранился в списке 60—70-х годов XVIII в., в рукописи ГИМ, собрания Уварова, № 1561 (558), л. 114, под заглавием „Глава девятая“:

„Послушайте, я скажу вам Саву, какова о Саве слава:
Сава купец, Сава плутец,
Сава подрятчик, Сава ростовщик,
Сава корчемник, Сава бездельник,
Сава кожевник, Сава мошенник,
Сава изветчик, Сава ответчик,
Сава грабитель, Сава похититель,
Сава ловитель, Сава чужого дому разоритель,
Сава виночерпий, Сава друже с черти,
Сава тем возгордился и с [с]нохою зжился,
своею молодою сыновнею женою.
Чего недостает Саве к вящей его славе?
По всем по том сто ударов ему кнутом“.

[б] от Козмы и Домияна из-за реки, а в приходе у нево богатые мужики.— Повидимому, в этом стихе дается точное указание на определенную местность: за Москвой-рекой была богатая слобода Кадашево с главной церковью в честь Козьмы и Дамияна. Эта слобода была местом жительства царских ткачей и мастериц полотняной казны. Как дворцовые ремесленники они обладали широкими льготами жалованных грамот, получали высокую плату хлебом за тканье полотна, чем и объяснялась их зажиточность; отсюда и наименование их в сатире „богатыми мужиками“ (Б. Базилевич. Кадашевцы, дворцовые ткачи полотен в XVII веке. Труд в России, т. 2, М., 1924, стр, 3—7).

[в] живет и за рекою, а в церкву не нагою — ср. пословицу: „Живет за рекою, а к нам ни ногою“ (П. К. Симони, ук. соч., I, № 979).

[г] ставленников — будущие церковнослужители, выборные, которых крестьяне и посадские посылали для обучения и посвящения в духовный сан, для „ставления" на церковные должности. Из числа таких выборных пополнялись ряды духовенства в древней Руси, до организации специальных духовных школ. Документ, разрешавший им совершать церковные службы, носил название „ставленой грамоты". В середине XVII в. высшие церковные власти не раз обращали внимание на то, что ставленниками посылали людей неграмотных, распущенного поведения. Грамота архиепископа рязанского Мисаила 1650-х годов требовала, чтобы „старосты и целовальники и крестьяне" из „государевых дворцовых вотчин и поместий" посылали ставленников, строго отбирая их: „А люди были б добрые и благочинные, и искусны и грамоте учены, а не здорщики и не косторы, и не бражники, и не ярыжники. А молодых ставленников и воров и бражников к нам не присылать" (Н. И. Дубасов. Рязанский архиепископ Мисаил. Исторический вестник, 1889, октябрь, стр. 112). Общая распущенность духовенства в XVII в. вынуждала предупреждать о необходимости следить за поведением особенно белого духовенства; в той же грамоте Мисаила предписывалось: „А вы б, соборные и иные священники и дьяконы, потому и хмельного пития в домех своих не держали и по кабакам не ходили б и в иных местах нигде не пили. А в церквах бы божиих везде у вас во вся дни без всякого церковного пения не было . . . а будет учнут попы вас ослушатися и запиваться, и церкви божии будут у них без пения, и вы б, игумены, тех пьяных и дьяконов и церковных дьячков велели имать и сажать в смиренье" (там же, стр. 111). „Смиренье", в которое сажали провинившихся, — представляли темницы с „цепями и колодами" (см. примечание „л").

[д] Аз вашу братью . . . рубашки на вас не оставлю. — Ставленников (см. примечание „г") направляли к опытным попам для обучения; частые злоупотребления при посвящении приводили к тому, что „ставленые грамоты" получали еле грамотные, наскоро выучившие две-три молитвы, но хорошо заплатившие попу за свое „обучение" ставленники. За посвящение полагался, кроме этой платы, особый налог в пользу высших церковных властей, поэтому, например, патриарх Иосиф, желая сосредоточить доходы от ставленников в своих руках, отменил старый порядок, разрешавший сельскому духовенству „ставиться" у местных епископов, и приказал в своей „патриаршей" области „ставиться" только в Москве и платить налог непосредственно в патриаршую казну. Этот порядок сохранился и при патриархе Никоне. Таким образом, московским попам открылась широкая возможность обогащаться за счет ставленников, которых они готовили к посвящению. Поп Сава — обобщенный тип таких корыстных попов, обиравших ставленников.

[е] шта бубнов поведу — ср. пословицу: „Гол, что бубен" (Сборник пословиц 1779 г.).

[ж] галавою своею наложить — ср. пословицу: „Баба ворожила, да головой наложила“ (Сборник пословиц 1779 г.).

[з] Глас божи — глас народа — ср. пословицу: „Глас божий — глас народа“ (Сборник пословиц бывш. Петровской галереи, БАН).

[и] хотя тебе непригожо, тут твоя и рожа — ср. пословицу: „Без глаз рожа непригожа“ (П. К. Симони, ук. соч., I, № 331).

[к] Мне начесь спалось да много видилось — ср. начало народных песен, свадебных песен, свадебных причитаний невесты: „Мне ночесь, малодешеньке, мне ночесь мало спалося, мне во сне много виделось“ (П. В. Шейн. Великорусс в своих обрядах. . ., т. I, вып. 2. СПб., 1902, стр. 402), „Вечор ноне, матушка, мне мало спалось, мало спалось, да много виделось“, „Как и нынче доброму молодцу малым то мало спалось, много во сне виделось“, „. . .мне малешенько младу спалось, много во сне виделось“ (А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI. СПб., 1902, стр. 21, стр. 497, 498); в исторической песне о взятии Казани в тексте Кирши Данилова царица Елена начинает той же формулой рассказ о вещем сне: „Что ночесь мне, царице, мало спалося, в сновиденьице много виделося“ (Сборник Кирши Данилова. Изд. П. Н. Шеффера, СПб., 1901, стр. 119).

[л] в патриаршей хлебне на рогозине. — По описанию Павла Алеппского, сопровождавшего антиохийского патриарха Макария во время его путешествия в Москву, при патриархе Никоне были введены особые наказания для представителей черного и белого духовенства, нарушавших правила церковного „благочиния“: „. . . при каждой палате патриарха Никона находилась темница с железными цепями и деревянною колодой. Если кто-нибудь из высшей монастырской братии или белого духовенства учинял какой-нибудь проступок, того засаживали в цепи, и он должен был просевать муку для пекарни, пока не выполнит своего наказания. . . Точно так же и при епископских дворах были темницы с железными цепями и колодами, куда сажали непокорных“ (Л. П. Рущинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв. Изд. Общества истории и древностей, М., 1871, стр. 150—151). В 1655 г. такому наказанию подвергся Симон Азарьин, писатель, уже известный к тому времени своими рукописными и печатными трудами: согласно грамоте патриарха Никона, его предписывалось отдать „под начало“ в Кириллов монастырь, „в хлебню, муку сеять, а с монастыря до патриаршего указа не спущать“ (Н. К. Никольский. К истории наказаний писателей в XVII веке. Библиографическая летопись, вып. 1, СПб., 1914, стр. 127—128.

[м] смешной икос — пародия на церковные песнопения, ср. то же в „Службе кабаку“ — „икос“, „микос“ (стр. 202). Икос построен по схеме церковных канонов-акафистов, откуда взято начало каждого стиха — „Радуйся“.

[н] у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла — ср. пословицу: „Борода

выросла, а ума не вынесла". (В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1862, стр. 466).

[0] на лес глядя, рос — ср. пословицу: „Глядя на лес, не выростешь" (Сборник пословиц 1779 г.).

Сказание о куре и лисице

„Сказание о куре и лисице" сохранилось в списках XVIII—начала XIX в., которые могут быть распределены по трем группам.

Списки старшей, прозаической, редакции, хорошо сохраняя фабулу повести, свободно относятся к стилистическому ее изложению. В них заметно усиливается выразительность живой речи, сокращается число книжных оборотов, вводятся новые пословицы. Так, например, в старшем тексте кур, оправдываясь, почему он поднял тревогу в курятнике, когда туда проникла лисица, ссылается на книжный афоризм: „Не может раб двема господинам работать". Список Забелина, № 536 (855) добавляет к этому народную пословицу: „Одному господину служить, а другому не грубить" (ср. пословицу: „Другу дружи, а другому не груби", в записи 1779 г.). В позднем тексте лисица также пословицей отвечает скептически куру, обещающему платить ей каждый год оброк: „Не сули мне в год, сули в рот", и т. д. В рассказ проникает прибауточная речь.

Стихотворная редакция повести в сущности представляет обширное новое литературное произведение, свободно развивающее тему короткого старшего рассказа. Эта редакция сохранилась уже в списке первой четверти XVIII в., следовательно, возникновение ее можно отнести не позднее как к началу века.

Сюжет оригинала, лежащий в основе второй части стихотворного текста, дополнен обстоятельным рассказом о том, почему кур ушел „в пустыню", и длительным диалогом кура и лисицы, имя которой кур пытается выведать. Лишь после того как лисица, наконец, произносит свое имя, диалог собеседников начинает развиваться по плану старшей повести: кур уклоняется всеми способами от приглашения лисицы, а она сманивает его. Но в отличие от оригинала здесь обвинителем выступает не лисица, а кур, который припоминает лисице ее проделки; лисица же в оправдание рассказывает ему фантастическую историю о том, что она уносит из курятника кур не для того, чтобы их съесть, а чтобы утешить „заскорбевших".

Хотя в ходе спора оба собеседника время от времени прибегают к доводам, выраженным словами „священного писания", однако этот спор теряет сатирическую заостренность и четкость, характеризующие его в старшей повести.

Тема осуждения формального благочестия расплывается в многоречивых рассуждениях обоих героев, и повесть в целом, в ее стихотворной пера-

ботке, превращается из остро сатирической в занимательную, каких было немало в рукописной литературе XVIII в. Следует отметить, что и те немногие следы свободного обращения с церковными текстами, какие в стихотворной обработке все же сохранились от сатирической повести XVII в., были окончательно изъяты из нее, когда в 1790 г. она была включена в печатный сборник „Старичок-Весельчак“ и когда из нее были извлечены надписи к лубочным картинкам XVIII в.*

Стих в этой переработке повести неравносложный, но с выдержанной рифмой, часто встречающийся в рукописной литературе всевозможных „жарт“, „забавных“ историй XVIII в.; фонетика и морфология слегка славянизированы, но в лексике преобладают элементы общенародного языка, особенно в тех частях диалога, где описываются чисто бытовые положения; рассуждения, размышления, лирические сетования и излияния героев, напротив, окрашены элементами книжной лексики.

Бытуя в рукописных копиях рядом, прозаическая и стихотворная редакции повести иногда соединялись; так создались версии смешанные, соединяющие эпизоды обеих редакций. Стилистическое выражение этот готовый материал в смешанных текстах получал сообразно вкусам редактора-переписчика. Так, список ГПБ, Q.XVII.17, обнаруживает стремление к приподнятой речи, к гиперболическим выражениям, сложным эпитетам, синонимам и т. д.: кур здесь именуется „преизпрещренный“, „сладкоперистый“, „громковоспеваемый“; от голоса его „беси опровергаются, а еретики исчезают, небо и земля радуются и веселятся, реки восплещут, горы возыграют“ и т. д. Список Забелина, № 536 (855), приближает повесть к сказке, составляя переходную ступень к устным пересказам.

Устные пересказы восходят к прозаической редакции повести, к той ее версии, где по-сказочному уже был изменен конец: кур хитростью освобождается из когтей лисицы и, взлетев на дерево, издевается над ней. Как ни сокращено, а местами и искажено содержание письменного источника в этой сказке, ее связь именно с повестью остается очевидной. Но в сказке по-своему осмыслена повесть о столкновении кура и лисицы: в ней выпущен весь спор о греховности петуха, призывы его к покаянию и соответственно этому игра церковными цитатами; сосредоточено внимание на бытовых эпизодах, особенно на рассказе о том, как лиса забежала в курятник. Сохранился в сказке и рассказ о приглашении лисы в просвирни. В сказке, превращенной в шуточную, хорошо разработано счастливое окончание приключений кура, усилено его насмешливое обращение к одураченной лисице. Шуточная сказка о куре и лисице стала рассказываться „скоморошьим ясаком“, сблизилась с прибаутками.

---

* Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 272—274.

Таким образом, устная сказка о лисе-исповеднице представляет последний этап в развитии данной сатирической повести XVII в. В крестьянской среде эта сказка примкнула к жанру сказок о животных, превратилась в юмористическую, поскольку самая тема ее — обличение формального благочестия, — актуальная в той среде, где повесть была создана, в новых условиях не представляла интереса.

„Сказание о куре и лисице" датируется ссылкой на него в „Послании" Ивана Бегичева, относящемся к 1640-м годам. Здесь эта повесть причисляется к „баснословным повестям и смехотворным писмам" *, очевидно, уже хорошо известным; следовательно, повесть сложена не позднее 1630-х годов.

Сохранившиеся тексты повести — не старше начала XVIII в. Они распределяются на три группы-редакции. Старшая редакция, прозаическая, восходит к оригиналу XVII в., который отражает религиозное „вольномыслие", охватившее в первой половине века прогрессивные слои городского населения. Это „вольномыслие", не выливаясь еще в форму открытых ересей, порождало критическое отношение к церковной обрядности, церковным авторитетам, „священному писанию". Настроения такой среды хорошо характеризует послание патриарха Филарета архиепископу Сибирскому и Тобольскому, относящееся к 1622 г.: „. . . в сибирских городах служилые и тамошние люди живут не похристиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцов, а по своим скверным похотям. Многие русские люди . . . крестов на себе не носят и постных дней не хранят, пьют и едят, и всякие скаредные дела делают вместе с бусурманами".**

В такой обстановке сложился целый ряд сатирических произведений, „смехотворно" толкующих тексты религиозно-церковной литературы, обличающих этим способом лицемерие и формальное благочестие, особенно в среде духовенства, высмеивающих распущенность его нравов. В ряду этих произведений („Сказание о бражнике", „Повесть о попе Саве", „Калязинская челобитная" и др.) и „Сказание о куре и лисице" было отражением реальной исторической действительности, а не занесенным извне „отрывком германо-романского животного эпоса", каким пытался представить его А. Н Веселовский. ***

Повесть сложилась, видимо, в Москве. Один из последних ее эпизодов — приглашение петухом лисицы в просвирни к крутицкому архиерею, у которого сам он состоит в певчих, — свидетельство хорошей осведомленности автора

---

* А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева в видимом образе божием. Чтения Общества истории и древностей российских, М. 1898; отд. оттиск, М., 1898, стр. 1—13.

** Макарий. История русской церкви, т. XI. СПб., 1882, стр. 36.

*** А. Галахов. История русской словесности, т. I. Изд. 3-е, М., 1894, стр. 510 (раздел о повестях).

о московских делах: именно в Москве находился в XVII в. Крутицкий митрополичий дом, при котором была специальная певческая школа.

„Сказание о куре и лисице“ самым своим замыслом — представить „грешника“ и „исповедника“ в образах животных — связано, с одной стороны, с народными сказками о животных, где лисица и кур часто появляются в качестве действующих лиц, с другой — с баснями Эзопа, в XVII в. известными уже в двух переводах (Гозвинского — 1608 г., и Каминского —1675 г.). Хитрость и жадность — основные свойства лисы в сказочном и в басенном изображении. С этими качествами лиса переходит и в сатирическое „Сказание“. Многоженство кура — тема, известная басням (ср. в сборнике 1608 г. басню „о коте и алектрионе“, где кот укоряет петуха за многоженство, препирается с ним, а затем съедает его). Однако ни в сказке, ни в баснях нет той открытой направленности против лицемерия духовенства, против формального благочестия, какая характерна для сатирического „Сказания о куре и лисице“; нет такого смелого обращения с текстами „священного писания“, что наблюдается в споре кура и лисицы.

„Сказание о куре и лисице“ представляет собой диалог между героями, состоящий из двух частей. В первой части лисица „лестными словами“ старается сманить кура с „высокого и прекрасного древа“, а кур сначала недоверчиво относится к ее речам, а затем, наслушавшись укоров в своих грехах, спускается и попадает „в кохти“ к лисице. Авторская речь в этой части „Сказания“ ограничивается вступлением, вводящим в рассказ, и короткими замечаниями, поясняющими настроения собеседников. Вторая часть диалога — словесный поединок между куром и лисицей на тему о многоженстве кура, подкрепляемый с обеих сторон ссылками на „святое писание“, затем обширный рассказ лисицы о ее злоключениях в курятнике, оправдания кура и, наконец, попытка кура заманить лисицу обещанием места просвирни. Связывающие реплики автора подчеркивают гневное настроение лисицы и ее удивление „премудрому ответу“ кура. Таким образом, за исключением краткого введения, описания, как кур спустился с дерева, и заключительной фразы — „и тако сконча живот куру“, авторская речь ограничивается связывающими репликами („и рече кур лисице“, „и рече куру лисица“, „отвеща кур лисице“), изредка подсказывающими читателю настроение говорящего. Сюжет и его сатирический смысл раскрываются в диалоге.

Скрыв попа-исповедника за сказочным образом лисицы, автор „Сказания“ напоминает постоянно об этом его прототипе, заставляя лисицу говорить языком, насыщенным церковно-славянизмами, наделяя ее внешне благочестивым поведением, кротостью и смирением, вводя в ее речи к куру напоминания о покаянии и „царстве небесном“, подкрепляя их цитатами то из „Моления“ Даниила Заточника, то из поучения „к ленивым и не хотящим делати“, то из притчи о мытаре и фарисее. Свои назидания куру лисица называет „душеполезная словеса“ — термином религиозно-дидактической литературы, себя она

именует „преподобная жена“ (или „мати“), зовет кура к „праведному покаянию“, обещает „прощение грехов своих в сем веце и будущем“. Однако, заполучив кура в свои „кохти“, лисица перестает быть смиренной. Она „скрежеташе зубы“, смотрит на кура „немилостивым оком, аки диавол немилостивы на христиан“, как поясняет автор, она „ярится“. Теперь, сославшись в последний раз на „святыя книги“ и „правила святых отец“, чтобы укорить кура за многоженство и ревность к „брату своему“, лисица оставляет свои „лестные слова“, благочестивое „учение“, „душеполезная словеса“ и обращается к куру „с великим гневом и яростию“. Выразительной живой речью, без всяких книжных украшений, она напоминает куру о том, как он учинил ей „пакость“: „завопил и закричал мужикам“, когда она зашла в курятник. Теперь уже роли меняются: кур пытается смягчить свою исповедницу, „преподобную матерь“, ссылаясь на житие Бориса и Глеба, на слова царя Давида, на пример апостола Петра. Но лисица, сбросив окончательно маску благочестия, называет оправдания кура „неправедными и небылыми словесами лживыми“, отказывается от приглашения в просвирни к митрополиту, подозревая обман, и, наконец, забывая речи о покаянии, откровенно признается: „А я теперь сама голодна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здравой быть“. „И тако скончa живот куру“, — заключает свой рассказ автор.

Как видим, переход от книжного языка к яркой живой речи, пересыпанной пословицами и поговорками, местами ритмичной, обусловлен тем, как раскрывается основной сатирический образ „Сказания“ — образ лисы-исповедницы. Читатель вместе с куром настораживается уже после первых „лестных слов“ лисицы: „Зде (на „высоком древе“, — *В.А.-П.*) умру, а к тебе, госпожа моя лисица, не иду, понеже язык твой лстив, уста твоя полны суть неправды“. Коварные намерения лисицы очевидны, поэтому и ее благочестивые речи теряют свой смысл: они оказываются лишь средством заманить кура в „кохти“ исповедницы. „Душеполезная словеса“ лисицы — авторский прием выявить ее лицемерие, а вместе с тем раскрыть и сатирический замысел этого образа, обличающего формальное, внешнее благочестие, жадность, прикрытые фальшивым сочувствием („и сама лисица прослезися горко о гресех куровых“).

Умело использующий, где этого требует тема, запас литературных образов и цитат (см. примечания „а“, „б“, „в“), автор отлично знаком и с приемами сказочного стиля („з древа на древо, с сучка на сучок, с куста на кустик, с пенка на пенек“; „и гуси тогда загоготали, и свиньи там завизжали, а детки их услышали и за мною погналися, с жердьем и с ружьем, и с колием и с собаками, с вопом и с свистом“; „ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в роду, ни в племени“ и т. д.).

Сказочность и самого сюжета и стиля, в каком он в большей части изложен, ощущалась читателями „Сказания“ и потому доработка его заключалась нередко в усилении именно этой сказочной стихии произведения: лисица называется „Захарьевна“, в текст вводятся новые прибаутки, рассказ заканчи-

вается иногда типичной сказочной концовкой-прибауткой („Куру смерть, лисе слава, дьякону сала, попу корова, дьячкам желвак, пономарю болеток, просвирне курок и всему тому конец“ и т. п.), и, наконец, появляется новая развязка сюжета — согласно сказочной традиции кур не гибнет, а спасается: лисица, заслушавшись речей петуха о радостях жизни просвирни, „ослабила кохти“, кур взлетел на дерево, издеваясь оттуда над лисицей, и та, посрамленная, уходит ни с чем в лес (список ГПБ, Q. XVII. 17).

[а] аки в трубу златокованную затрубишь — цитата из „Моления“ Даниила Заточника: „Вострубим яко во златокованныя трубы“ (Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 4).

[б] не долго спите . . . князям милу не быть — цитата из „Поучения к ленивым и не хотящим делати“, вошедшего в позднюю редакцию Измарагда XVI—XVII вв. и встречающегося отдельно в сборниках среди повестей (например в сборнике ГБЛ, № 363): „Не долго спите, не долго лежите, вставайте рано, ложитеся поздо, молитеся богу, да не внидите в напасть, яко же рече господь. Лежа добра не видати, а горя не избыти, и спасение не получити, бога не умолити и грехов не очистити, чести и славы не получити, цветных риз не нашивати, медвеного пития не пивати, сладкого брашна не ядати. Безумному и ленивому и невостанливому добрым мужем не слывати, и господином в дому не бывати, и во власти себе не видати, к богу и ко князю и к государю милым не бывати“ (А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. III. СПб., 1897, стр. 93—94).

[в] чтешь притчу о мытаре и фарисеи . . . паче погрешить — ссылка на евангельскую притчу о мытаре и фарисее.

[г] в бытиях пишет . . . умножите землю — ссылка на библейский рассказ о „Ноевом потопе“ (книга Бытия, гл. 9, ст. 1): „И благословил бог Ноя и сынов его и сказал: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю“.

[д] по каторой реке плыть, по той и славу творить“ — ср. пословицу: „По которой реке плыть, по той и славу творить“ (П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц и поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. I. СПб., 1899, I, № 2020).

[е] одному господину служить, а другому не грубить — ср. пословицу: „Другу дружи, а другому не груби“ (Сборник пословиц 1779 г.).

[ж] Царь же Давид написа . . . будут от бога — с ошибочной ссылкой на царя Давида приведена цитата из так называемой „нагорной проповеди“ Христа (евангелие Матфея, гл. 5, ст. 7).

[з] рече господь Петру . . . николи же — ссылка на евангельский рассказ о троекратном отречении апостола Петра от Христа в Гефсиманском саду.

[и] не отжени класа неозрелова и не пролей крови неповинныя напрасно —

пересказ цитаты из жития Бориса и Глеба: „Не пожнете класа несозрела, аще ли прольяти кровь мою хощете (С. А. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928, стр. 12).

[К] кануны — пиво (диалектное севернорусское слово).

[Л] Не сули ты мне журавля в небе, токмо дай синицу в руки — ср. пословицу: „Не сули журавля в небе, дай синицу в руки" (Сборник пословиц конца XVII — начала XVIII в. бывш. Петровской галереи).

[М] Не сули мне в год, сули в рот — ср. в тексте „Службы кабаку": „Люди в рот, а ты глот".

Повесть о бражнике

„Повесть о бражнике", полемизируя с тезисом церковно-дидактической литературы — „пьяницы царства небесного не наследят", — отвергает признанный авторитет „святых отцов" — апостолов, библейских царей, а в некоторых списках еще и святого Николая. Бражник доказывает, приводя факты из библейских и житийных биографий этих лиц, что они ничуть не больше его заслужили „царство небесное", так как совершали при жизни тяжелые преступления против религии. Свой „бытовой" грех бражник считает гораздо менее достойным наказания, а к самим святым он обращается без всякого почтения.

Каждый из эпизодов этой повести слагается по одному и тому же плану: бражник стучит в ворота рая, к которым подходят по очереди апостолы и библейские цари; диалог между бражником и райскими жителями составляется из одних и тех же вопросов и ответов, разнятся лишь приводимые бражником тексты из легендарных биографий его собеседников. Эти тексты бражник толкует так, что запрещающие ему войти в рай святые не могут ничего возразить и уходят „посрамленные". Наконец, последний, Иоанн Богослов, либо сам пускает бражника в рай, либо предварительно спрашивает разрешения на это у хозяина рая — „господа бога", и тот отвечает, беря под защиту бражника: „Понеже он имя мое славил за всякою чашею, и аз прославлю его во царствии небесном во веки веков аминь".

Бражник и в раю продолжает вести себя независимо; он садится „в лутчем месте" и недоумевающим „святым отцам", спрашивающим: „Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту не мало приступити смело", отвечает: „Святи отцы! не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым".

Русские „вольнодумцы", „еретики" обращали свою критику прежде всего на обрядовую сторону религии; отвергая почитание икон, они не признавали и культа святых. Несомненный отзвук такого „вольномыслия" ощущается и в „Повести о бражнике": в „смехотворной" форме она доказывает, что собственно и в рай не за что было пускать тех, кого принято считать „праведниками". Сатирическое изображение формального благочестия, а не защита

бражников — основная цель этой повести. Каждый из собеседников бражника на его вопрос — „ты, господине, кто?“ — гордо отвечает, хвалясь своими заслугами, своей властью в раю. Апостол Петр объясняет, что господь поручил ему „ключи царства небеснаго“; апостол Павел напоминает, что он „крестил Ефиопскую землю“; царь Давид, хвастаясь своей добродетелью, отсылает бражника „к прелюбодейцам“; царь Соломон ставит себе в заслугу, что он построил храм „святая святых“. Но всем им в ответ бражник напоминает позорящие их факты: Петру — его отречение от Христа, Павлу — избиение Стефана, Давиду — его „прелюбодеяние“ с Вирсавией, Соломону — поклонение идолам, Ивану Богослову — несоответствие между словом и делом, а Николаю — заушение „Ария безумнаго“. Посрамив всех, доказав, что они меньше его имеют права быть в раю, бражник получает разрешение войти „во врата рая божия“.

Вся острота содержания повести заключена в этих репликах бражника. Автор-рассказчик не вмешивается в спор между „праведниками“ и бражником; приведя в начале повести очень сжатую завязку действия — бражник пил, но „за всяким ковшем господа бога“ прославлял, умер и был поставлен ангелом у „божественных врат“, — автор затем дает лишь свои ремарки — „нача толкатися у врат“, „рече“, „отиде прочь“, „воздохнул“ и т. д., — подсказывая только читателю, что собеседники отходили от бражника „посрамленные“. Повидимому, в первоначальном своем виде текст повести заканчивался кратким сообщением: „. . . и отверзоша врата рая божия, и возрадовася бражник радостию великою“. Но в отдельных списках переписчики уже с XVII в. посвоему развивали это краткое сообщение. Один изобразил последнее препирательство между бражником и „святыми отцами“ по поводу права его на „лутчее место“ в раю; другой направил внимание на тему пьянства и добавил нравоучение, обращенное к „братии“, „сынам русским“: „. . . не упивайтесь без памяти, не будете без ума и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители“.

К типичным приемам народной сказки ведет характерное для повести единообразие в построении каждого эпизода. Вопросы и ответы бражника и „святых отцов“ повторяются дословно в одной и той же форме, пока дело не доходит до главного — обвинения „праведника“ в каком-либо преступлении.

Вся конструкция „Повести о бражнике“, ее язык решительно опровергают попытку рассматривать это произведение как перевод западного анекдота о крестьянине или мельнике, препирающемся у ворот рая со святыми, которые его туда не пускают.* Если даже допустить, что тем или иным путем этот

* См. раздел А. Веселовского о повестях в книге: А. Галахов. История русской словесности. Изд. 2-е, СПб., 1880, стр. 498—500; также см.: М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры. Пгр., 1924, стр. 243.

анекдот дошел до русского читателя, то вся разработка данной темы в „Повести о бражнике“ вполне самостоятельна. Изображение бражника, смело нападающего аа „святых отцов“ и защищающего свое право на место, притом лучшее, в раю, явно противопоставлено русской религиозно-дидактической литературе, в течение ряда веков внушавшей, что „пьяницы царства небеснаго не наследят“. Этот обобщенный образ бражника лишен индивидуальных черт, так же как и образ пьяницы, осуждаемого „поучениями“. Однако бражник повести говорит с интонациями живой русской речи, пересказывает тексты „священного писания“ по славянскому их переводу, а автор ведет весь рассказ как опытный народный сказочник, постепенным нагромождением одинаково построенных диалогов усиливая впечатление и подготовляя развязку. И самым замыслом, и его литературным выражением „Повесть о бражнике“ сближается с другими образцами „смехотворного“ истолкования „священных“ текстов; в конечном итоге обличавшими формальное благочестие.

[а] Господине Петр . . . не быть в раю. — Рассказ о троекратном отречении апостола Петра содержится в евангельском повествовании о молитве Христа в Гефсиманском саду.

[б] Господине Павел . . . о чемь ты в раю? — этот эпизод содержится в житии Стефана первомученика.

[в] послал слугу своего Уляна . . . на постелю. — Легенда об Урии и Вирсавии содержится в Библии (Вторая книга Царств, гл. 11): Давид взял жену Урии Вирсавию, а его послал на войну, приказав поставить на самом опасном месте, и Урия был убит.

[г] Господине царь Соломан . . . до конца. Легенда о поклонении Соломона идолам взята из Библии (Третья книга Царств, гл. 11).

[д] бражники царства небеснаго не наследят — эти слова, приписанные Иоанну Богослову, представляют слегка измененное выражение из религиозно-дидактических поучений о пьянстве: „пьяницы царствия небеснаго не наследят“.

[е] аще ли друг друга возлюбим, а бог нас обоих соблюдет — пересказ изречения Христа из евангелия Иоанна (гл. 13, ст. 34).

Сказание о крестьянском сыне

Резкое имущественное расслоение крестьянства, наблюдавшееся в XVII в., привело к выделению в селе „богатых мужиков“, разными способами эксплуатировавших основную часть крестьянства. Открытая борьба с этой формой внутриклассового угнетения была трудна, зато народная сатира подмечала слабые стороны противника и высмеивала их то в меткой пословице, то в сказке, то в шуточной песне. Демократическая литература второй половины XVII в. подхватила и эту тему народной сатиры.

„Сказание о крестьянском сыне“ — это сатира и на лентяя, который предпочел учению добывание „денешки скорой и горячей“ воровством у „богатых мужиков“, и на „богобоязненного“ богача, принявшего вора за „ангела господня“, потому что тот, обкрадывая крестьянскую клеть, произносил довольно удачно подобранные тексты „священного писания“. Школа, в которую крестьянский сын „отдан бысть родителми своими грамоте учитися“ и где его „мастер болно бил за великое непослушание и ленивство“, — научила его этим текстам, а применяет он „божественные словеса“, чтобы обмануть глупого хозяина.

Малоумие богатого мужика изображено намеренно преувеличенно; даже жена его понимает, что „божественные словеса“ произносит не „ангел господень“, а „тать“, и пытается убедить в этом мужа: „Кабы был ангел господень, и он бы с нас шубы не снимал да на себя не надевал“. На минуту поверив жене, крестьянин „березовым ослопом“ бьет „татя“ в лоб. Но снова услышав слова псалтыри, крестьянин „убоялся“ и начал бранить жену: „. . . греха ты мне доставила, ангела убил, Христу согрубил“. И после этого „тать с товарищами“ спокойно выносят из клети весь „живот“ доверчивого хозяина.

Особую остроту этой сатире придает пародийное применение церковных изречений, которые тут же обычно переводятся в бытовой план; издевательского смысла такого употребления культовой фразеологии не понимает тот, для обмана которого „тать“ произносит „божественные словеса“, и этим создается комическая ситуация. Читатель вместо сочувствия ограбленному смеется над его малоумием. Смехотворное использование церковных текстов — один из излюбленных приемов сатиры XVII в. — и в „Сказании“ подчеркивает антиклерикальные настроения той демократической среды, в которой эти сатиры слагались и усердно читались. Активный интерес читателей XVII и XVIII вв. к подобным приемам выражался в том, что эта сторона изложения нередко развивалась: подхватывался самый способ сближать бытовые положения с церковной фразеологией, вводились дополнительные эпизоды, новые сопоставления. Примером такой „работы“ над текстом „Сказания о крестьянском сыне“ является список 1792 г.

В народной сказке всегда проявлялось большое мастерство вести рассказ, сталкивая церковную фразеологию с сугубо бытовой. Так, в сатирической сказке о том, как поп по обычаю пришел в праздник „с крестом“ в крестьянскую избу, вся характеристика жадного попа, для которого религиозный обряд представляет лишь источник дохода, сосредоточена в его словах. Молитвенные возгласы поп соединяет с обращениями к хозяевам о том, как и чем его надо накормить, причем с помощью рифмы эти разного содержания части его речей связываются в одно целое: „Благослови бог! А хорош ли пирог?*, „Православные, живите дружно! А к киселю молока нужно“, „Во имя отца и сына и святого духа! А в рыбнике запеклась муха“, „Бойтеся греха и ада! Покор-

мить попа нада", „Мир дому сему отныне и до века! Накормили человека", „Нет бога святей! Запрягайте лошадей!"*.

Сказки подобного рода иллюстрируют тот „образцовый индифферентизм" духовенства к вопросам религии, который особо отметил В. Г. Белинский в „Письме к Гоголю", то пренебрежение к самой сущности религии у корыстного духовенства, которое позволяло ему относиться к религии как к ремеслу, доставляющему доход.

Повесть о Карпе Сутулове

„Повесть о Карпе Сутулове" примыкает к группе антиклерикальных сатир XVII в., разрабатывающих свою тему по типу народных сатирических сказок о любовных похождениях попов. Связь повести со сказками поддерживается не только сюжетом, но и самой формой изложения, сохраняющей характерную для народной сказки замедленность повествования, с дословным воспроизведением речей действующих лиц вместо пересказа их содержания, с троекратным повторением одной и той же ситуации, в которой меняется лишь один из участников, с типичной для сказки счастливой развязкой действия. В книжной обработке сказочного сюжета произошло расширение круга объектов сатирического обличения: вместе с попом и архиепископом неудачным искателем любви Татьяны Сутуловой оказывается „гость богатый", друг ее мужа. И хотя воевода готов дать Татьяне денег без залога и без всяких домогательств, он, наказывая незадачливых поклонников Татьяны, берет с них огромный штраф в свою пользу, хитро уступая часть этого штрафа „премудрой жене".

Своеобразной чертой „Повести о Карпе Сутулове", по сравнению со сказками на аналогичный сюжет, является и то, что активная роль в разоблачении гостя, попа и архиепископа отведена целиком женщине. Попытка связать образ Татьяны с традицией, идущей от поучений о „злых" и „добрых" женах, не может быть признана убедительной. Мораль веселой, смелой, деловитой и изобретательной Татьяны Сутуловой, сумевшей извлечь выгоду из сложившейся ситуации, охраняющей свою добродетель хитрыми уловками, не имеет ничего общего с дидактическими наставлениями этого вида учительной литературы. Домогательства поклонников не пугают и не возмущают ловкую купчиху; они дают ей повод поставить героев в смешное положение и получить с них немалые деньги. И когда автор повести заставляет Татьяну говорить с попом и архиепископом тоном проповедника, даже цитировать „священное писание", он этим приемом подчеркивает комизм положения. В целях заострения сатирического смысла автор прибегает к явным преувеличениям, когда, например, он заставляет архиепископа нарядиться, притом „с радо-

* Сказки и предания Северного края. Запись, вступительная статья и комментарии И. В. Карнауховой. Academia, 1934, стр. 25.

стию“, в женскую рубашку или изображает, как воевода „посмеяхся“, видя вылезающих из сундуков, „от срамоты, яко мертвых“, посрамленных „от мудрыя жены“ ее поклонников. По-сказочному преувеличены и размеры наложенного на них штрафа.

Хорошо знающий быт и нравы купеческой среды, автор не идеализирует последнюю, показывая, как „друг любимый“ Сутулова домогается любви его жены, как „возрадовася“ сам купец, узнав о выгодном исходе приключений Татьяны. Сутуловы — представители нарождающейся буржуазии, которая освобождается от старозаветного уклада жизни, люди переходного времени, деловитые, практичные, но морально неустойчивые даже в способах охранять „честь“ своего дома, умеющие из всего извлечь прямую материальную выгоду.

Действие повести развертывается в типично русской обстановке; герои наделены именами, известными по русским документам. Идейная и художественная связь повести с русской литературной и народной сатирой XVII в. говорит о том, что эта веселая сатира, имеющая в основе антиклерикальную тему, могла сложиться только в русской исторической действительности. Поэтому поиски иноземных — западных и восточных — параллелей к ней * не могут объяснить ее происхождения и представляют интерес лишь в том отношении, что помогают ярче ощутить своеобразие разработки данной темы в русской литературе конца XVII в.

Лечебник на иноземцев

Историческая действительность XVII в. немало способствовала выработке в разных слоях русского общества недоверчивого, а иногда и открыто враждебного отношения к иноземцам. Временно захватившие в начале XVII в. Москву отряды польско-литовских шляхтичей вели себя как завоеватели, оскорбляли русских людей своим пренебрежением ко всему русскому, и с тех пор в устной поэзии народа образ „Литвы поганой“ слился с „Ордой“ — вековым его врагом. Среди приглашенных в Русское государство правительством иноземных специалистов было немало и скрытых шпионов, и авантюристов, искавших легкого заработка, и невежественных людей, выдававших себя за опытных мастеров, пренебрежительно относившихся к тем русским, кого отдавали им на обучение. Иноземные офицеры озлобляли жестокостью и несправедливостью подчиненных им русских воинов; иностранные купцы своей недобросовестностью наносили ущерб русской торговле; врачи и аптеки новыми способами лечения вызывали недоверие. Так назревало недоброжелательство к иноземцам, хлынувшим на Русь в поисках заработка.

Литературным выражением этого недоброжелательства явился пародийный „Лечебник... как лечить иноземцев и их земель людей“. Крайней степенью

* Ю. М. Соколов. Повесть о Карпе Сутулове. М., 1914, стр. 8—40.

раздражения против иноземцев продиктованы рецепты лекарств, от которых „кому не умереть — немедленно живота избавит“, „на утро в землю“ отправит, сделает „здравым без обеих рук“. Даже старинный заговор предлагает, чтобы „немецкие ноги“ „таскались“ так, как „таскались санные полозья“.

Сами рецепты напоминают скоморошьи небылицы, с их нагромождением невероятных предметов, описанием невозможных действий, хотя внешняя форма этих рецептов несомненно пародирует подлинные лечебники. Явным издевательством над заболевшим иноземцем являются эти наставления — добывать несуществующие в природе составные части лекарств („мостовой стук“, „вешний топ“, „тележный скрип“, „орлово летанье“, „свиной визг“ и т. д.), приготовлять лекарства неосуществимыми способами (брать „водяной струи... без воды“, мерить „длинником на пол десятины“, из жернова „выбивать ентарное масло“, „укрошить в два ножа“ „москворецкой воды на оловяном блюде“ и т. п.), применять, наконец, ряд невыполнимых мер („потеть 3 дни на морозе нагому, покрывшись от солнечного жаркого луча неводными мережными крылами в однорядь“, вытираться „самым сухим дубовым четвертным платом“, „парить немецкие ноги“ „соломяным суслом“, в котором варился „из-под саней полоз“ и т. д.).

Составитель „Лечебника“ хорошо знает форму рецепта, но, отталкиваясь от нее, он предлагает такие способы леченья, как будто вообще не верит в медицину. Может быть, именно такая форма литературной сатиры избрана была потому, что составитель лечебника из всех иноземцев особенно не доверял врачам и аптекарям. Обилие в записях XVII в. пословиц, отвергающих авторитет новых лечебных средств, подсказывает такое объяснение.

„Лечебник“-пародия не только самой своей темой связывается с настроениями в посаде XVII в., отраженными и в народных пословицах. В его языке еще нет никаких следов петровской эпохи. В „Лечебнике“ есть, кроме того, ссылка на „писцовые книги“, слово „аптека“ употребляется в нем в старой форме — „обтека“, известной еще с XVI в. Так, в писцовых книгах 1594 и 1595 гг. называется „обтекарский приказ“,* в записях же пословиц конца XVII— начала XVIII в. фигурирует уже „аптека“. Форму „обтека“ применяет и сатира XVII в. — „Сказание о попе Саве“.

На XVII в. как на время сложения пародийного „Лечебника“ указывает и хорошо выдержанная в нем форма медицинских книг, особенно популярных именно в этом веке. Совет — применять „москворецкую воду“ — может быть свидетельством того, что данная сатира сложена в московском посаде.

Лечебниками обычно назывались медицинские книги, известные в русской письменности с XVI в.**

---

* Н. Н. Качалов. Писцовые книги конца XVI века, т. 1. СПб., 1877, стр. 811.

** Змеев. Русские врачебники. СПб., 1895.

Форма лечебника в религиозно-дидактической литературе XVI—XVIII вв. применялась и в статьях, трактовавших о средствах „врачевати души своя". В многочисленных списках с XVI в. бытовало „Слово от старчества", дававшее рецепт „лекарства душевного". В списке конца XVI— начала XVII в. (Центр. Гос. лит. архив, собрание Мальцева, № 1122/654, лл. 39 об. — 40 об.) этот текст читается полностью, в рукописи бывш. Архива Министерства иностранных дел, № 509 (990), конца XVII в., на л. 227 приведено краткое извлечение из него, опускающее первую часть рассказа. Приводим текст по списку собрания Мальцева.

„Слово от старчества. Глаголаху отцы, яко мимоходя некий мних сквозе скит, и прииде во врачебницу, и виде тамо приходящая люди многы, имуще болезни различныя, единому комуждо их подаваше врач, яве на ползу людем. Вшед убо мних той и беседова со врачем тем, и вопроси его врач, глаголя: «Кою потребу имея, отче, пришел еси к нам?», и рече мних: «Есть ли былие, действующее во мнозех согрешениих?». Врач же отвеща к нему: «Поиди и восприими корень духовныя нищеты, листвие терпениа и смирения цвет, и семя кротости, и молитвеныя ветви; смесив и свари в котле послушаниа, и вложи в сито благих помысл, и тако всыпли в горнец совести, и влей воду слезную, и покрый любовию, и одолев и возжги пламе́нь божественыя любве. Да егда доволно воскипит, всыпли на блюдо разсуждения, и размеси с благодарением, и прийми умиления ради обращение, и очисти исповеданием, и тако умалиши грехов своих множество о Христе Исусе господе нашем, ему же слава",

В лубочных листках XVIII—XIX вв. эта статья издавалась несколько раз, иногда с иллюстрациями, под заглавием „Аптека духовная".*

Более поздний вариант этого „Лекарства" представлен в сборнике петровского времени (ИРЛИ, собрание В. Н. Перетца, Q. № 236, л. 546) статьей под заглавием: „О лекарстве душевнем, како подобает всем православным християном лечити и врачевати душы своя:"

„Человеке божий, аще хощеши излечити и уврачевати множество содеянных грехов твоих, сыщи и ископай корень духовныя смиреныя твоея нищеты, на нем же растет ветвь молитвы к богу со исповеданием. На той же ветви листвия многаго терпения, у той же ветвии цветы цветут сердечного твоего многаго смирения. В тех цветах ищи семена кротости исполнения. И сыскав многоценный той добрый корень, совсем выкопай, и выкопав, обмой водою чистаго твоего покаяния, и восприимши той, сие все смеси себе вкупе и вложи в златый твой сосудец ко всем послушание. И просей ситом добрых помыслов. И тако всыпи в горнец совести чистыя. И налей водою своею слезною, и покрой покрышкою любве ко всякому, и подпали огнем любве божественыя.

* Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 3. СПб., 1881, стр. 53.

И егда доволно в трудех твоих то все укипит, и вылей на блюдо чистое добраго разсуждения и размешай веселкою благодарения. И из той зделай пластыр плача умиления и прикладывай на раны душевныя. И паки очищай их часто молитвою со исповеданием. И тако излечиши раны и умалиши множество грехов своих".

В XVIII в. некоторую связь с формой лечебников сохраняют юмористические рифмованные произведения — „Рецепт чем лечиться человеку похмелному, от протчих головою отменному" (см., например, рукопись ГБЛ, собрания Ундольского, № 904, лл. 39 об.—42) и лубочный текст „Аптека целительная с похмелья".* Лишенные сатирической направленности, эти произведения вышучивают рецепты лечебников, типа „на тяжелое похмелье", „кто не похочет подчас компании быть пьяным, да и как пьянство омерзит" и т. п., но в целом очень далеки от жанра подлинных лечебников.

Совершенно очевиден сатирический смысл рецептов, какие нередко помещались в сатирических журналах конца XVIII в. Рецепт здесь не является пародией; его задача, как и подлинного, излечить, но не от болезней „телесных", а от пороков, слабостей; иногда в такие рецепты проникают мотивы общественной сатиры. Например, „Трутень" Новикова советует Злораду „принимать чувствований истинного человечества 3 лота, любви к ближнему 2 золотника, и соболезнования к нещастию рабов 3 золотника: положа вместе, истолочь и давать больному в теплой воде". Литературные споры конца XVIII в. отражены в рецепте „Сатирического вестника" за 1790 г. (ч. II, стр. 110), который иронически предлагает „слабительное для ученых мужей": „Возьми три листа поэмы, восемь листов Бовы королевича и 6 листов Ильи Муромца и разных прочих сказок от 10-ти до 12-ти. Дай сему вместе настояться, потом употребляй". Чаще такие рецепты морализируют более отвлеченно, так, например, против „склонности к насмешкам" советуют „давать каждое утро по стакану здравого смысла, смешав с оным 7 унций скромности, 4 лота осторожности, хорошего и прязненного обхождения от 7 до 10 золотников, смотря по силе болезни".** „Любовную болезнь" предлагают лечить „прохладительными напитками": „3 золотника холодности, 14 равнодушия и 18 беспристрастия, все сие вместе смешивается и принимается вдруг".*** В составлении шутливых рецептов, высмеивавших семинарскую науку, отдельные литературные факты и т. д., немало упражнялись учащиеся семинарий, заносившие такие рецепты иногда среди учебных записей, школьных сочинений и т. п. Форма рецепта применялась здесь без пародийного оттенка. Например, в сборнике Библиотеки АН УССР, собрания бывш. Церковно-археологического

---

* Ровинский, ук. соч., кн. 1, стр. 329—331.

** Сатирический вестник, изд. 2-е, 1795, стр. 110.

*** Там же.

музея, Муз. № 244, начала XIX в. записаны рецепты, составленные в 1807—1808 гг. семинаристом Романом Саволинским:

(л. 285 об.) „Питье чистительное:

Возми три листа Аристотелевой логики, на греческом языке; два листа школьных самых острейших разсуждений, как, например, тонкого Скота; четире листа из Парацельса, лист из Аверроя, три из Порфирия и столько ж из Плотина и Ямвлиха. Все сие вместе налив, оставь на сутки мокнуть и выпей потом в четире приеми в день.

Чистительное посилнее:

Возми десять А. из С. касательно В. и С. из Е.; перегони сие через водяную теплицу; замори потом одну только каплю острой и едкой влаги, из того произведенной, в обыкновенном стакане воды и выпей все благонадежно.

Рвотное:

Возьми шесть приве[т]ственных речей, дюжину похвальных при погребении говоренных слов без выбора (остерегаясь только, чтобы не употребить тут слов NN), собрание новых опер, пятдесят романов, тридцать новых судопроизводных записок; все сие положив в химической клуб на два дни ради сварения, перегони потом через теплицу песочную и, когда всего того не довольно, то:

2-е, посильнее:

Возми один лист бумаги крапчатой, такой, который употреблен был на обвертку собрания сочинений І. Г., дай мокнуть ему три минуты; вели разогреть состава сего одну ложку и проглоти его.

(л. 286) Лекарство самое простое для излечения от обдишки:

Читай все творения почтеннаго отца, прежде бывшаго езуита Мембурга, наблюдая только останавливаться не иначе на конце каждого периода; и почувствуешь, дыхание мало по малу в тебе облегчится, не повторяя сего лекарства.

Предохранительное от чесотки, коросты, шолудей и лошадиной парши:

Возми три кафегории Аристотелевы, две степени метафизическия, одно отличие логическое, шесть стихов из Шапелена, одно речение из писем Г. Аббата С. Кирана, напиши все сие на лоскутке бумаги, сверти его, привяжи на ленточку и носи на шее.

Конец".

Этой школьной традиции следовал иногда и Н. Щербина в своих сатирических произведениях (см. стр. 186.).

[a] Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба — ср. рецепты в лечебниках: „аще у кого утроба обезсилеет или чрево болит", „аще у человека утроба держит" (здесь и ниже параллели приводятся по рукописному лечебнику 1763 г.,

ИРЛИ, собрания В. Н. Перетца, Q. 76, и по материалам, изданным в „Русских врачебниках“ Змеева).

[б] вытереть самым сухим дубовым четвертным платом — ср. в лечебниках: „утирать суровым полотенцем“.

[в] истолочь намелко — ср. в лечебнике: „истолокши, всыпать“.

[г] ентарного масла — ср. в лечебнике: „масло белое янтарное“.

[д] смешать все вместе — ср. в лечебнике: „смешать все вместе“.

[е] взять ис под саней полоз . . . немецкия ноги — данный рецепт пародирует форму народного заговора: вначале описывается сопровождающее заговор колдовское действие, затем самый заговор строится по типичной формуле — как . . . так, например: „как те три цвет-розы изнистожились, так бы и моя болись пропала и высохла“, „как мертвец лежит во гробе. . . онемевши и одубевши, так бы и у меня, раба божия, зубы онемели и одубели“ и т. д. (Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и пр. СПб., 1907, стр. 72, 75 и др.). Действия и слова, в заговоре предназначенные для того, чтобы вылечить человека, в данной пародии рекомендуются как средство лишить иноземца ног.

Роспись о приданом

Пародийная „Роспись о приданом“, по мнению И. Е. Забелина, „носит на себе все признаки XVII ст., когда, вероятно, она и была составлена“.* По сообщению И. Е. Забелина, „в 1733 г. в Духовную Дикастерию была подана на высочайшее имя жалоба служителем лейбгвардии Преображенского полку капитана-поручика Головина Алексеем Граниковским на Хлыновского попа Василия, который «принес с собою некакую проказу, роспись смехотворную, якобы кому надлежит к женитьбе, у которой он, поп, своею рукою и подписался и тем при гостях учинил мне, нижайшему, немалой афронт и безчестье»“.**

И. Е. Забелин рассматривал подобные росписи приданого как образец „шутовских стихотворных речей, какими шуты-дураки потешали некогда своих слушателей“. В этой характеристике не учтен совершенно сатирический смысл этого вида пародийных произведений. Между тем документы позволяют видеть в них не просто „смехотворные речи“, а насмешку над обычными в небогатой среде „свадебными обманами“: не имея возможности действительно дать за невестой большое приданое, для гостей писали особую роспись, значительно

---

* И. Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е, М., 1872, стр. 433.

** Там же, стр. 430 (текст издан на стр. 430—433).

преувеличивавшую размеры того имущества, какое невеста вносила в семью мужа.*

Хотя росписи приданого и в XVII и в XVIII вв. слагались по типу небылиц, перечисляющих невероятные, несуществующие предметы, самая форма их явно пародировала „рядные“, „сговорные“ записи, в которых обстоятельно описывались все предметы, даваемые за невестой в приданое.

Сатирический смысл пародийной „Росписи о приданом“ несомненно воспринимался читателями, поэтому автор интермедии „О свадьбе однодворцовой дочери“,** изображающий однодворца, который „в нищие попал“, не знает, „чем и питатца“ и старается выдать дочь замуж, вводит „роспись“ как комический эпизод. „Цыган“, устраивающий свадьбу, на просьбу невесты — „Сватушка, цыганушка, требует у меня жених росписи приданому“ — отвечает: „Вот я скажу ему, лукавому, роспись приданому“ (ср. заглавие текста XVIII в.: „Роспись приданому жениху лукавому“). Следующий за этим текст „Росписи“ выдержан в стиле небылицы, характерном для этого произведения с XVII в.:

Кичка строченая, в ней береза точеная,
подзатыльник красной да подубрусник атласной,
сорока строченая да перевяска соломенна золоченая,
переденка бисером шити да костик из дерева липы,
в три молота сбити.
Без ценовки сшита епанча да на занавесы рогожна парча,
понове сшита кочетыгом с подковыркой
с маленькой дыркой.
Мочальная понки да в приданые брать ее оконка
хлопеник да соломанной мшеник,
лапотки семерички да дубовые чирички,
подколной тулуп да жени горшок на пуп.
И то приданое все [на] лицо как свиное яйцо.

К варианту XVII в. немало любопытных параллелей в самом способе описания дает, например, рядная запись 1681 г.*** Шереметев пишет в этой рядной: „Да приданого даю я за дочерью своею, за княжною Настасьею Семенов-

* Описание „меньшего свадебного чина“ см.: Временник Московск. общ. истории и древностей российских, кн. 25, М., 1857, Материалы, стр. 155—174.

** Эта интермедия известна в единственном списке ГПБ, собрания Титова, № 1627, второй половины XVIII в. Текст сохранившихся ролей издан: В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII века. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 415.

*** А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. 8. СПб., приложение, стр. I—VII.

ной: чепь золотая * с финифты, а на ней три креста золоты, один с яхонты червчатыми с финифты, зерна Бурмицкия, да два креста с финифты ж, закрепы на них по 4 зерна Кафимския, другая чепь золотая ж, на ней крест золот; 15 перстней золотых с алмазы и с яхонты и с изумруды и с лалы, с розными финифты; кика с поднизью и с камением, с лалы и с изумруды и с рясы; ожерелье женское жемчужное, низано в рефидь, с яхонты лазоревыми и с лалы, а у него 5 пуговиц яхонты лазоревые да лалы закреплены зерны Бурмицкими... серги двойчатки, яхонты лазоревые да лалы, на спнях золотых, закреплены зерны Бурмицкими... шапка низаная жемчюгом по жаркому отласу с насыпью, с камением с изумруды и с лалы... шубка бархат золотной Турской, золото с серебром... летник обьяринной серебреной, травы золоты с розными шелками, вошвы шиты по черному бархату высоким швом... телогрея обьяр серебреная, струйчатая по алой земле, круживо золотное, плетеное с городы, пугвицы серебреные, золоченые на обшивное дело... шуба изорбаф золото с серебром с розными травы на соболях, круживо плетеное, золото с серебром с городами, пугвицы обнизныя... постеля и изголовье, наволоки камка червчетая, на изголовье наволока желтая камчатая; две подушки отлас червчетой; одеяло изорбаф алой, травы серебреные, грива шита по червчетому атласу золотом и серебром на соболях... ларец бархат червчет с голуны серебреными, окован серебром, местами позолочен... белильница чеканая серебреная позолочена и с румянницею... зеркало бархатное червчетое... сорок сорочек полотняных, 20 простынь урупковых и полотняных; башмаки бархат червчет с голуном серебреным... да вотчин в Гороховском уезде в Купленской волости — вотчина деревня Малинова, деревня Мисюрева, деревня Борки, 42 двора, да вотчина в Арзамасском уезде в Зомесном стану, за Шатковскими вороты... А запись писал Ивановской площеди подьячей Сенка Козьмин. Руку приложил...“ (следуют подписи свидетелей).

В сговорных записях XVIII в. появляется много названий женских одежд, вошедших в обиход столичного, а затем и провинциального дворянства, с петровского времени переодевшегося „на европейский лад“. Например, в сговорной записи 1760 г.** читаем: „... платья пара люстриновая корнатовая с серебреною сеткою ... зеленой грезетовой рабронт с выколоткою атласною, юпка черная грезетовая ... мантилия насыпная на бельим меху ... исподница алая товтяная, стеганая у узор ... головных уборов кружевных и марлевых шесть крагатец марлевой, околок флеровой, дюжина платков марлевых ... полдюжины чулок шелковых и бумажных, дюжина шитых башмаков ... кровать зеленая товтяная, адеяло белоя таманское, в узор стегано ... перины и подушки

* Подчеркнуты названия предметов, встречающиеся в пародийной „Росписи приданого“.

** Старинные бумаги П. И. Щукина, ч. 5, М., стр. 143—144.

пуховыя, на них наволоки товтяныя алыя да каморгковыя шытыя ... дюжина рубашек веленлорских шитыми манжетами ... два сундука кованых ... дворовых людей и крестьян всего числом наличных мужеска полу 25 душ с их женами и з детми со внучаты и с приимущи ... в показаной деревне Лисицы земли, что по дачам ... с усадьбы с лесы, с сенными покосы и со всеми угодьи...".

Росписи приданого 1718 и 1730 гг., изданные П. И. Савваитовым *, содержат ряд наименований, встречающихся и в пародийной росписи XVIII в., перешедшей в лубочные издания: „фантаж", „самара", „бастрок" и т. д. Пародийные „Росписи приданого" сразу отразили эту перемену в одежде.

Тип народной небылицы, использованный в „Росписи приданого", в устной традиции сохранялся долго. Н. Е. Ончуков, записал в Неноксе, на „летнем" берегу Белого моря следующую небылицу- „прибалутку":

„Жил был старик с мужом да старуха с женой; детей у них не было, а полна изба робяток, жили они богато, денег скласть не во што и кошелька купить не на што. Дом был у них новой, околенки двойны, только рамы одны. Жона была раскрасавица, из лохани брана, помелом наресована, за окошко зглянет, дак три дня собаки лают, прочь не отходят. Рогатого скота было много: два кота убойных да две кошки подойных, сука без хвоста да ступа без песта; посуды было множество: медного, оловянного, полтора блюда деревянного; хлеба довольне: есь нечего, дети ревя, жонка ругаится, и старик выйдет на улицу с народом награится: «Эх, ребята, у меня жонка ругаится, ребята ревут, какое веселье в избы»".**

К устной сказке восходит и характерная сказочная концовка варианта XVII в., которая встречается также в сходной форме в ряде повестушек пародийного типа, в том числе в пародии-челобитной в той же рукописи О. XVII. 57, в „Повести о куре и лисице" по списку собрания Забелина, № 536, второй половины XVIII в., и по списку ГИМ, № 669, первой четверти XVIII в.

Словарь к текстам „Росписи о приданом" ***

Ароматник, ароматик — стекляночка с духами.

Балахон — шинель с рукавами.

Бастрок, бострок — короткий кафтан из так называемой мочальной (плетеной наподобие рогожки) материи.

---

* П. И. Савваитов. Описание старинных царских одежд. Записки Русского Археологического общества, т. XI, СПб., 1865.

** Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1908, стр. 508.

*** Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 4. СПб., 1881, стр. 246—248.

Брыжжи — воротнички, выпускаемые из-за галстука; кружева и оборки на манишке.

Душегрейка — коротенькая кофточка на меху или на вате.

Епанча — короткая шинель.

Изголовье — нижняя подушка на кровати, во всю ее ширину.

Карнет, корнет — головной убор в виде остроконечной шапочки.

Колпак — головной убор для спанья; шапка, суженная кверху.

Лаброн — роброн (см. роба) — платье с пышной юбкой, у которой низ подшит китовым усом или тростником.

Нахца — ночная наволочка на подушку.

Полог — матерчатый навес над кроватью.

Роба — парадное платье для выезда.

Самара, сармара — длинная старинная женская одежда.

Сережки двойчатки — состоящие из двух ярусов („изумруды с яхонты" в росписях 1718 и 1730 гг.) древнерусские „серьги двоенки" (розыск 1611 г.; см.: И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 18).

Танцелеревой (тренценелевой) балахон — танцевальный.

Усы — китовый ус (для юбок).

Фантаж — гофрированный стоячий воротник около шеи.

Шлафрок, шлафор — женское платье-халат (шлафор гулевой — платье для вечера, с золотым шитьем и металлическими пуговками (рядная 1730 г.).

Шубейка — коротенькая женская шубка.

Слово о мужах ревнивых

„Слово о мужах ревнивых" представляет собой образец бытовой сатиры, высмеивающей ревность в семейной жизни. По предположению издателя этого „Слова" В. И. Срезневского, оно сложено женщиной.*

Кто бы ни был автором этого карикатурного изображения мужа-ревнивца, следует признать, что гротескно нарисованный портрет мужа — подозрительного, всего опасающегося, всюду ищущего соперника, — сделан не без психологической наблюдательности. Впечатление от человека, все мысли которого постоянно заняты одним — как бы не проглядеть этого соперника или чего-нибудь предосудительного в поведении жены, — создается изображением того, как этот человек берется за какое-либо дело: „И как топор емлет, как не посечется, а осил ставит, как не удавится, а в пролубь смотрит, как не потопится, а хлеб режет, как не зарежется". Раздражение против ревнивца выливается в бранных сравне-

* В. И. Срезневский, стр. 142. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1900 и 1901 годах. Приложение 1-е. СПб., 1903, стр. 142.

ниях, которыми пересыпан рассказ о его поведении: „недужная овца“, „бешеная собака“, „недужная свиния“, „зарезаная овца“, „ползучий гад“ и т. п. Характерно это постоянное повторение сравнения ревнивца с больными животными: очевидно, в представлении автора „Слова“ ревнивый человек своим поведением напоминает больного.

„Добрая жена“ резко противопоставлена такому „злому мужчине“, хотя о ней самой в „Слове“ и не говорится. В этом отношении наше „Слово“ как бы полемизирует с наставлениями „Беседы отца с сыном о женской злобе“, которыми отец пытается предостеречь доверчивого сына от „женских соблазнов“.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Тексты

Приложения

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректоры *О. Б. Билинкис* и *З. И. Савинова*

РИСО АН СССР № 5433. Пл. № 2—64В. М-40699. Подписано к печати 23 IX 1954 г. Бумага 70×92/16. Бум. л. 9 1/8. Печ. л. 21,35. Уч.-изд. л. 16,93 + 8 вкл. (0,55 уч.-изд. л.). Тираж 5000. Зак. № 1138. Цена в переплете 12 р. 05 к.

1-я тип. Издательства Акад. Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

Опечатки

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
23	14 снизу	возки	возми
58	6 сверху	кабаче	кабаке
63	17 „	на бога	не бога
107	6 снизу	Бражник	Бражником
111	11—12 сверху	убруом".	убрусом".
149	11 сверху	Влево	Всево
156	13 снизу	рыбы	рабы
169	9 „	в форм	в форме
177	6 „	га	га-
239	6 сверху	скорбьна,	скорбь на

Русская демократическая сатира XVII века